

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН

ИНСТИТУТ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

А.В. САЛИЙЧУК

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЛИБЕРАЛИЗАЦИЯ
И МАКРОЭКОНОМИЧЕСКАЯ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬ
ЕГИПТА, ИОРДАНИИ И ТУНИСА**

Москва – 2012

Научное издание

Ответственный редактор В.А. Мельянцев

А.В. Салийчук

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЛИБЕРАЛИЗАЦИЯ И МАКРОЭКОНОМИЧЕСКАЯ
РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬ ЕГИПТА, ИОРДАНИИ И ТУНИСА
Москва, 2012, 240 стр.

В книге исследуются вопросы, рассмотрение которых в значительной мере позволяет понять механизмы глубоких изменений, приведших в итоге не к процветанию, а к революциям в группе арабских стран. Подробнейший анализ диалектики их роста высвечивает специфику влияния экономической либерализации на динамику фундаментальных показателей, создавая тем самым предпосылки для выявления причин мощного социального расслоения и подрыва политической стабильность в арабском обществе.

Книга рассчитана на специалистов, занимающихся изучением проблем социально-экономического и общественно-политического развития Арабского Востока и может использоваться как учебное пособие в соответствующих учебных заведениях.

ISBN 978-5-89282-504-7
ISBN 978-5-89394-232-3

**ISBN 978-5-89282-504-7
ISBN 978-5-89394-232-3**

© Институт Востоковедения РАН
© Институт Ближнего Востока
© А.В. Салийчук

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
ВВЕДЕНИЕ	9
ГЛАВА 1. ПРЕДПОСЫЛКИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЛИБЕРАЛИЗАЦИИ	15
1.1. Либеральные экономические реформы в развивающихся странах	15
1.2. Особенности рыночных реформ в арабских странах	24
1.3. Предпосылки рыночных реформ и стабилизация экономик	30
ГЛАВА 2. ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЛИБЕРАЛИЗАЦИИ	46
2.1. Политика экономической либерализации в Египте	46
2.2. Особенности политики рыночных реформ в Иордании	66
2.3. Специфика экономической либерализации в Тунисе	82
ГЛАВА 3. ВЛИЯНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЛИБЕРАЛИЗАЦИИ НА ТЕМПЫ И ФАКТОРЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА.....	104
3.1. Рыночные реформы и экономический рост на фоне колебаний конъюнктуры	104
3.2. Воздействие реформ на макроэкономические балансы и пропорции экономического роста	113
3.3. Структурные реформы, сокращение государственного вмешательства и социальная стабильность	137
3.4. Перед лицом мирового экономического кризиса	153
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	164
БИБЛИОГРАФИЯ	172
ПРИЛОЖЕНИЕ	182

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предложенная читателю монография посвящена весьма актуальной проблеме, а именно – структурным сдвигам в экономике группы арабских стран и динамике их экономического роста в ходе либеральных рыночных преобразований. Подобные реформы открывают серьезные перспективы и перед другими государствами арабского мира. Их совместное движение в едином русле может создать мощный поток изменений, захватывающий самые разные явления – от модернизации экономических основ и интенсификации хозяйственных процессов до трансформации социальных систем. Эти же реформы образуют и важный этап в продвижении государств региона к интеграции в мировую экономику. Автор убедительно показывает, что масштабная коррекция динамики экономических систем в рассматриваемых странах ведет к обретению ими нового качества в развитии, определяет переход к более сложным стратегиям совершенствования экономики. Хотя при этом следует отметить разную степень интенсивности преобразований и различия в реальных достижениях, определяющих весомость полученных результатов.

Действенность предпринимаемых шагов с целью повышения макроэкономической эффективности в большой мере варьируется в зависимости от хозяйственной ситуации в конкретных субъектах исследования. Но в любом случае реформы не только помогают преодолевать старые проблемы, но и приводят к возникновению новых. Наложение одних на другие нередко создает сложные сплетения вопросов, комбинирующихся в разных вариациях, что только усложняет условия функционирования хозяйственных организмов. Решение же масштабных задач перестройки национальных экономик происходит фактически в экстремальной обстановке. Она подпитывается из двух источников. С одной стороны, создается в ходе всеобщей мобилизации ресурсов в интересах модернизации, преодоления основных дисбалансов, более полного включения в систему международного разделения труда и других целей этого ряда. С другой стороны, экстремальность возникает как результат неминуемого

углубления социального неравенства в обществе и сопутствующих ему острых противоречий.

Соответствующие реформам инструменты инкорпорирования рыночных механизмов в традиционную среду нередко оказываются плохо адаптированными к особенностям текущих реалий и осуществляются методом проб и ошибок. К тому же невнимание к процессам, которые представляются властям второстепенными или отодвигаются на задний план при решении коренных вопросов финансовой стабилизации, является почти общим местом при проведении политики экономической либерализации.

Порой создается впечатление, что правящие режимы пытаются действовать в некоторых случаях как бы напролом, приближая желанный макроэкономический результат любой ценой. Следствием просчетов является неустойчивость экономических и социальных показателей, неудачи, а порой и прямые провалы на путях становления рыночных механизмов, что чревато угрозами жизнеспособности правящих режимов, поддержанию региональной и национальной безопасности. Другими словами, излишняя поспешность и игнорирование особенностей становления рыночных отношений в развивающихся странах может стать дестабилизирующим фактором для существования самих этих стран, способных взорваться под влиянием накопившихся противоречий.

Учитывая стратегическую важность Ближнего Востока для мирового хозяйства, можно полагать, что любые негативные последствия от действия рыночных сил на его пространствах могут вызывать крупные осложнения в системе глобальных экономических связей. В свете этого возможно появление обстоятельств, которые могут, так или иначе, сказаться на России. Россия выступает в роли крупного субъекта мировой хозяйственной деятельности и прямо или косвенно связана с конъюнктурой глобальных рынков энергоресурсов и других сырьевых товаров. Самые разнообразные причинно-следственные связи управляют событиями, способными воздействовать на общую обстановку на мировых товарных и фондовых биржах. Знание явлений, провоцирующих критические обстоятельства, вооружает пониманием того, что следует делать для преодоления негативных тенденций и связанных с ними трудностей.

Представляется, что монография ценна именно тем, чтоложила своей целью выяснить содержание и смысл текущей практики в Египте, Иордании и Тунисе применительно к рефор-

мам и к стабилизации экономики. Общая ориентация на выявление крупных, фундаментальных по своему характеру, принципов функционирования арабских воспроизводственных систем на этапе структурной перестройки и в рамках глобального финансово-кризиса определяет очевидную актуальность настоящего исследования.

Либеральные экономические реформы в конкретных обстоятельствах рассматриваемых стран фактически моделируют русло общего поворота арабского общества в сторону пересмотра прежних стратегий развития. Анализ предпосылок и сути перехода к рыночным механизмам роста, отличных от схем государственного регулирования, помогает вникнуть в реальное содержание процессов не только в указанных объектах исследования, но и в других частях арабского мира.

Уверенность в большой значимости рассматриваемой работы определяется тем, что выбранные соискателем государства являются в достаточной мере типичными для группы ненефтяных стран Арабского Востока, хотя и явно не идентичными друг другу по многим параметрам. Но они выделяются на фоне родственных экономик не только степенью диверсификации, но и самым высоким удельным весом обрабатывающей промышленности и наиболее заметным в регионе темпом роста ВВП на душу населения. В силу этих достижений, как верно подмечает автор, они могли до определенной поры претендовать на то, чтобы стать образцами экономической политики для ряда других арабских стран. Особенно это касается их выживания в реалиях глобализированной экономики за счет достаточно тонкого тюнинга своих воспроизводственных механизмов. Естественно, сказанное относится к периоду, которым автор к моменту завершения монографии себя ограничил, и не распространяется на события начала 2011 года, которые привели на Ближнем Востоке к серьезнейшим социальным противоречиям и к заметному сбою в работе воспроизводственных систем. Эти потрясения, если будут распространяться и далее, могут в той или иной форме отразиться как на социальной обстановке, так и на экономической практике целого ряда других арабских стран.

Довольно длительный период финансовой стабилизации и структурных реформ завершился социальной деградацией больших масс населения и массовыми беспорядками. Но этот момент, как представляется, не должен бы скрывать того факта, что группа ресурснодефицитных арабских стран в принципе продемонст-

рировала на определенном отрезке времени свою способность добиваться сдвигов в макроэкономической стабилизации, равно как и показала неспособность долго удерживаться на занятых позициях. Это, конечно, дезавуирует опыт, накопленный в попытках интегрироваться с той или иной долей успеха в мировое хозяйство, не только благодаря нефти, но и за счет усилий, которые направлялись на повышение конкурентоспособности и производительности арабской экономики.

Система доказательств такого положения вещей выстроена автором монографии на основе анализа динамики макроэкономических показателей. Это дало ему возможность не просто обобщить большой объем разнообразных статистических данных, но и, что наиболее ценно, выявить основные соотношения между параметрами роста в рассматриваемых объектах и проследить закономерности образования узких мест, доказав неизбежность их появления. Так, автором был сделан ряд обоснованных выводов относительно того, что арабские страны имеют особенности, не способствующие быстрому течению рыночных реформ. Ускоренный экономический рост в отдельные периоды имеет нестабильную и дефицитную природу, коррекция макроэкономических балансов дает преимущественно краткосрочный эффект. Медленный рост производительности и низкая эффективность занятости мешают занятию ниш в высококонкурентных сегментах мирового рынка. Автор подтвердил и с цифрами в руках обосновал правильность этих наблюдений, показав, что даже последовательность в осуществлении реформ не способна обеспечить устойчивость их результатов и неподверженность внешним воздействиям.

На основании этого можно заключить, что системный подход и анализ масштабных категорий определяют серьезность и глубину исследования. Примененная автором методология дала возможность придать монографии существенную научную значимость, стать весомым вкладом в раскрытие механики взаимодействия между государством и частным сектором в деле гармонизации внешних и внутренних макроэкономических балансов. Одновременно показаны пределы и ограничители этого процесса и состояние его производных. И это также говорит в пользу того, что монография отнюдь не является формальным исследованием темы.

Автор творчески подходит к поставленным вопросам в поисках ответов. Он добивается максимальной степени достоверности своих выводов, которые соответствуют реальным фактам и пока-

зывают практическую сторону явлений, формирующих облик трех рассматриваемых экономик. Для большей ясности и убедительности исследование построено таким образом, чтобы как можно рельефнее обрисовать общее, характерное для группы избранных стран на этапе либеральных реформ, и в то же время выделить то особенное, что придает каждой из экономик специфические черты. Цель этого понятна, поскольку только через сопоставление этих двух категорий можно дать агрегированную картину поднятой темы во всей ее сложности и противоречивости.

А это тем более важно потому, что на самом деле картина реформ и их макроэкономической результативности чрезвычайно мозаична. В своем сюжете она по определению несет множество мелких деталей, далеко не всегда приступающих в ходе анализа уже готовых цифр из различных официальных источников. Автор же стремится убрать белые пятна в поднятой теме и делает это весьма творчески, широко используя собственные расчеты, чтобы подкрепить сделанные выводы.

Им в целом объективно и критично рассматривается экономическая ситуация и последствия реформ в трех типологически разных арабских государствах. Проведенный макроэкономический анализ с академической точки зрения весьма востребован и закрывает целую нишу в российской востоковедной литературе по вопросу. Результаты этого анализа, облеченные в форму монографии, имеют большое практическое и познавательное значение и будут полезны большому кругу востоковедов, экономистов, социологов, изучающих Арабский Восток с непредвзятых позиций и в объективном свете.

А.О. Филоник

ВВЕДЕНИЕ

К началу 2000-х годов тема либеральных экономических реформ перестала быть настолько насыщной и злободневной, как это было в 80-х – начале 90-х годов прошлого века, когда вслед за долговым кризисом и распадом социалистического лагеря десятки стран мира отдали рыночным силам приоритет над государственным регулированием. Причин, обусловивших этот масштабный разворот, было много: это расширение внешних и внутренних финансовых дисбалансов из-за недостаточно ответственной экономической политики, снижение эффективности командных методов управления экономикой, валютно-финансовая нестабильность в мире после краха Бреттон-Вудской системы обменных курсов. Замедление экономического роста и периодические рецессии в развитых странах в 70–80-х годах также сыграли здесь заметную роль, поскольку развивающиеся страны сильно зависели от ситуации в центрах мирового хозяйства через сырьевой экспорт и обратные потоки заемного капитала.¹

Однако именно сейчас, по прошествии примерно двух десятилетий с момента запуска рыночных реформ во многих развивающихся странах, чрезвычайно важно проанализировать их промежуточные итоги, а также сравнить эффективность тех моделей экономической либерализации, которые были реализованы различными странами Азии и Африки.² Причина в том, что

¹ Например, не секрет, что спусковым крючком долгового кризиса 1980-х гг. стало решение Федеральной резервной системы США резко поднять ставку рефинансирования, чтобы обуздить нарастающую инфляцию. Это привело к резкому удорожанию заемных денег для стран «третьего мира» и затруднило обслуживание уже накопленного внешнего долга, вынудив многие из них объявить дефолт по внешним обязательствам.

² Этот вопрос заслуживает особого внимания хотя бы потому, что наибольших успехов на данном этапе достигли такие страны, как Китай и Индия, которые весьма осторожно подходили к либеральным экономическим рецептам из Вашингтона и сторонились методов «шоковой терапии».

мировой экономический кризис, начавшийся летом 2007 г. с обвала рынков ипотечного кредитования в США, подвел своеобразную черту под эпохой либеральной финансово-экономической глобализации – процесса, к которому по мере своих сил подключались развивающиеся страны. Свобода торговли и движения капитала сейчас – больше, чем когда бы то ни было, – являются мишенью для критики, а доверие к либеральным доктринам наподобие бездефицитного бюджета сильно пошатнулось, после того как сами развитые страны использовали далеко не либеральные методы для борьбы с кризисом, в частности, стали спасать проблемные банки и резко увеличили госрасходы в счет наращивания долга. Все это порождает опасения относительно того, что в будущем будут отвергнуты даже те меры внешней и внутренней либерализации, которые доказали свою эффективность для развивающихся экономик.

В монографии автора интересовали те арабские страны, которые делают свой выбор в пользу более или менее рыночных стратегий в условиях ограниченных ресурсов, а не получают огромную природную ренту в виде доходов от экспорта нефти и газа. Однако так называемые ненефтяные арабские государства сами отличаются большой неоднородностью, и в их составе можно выделить различные группировки. Несмотря на это, целесообразно объединить в одну группу для исследования такие страны, как Египет, Иордания и Тунис, хотя, действительно, у этих государств хватает различий. Например, они сильно отличаются друг от друга по площади и населению (в Египте оно в 12 раз больше, чем в Иордании и в 7 раз больше, чем в Тунисе). Кроме того, Иордания является чистым импортером энергоресурсов, в Тунисе экспорт нефти в последние годы почти сравнялся с импортом, и только Египет является чистым экспортёром «черного золота».³

Тем не менее, есть у этих стран и много общих черт. Во-первых, они имеют сопоставимый уровень дохода на душу населения (валовой национальный доход в ППС на душу населения

³ Вместе с тем, значение экспорта нефти для экономики Египта не стоит преувеличивать. В 2008/09 финансовом году (заканчивается 30 июня) его объем был сопоставим с объемом поступлений от туризма (соответственно 11 и 10,5 млрд. долл.). А если рассматривать чистый экспорт нефти (за вычетом импорта), то он в два с половиной раза меньше, чем доходы от туризма, и даже уступает поступлениям от Суэцкого канала.

накануне мирового экономического кризиса составлял 5160 долл. в Иордании, 5400 долл. в Египте и 7130 долл. в Тунисе).⁴ А это само по себе совсем не мало для региона, в котором соседствуют беднейшие страны наподобие Мавритании и Йемена и богатые нефтедобывающие монархии Персидского залива. Вторых, это наиболее диверсифицированные арабские экономики с самым высоким удельным весом обрабатывающей промышленности, и в 1990–2000-х годах именно они показывали одни из самых высоких темпов роста ВВП на душу населения в регионе. Наконец, судя по многим признакам, именно Египет, Иордания и Тунис продвинулись дальше других арабских стран по пути рыночных реформ, в частности, в либерализации внешней торговли.

Актуальность выбора именно этих трех государств ярко продемонстрировала поднявшаяся в конце 2010 – начале 2011 гг. волна народных выступлений, затронувшая большую часть стран Арабского Востока и приведшая к смене целого ряда многолетних политических режимов. Начало этим протестам было положено в Тунисе, где массовые демонстрации вспыхнули неожиданно и менее, чем за месяц вынудили президента Бен Али и его окружение бежать из страны. Вдохновленные этим примером, египтяне всего за три недели опрокинули тридцатилетний режим Х. Мубарака, сделав неизбежным наступление «арабской весны». С запада на восток – от Марокко и Алжира до Сирии и Бахрейна – арабская молодежь начала выходить на улицы со схожими требованиями социальной справедливости и расширения политических свобод. В Ливии демонстрации оппозиции превратились сначала в полноценный вооруженный конфликт, а затем – в предлог для несоразмерного военного вмешательства стран НАТО, продолжавшегося вплоть до убийства М. Каддафи. Уже под занавес 2011 г. ушел в отставку долго сопротивлявшийся демонстрациям оппозиции и международному давлению президент Йемена Али Абдалла Салех. Продолжается сирийский кризис, где противостояние власти и оппозиции имеет еще и конфессиональную окраску и угрожает ввергнуть страну в пучину гражданской войны. В то же время в Иордании (так же, как и в Марокко) демонстрации против властей имели весьма ограниченный характер, поскольку авторитет правящих королевских

⁴ Данные за 2007 год из World Bank World Development Report 2009, P. 352–353.

семей в глазах населения по-прежнему высок.⁵ А, например, в Алжире протесты против властей не приняли большого размаха, потому что еще слишком свежи воспоминания о гражданской войне 90-х годов, когда в столкновениях армии и исламистов погибли десятки тысяч человек.

Для настоящей работы принципиально важно то, что недовольство арабской улицы приняло столь ярко выраженные формы только после того, как уличные революции одержали победу в Тунисе и Египте. Падение режимов Бен Али и Мубарака стало полной неожиданностью как для арабских, так и для зарубежных наблюдателей и породило много вопросов, имеющих прямое отношение к теме этого исследования. Случайно ли то, что первые арабские революции произошли не в беднейших странах региона с самыми острыми социальными проблемами, а напротив, в наиболее развитых из ненефтяных государств, которые к тому же более активно проводили либеральные рыночные реформы? Почему эти реформы лишь усилили протестные чувства жителей Египта и Туниса, хотя сами экономики этих стран к началу 2000-х годов стали выглядеть достаточно динамичными и привлекательными для иностранных инвесторов? Какие настолько схожие проблемы стоят перед арабскими странами, что искра тунисской революции раздула настоящий пожар, затронувший важные государства Ближнего Востока и Северной Африки? Хотя настоящая работа к началу этих событий находилась в завершающей стадии и непосредственно их не затрагивает, однако, она, видимо, может дать пищу для размышлений над многими ставшими актуальными вопросами, в частности, относительно связи между экономической либерализацией и социально-политической стабильностью в арабском мире.

Монография ни в коем случае не претендует на анализ всего многообразия рыночных реформ в арабском мире и тем более не ставит целью оправдать политику экономической либерализации или, напротив, показать ее непригодность для кон-

⁵ Очевидно, что легитимность монархов в глазах населения при прочих равных выше, чем легитимность «пожизненных президентов», которые до недавнего времени правили в большинстве арабских стран. Не случайно протестующие в Иордании и Марокко требуют перехода к конституционной монархии, но не свержения самих королевских семей.

крайних стран.⁶ Это скорее попытка взглянуть на перспективы региона во все более конкурентном мировом экономическом пространстве посредством анализа результатов либерализации в ряде арабских стран, которые отличаются достаточно высоким уровнем развития и при этом не имеют доступа к практически неограниченной нефтегазовой ренте. Поскольку экономическая либерализация имеет множество различных аспектов – от социального до политэкономического и финансового, – было сочтено возможным несколько ограничить поле исследования. Работа посвящена, в первую очередь, тому, как рыночные реформы повлияли на ключевые макроэкономические показатели и балансы рассматриваемых стран, в частности, темпы роста валового продукта и производительности труда, норму сбережений и инвестиций, объем и сбалансированность внешней торговли, состояние государственного бюджета. Целью исследования было оценить влияние экономической либерализации на макроэкономическую результативность Египта, Иордании и Туниса с точки зрения их перспектив как участников процессов глобализации и догоняющего развития. При этом была учтена высокая степень зависимости всего арабского мира от внешнеэкономической конъюнктуры, прежде всего, от мировых цен на нефть, а также непростая социальная ситуация в рассматриваемых странах, связанная с быстрым ростом рабочей силы и высокой безработицей. Временные рамки исследования охватывают современный этап либеральных экономических реформ 90-х и 2000-х годов, но отнюдь не ограничены им.⁷ Исследование тех особенностей экономических систем Египта, Иордании и Туниса, которые и определили необходимость масштабных реформ в либерально-рыночном духе, также возвращает ко времени «нефтяного бума» 70-х – первой половины 80-х годов. Кроме того,

⁶ В частности, за рамками работы остался вопрос о принципиальной совместимости базовых принципов демократии и рыночной экономики с культурными особенностями арабского мира. Лишь в самом общем виде рассмотрены некоторые политэкономические характеристики данного региона, непосредственно влияющие на склонность к проведению рыночных реформ.

⁷ В рассматриваемых странах и до этого случались эпизоды экономической либерализации, в частности, египетский «инфитах» или «политика открытых дверей» в период после 1973–74 гг. и предшествовавший ему период смягчения плановой экономики в Тунисе в самом начале 70-х годов. Однако по своей продолжительности, глубине и эффекту они не сравнимы с масштабным поворотом к рынку во второй половине 80-х – начале 90-х годов.

по возможности были учтены предварительные итоги и последствия «арабской весны», которая охватила регион в конце 2010 – начале 2011 гг.

Политика либерализации в арабских странах (в частности, в Египте, Иордании и Тунисе) относится к числу сравнительно малоизученных тем в российской экономической и востоковедческой литературе. Неудивительно, что исследователей и экспертов гораздо больше интересуют рыночные реформы в ряде стран Восточной и Юго-Восточной Азии, которые сумели осуществить настоящее экономическое чудо в последние двадцать тридцать лет благодаря успешному тиражированию опыта первых новых индустриальных стран. Куда более скромные достижения арабских стран, видимо, обусловливают и меньший интерес к проводимым ими преобразованиям, несмотря на то что в некоторых своих аспектах они могут быть полезными для понимания коллизий рыночного развития России. Ведь и для нашей страны крайне актуален вопрос о склонности к реформам в условиях благоприятной внешней конъюнктуры, а именно высоких цен на нефть.

Автор глубоко благодарен В.А. Мельянцеву, без внимания и ценных советов которого эта работа никогда бы не увидела свет. Также автор выражает большую признательность В.А. Исаеву, А.В. Федорченко, А.О. Филонику и Л.А. Фридману за их замечания и поддержку. Все недостатки настоящего исследования находятся исключительно на совести самого автора.

ГЛАВА 1. ПРЕДПОСЫЛКИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЛИБЕРАЛИЗАЦИИ

1.1. Либеральные экономические реформы в развивающихся странах

Либеральные экономические реформы в развивающихся странах стали ответом на кризис государственных финансов и платежного баланса, а также вышедший из-под контроля инфляцию. На протяжении 50–70-х годов прошлого века освободившиеся от колониальной опеки государства активно регулировали экономику, используя систему множественных обменных курсов, устанавливая цены на основные потребительские товары и создавая многочисленные преференции для предприятий государственного сектора, которые должны были стать основой современной национальной промышленности. Поначалу эти механизмы обеспечили достаточно быстрое накопление капитала, увеличение производительности труда и уровня жизни, однако со временем они привели к серьезным дисбалансам между секторами экономики, падению эффективности производства, углублению разрыва между инвестициями и сбережениями и, как следствие, росту зависимости от внешних источников финансирования. Почему это произошло? Некоторые считают, что политика так называемого дирижизма исчерпала свою эффективность, потому что чиновникам как экономическим агентам свойственно принимать неоптимальные решения. По мнению других, коллапс Бреттон-Вудской системы и признаки стагнации в развитых экономиках резко увеличили степень нестабильности мировой экономической системы, и самые слабые ее участники в большинстве своем не смогли грамотно отреагировать на возросшие внешние шоки.⁸

Как бы то ни было, 80-е годы стали неудачным десятилетием для большинства развивающихся стран. Про Тропическую Африку, Латинскую Америку, Ближний Восток и Северную Африку это

⁸ См. Rodrik D. Development Strategies for the Next Century. Harvard University Working Paper, 2001.

можно сказать наверняка, хотя два гиганта развивающегося мира – Китай и Индия – и ряд государств Восточной и Юго-Восточной Азии, напротив, демонстрировали в это самое время устойчиво высокие темпы экономического роста.⁹ Все больше стран Азии, Африки и Латинской Америки сталкивались с обострением дефицита государственного бюджета и платежного баланса и, как следствие, были вынуждены прибегнуть к внешним заимствованиям. Дефолт, объявленный правительством Мексики в 1982 г., стал началом крупномасштабного долгового кризиса в странах Востока и Юга (по разным оценкам от сорока до пятидесяти из них столкнулись с проблемой внешней задолженности). В этих условиях большинство развивающихся стран решились на проведение либеральных экономических преобразований под эгидой МВФ и Всемирного банка – так называемой программы финансовой стабилизации и структурных реформ.

Набор принципов, на котором основывалась эта программа, был изначально сформулирован американским экономистом Джоном Уильямсоном применительно к Латинской Америке, но вследствии стал известен как «华盛顿ский консенсус». Его суть заключалась в ограничении влияния государства на экономику и повышении ее открытости внешним рынкам при одновременном укреплении фискальной дисциплины и более ответственной макроэкономической политике. В своем первоначальном виде он включал в себя следующие пункты.¹⁰

⁹ Например, Л.А. Фридман показал, что начиная уже с 80-х годов в странах, подушевой ВНП которых возрастал быстрее, чем в развитых государствах, проживало большинство населения Азии, Африки и Латинской Америки (как раз благодаря густонаселенным Китаю, Индии и Индонезии). А в 90-х годах эта тенденция стала еще более выраженной. *Фридман Л.А. Глобализация: развитые и развивающиеся страны*, М. 2000. С. 25–31. Вместе с тем, В. Истерли рассматривал развивающиеся страны вне зависимости от численности проживающего в них населения и пришел к выводу, что невзвешенный темп роста их ВВП на душу населения в 80–90-х годах был равен нулю (по сравнению с 2,5% в 60–70-х годах). И это несмотря на то, что большинство показателей качества экономической политики улучшилось по сравнению с предыдущим периодом: увеличилась глубина финансового сектора, «полегчал» валютный курс, снизился дефицит бюджета и даже в развитии институтов был достигнут определенный прогресс. *Easterly W. The Lost Decades: Developing Countries' Stagnation in Spite of Policy Reform 1980–1998*, World Bank Working Paper, 2001. Р. 3.

¹⁰ Цитируется по Williamson J. A Short History of the Washington Consensus. Paper presented at a conference “From the Washington Consensus towards a new Global Governance”. Barcelona, September 24–25, 2004. P. 1–2.

1) *Фискальная дисциплина*. Большинство латиноамериканских стран в то время имели большой дефицит бюджета, что рано или поздно приводило к высокой инфляции и кризису платежного баланса.

2) *Пересмотр приоритетных направлений государственных расходов*, предполагающий отказ от необоснованных субсидий в пользу ассигнований на здравоохранение, образование и инфраструктуру. Это не предполагало обязательного снижения общего уровня госрасходов, поскольку, по выражению Дж. Уильямсона, «даже такой безнадежный сторонник консенсусов, как он, не мог себе представить, чтобы дебаты о желательном размере госсектора завершились хотя бы и с наступлением столь часто провозглашавшегося в то время «конца истории».

3) *Налоговая реформа*. Целью являлось создание такой налоговой системы, которая сочетала бы широкую налоговую базу с умеренными налоговыми ставками.

4) *Либерализация процентных ставок*. Высокая инфляция в сочетании с недобросовестной политикой многих латиноамериканских правительств, фиксировавших процентные ставки на заданном низком уровне для удобства финансирования госдолга, зачастую означала отрицательную реальную ставку по вкладам, что дестимулировало сбережения населения.

5) *Конкурентоспособный* (то есть, не переоцененный) обменный курс для развития экспортных отраслей и создания преимуществ перед импортом для национальных производителей.

6) *Либерализация внешней торговли*. Хотя целесообразность этого шага в целом не оспаривалась в то время и не оспаривается сейчас, однако большой вопрос, с какой скоростью и в какой последовательности необходимо снижать торговые барьеры, а также какие шаги нужно предпринять параллельно с этим для поддержки национального экспорта.

7) *Либерализация притока прямых иностранных инвестиций*, но не полная открытость по капитальным счетам, как неоднократно подчеркивал впоследствии Джон Уильямсон.

8) *Приватизация*. Это одно из тех неолиберальных новшеств, которое получило действительно широкое признание в теории и практике. Однако и здесь оказались свои подводные камни: как оказалось, очень важно то, как проводится приватизация. Распродажа государственных активов может легко превратиться в крайне коррупционный процесс, от которого выиграет узкий круг приближенных к власти людей.

9) *Дeregулирование рынков*: снижение барьеров на вход и выход в отрасль, отказ от практики установления цен государством и т.д.

10) *Обеспечение прав собственности*. Цель – предоставить занятым в неформальном секторе возможность с минимальными затратами времени и средств зарегистрировать имеющуюся у них собственность, чтобы они могли эффективно участвовать в экономическом развитии.

Данному набору мер очевидно не хватало социального и институционального фокуса. К тому же, как отметил даже такой убежденный либерал как Ф. Фукуяма, «... проблема заключалась в том, что хотя государства и нуждались в ограничении в определенных сферах, им было необходимо одновременное усиление в других. Однако строительству государства в повседневной деятельности, по крайней мере такому же важному, как ослабление его роли в других сферах, не уделялось должного внимания».¹¹ Как это часто бывает в действительности, навязанный извне пакет спасительных мер не учитывал специфику отдельных стран и в результате оказался не слишком эффективен. Либеральные реформы во многих странах не оправдали ожиданий, а в некоторых из них, не имевших необходимого набора государственных и общественных институтов, даже привели экономику к худшему состоянию, чем она, скорее всего, была бы без этих реформ. Что касается самих стран Латинской Америки, то в течение 1980-х гг. они в целом сумели урегулировать свой долг перед западными банками и вернуть доверие инвесторов, но меры жесткой экономии привели к падению уровня жизни населения, не принеся желаемого экономического роста.¹² Более того, МВФ и Всемирный банк увязали «واشنطنский консенсус» с более широким набором требований к развивающимся странам, некоторые из которых трудно охарактеризовать иначе, чем как безответственные. По мнению многих, именно преждевременное открытие по капи-

¹¹ Ф. Фукуяма Сильное государство. Управление и мировой порядок в XXI веке. М., 2006. С. 18–19.

¹² В 1993 г. американский экономист Рудигер Дорнбуш, который длительное время отслеживал состояние мексиканской экономики, составил отчет по результатам своего анализа и заглавил его «Мексика: стабилизация, реформы и *никакого роста*» (курсив наш – Mexico: Stabilization, Reform and No Growth). Кругман П. Возвращение Великой депрессии, М., 2009. С. 77.

тальным счетам, на котором настаивали международные финансовые организации, стало главной причиной Азиатского финансового кризиса 1997 г. Все это вызвало шквал критики в адрес МВФ и Всемирного банка, а также ставшего синонимом неолиберализма «واشنطنского консенсуса». Причем критики со стороны таких маститых исследователей, как Дж. Стиглиц и Д. Родрик.

В частности, по мнению нобелевского лауреата и бывшего высокопоставленного чиновника Всемирного банка Джозефа Стиглица, МВФ уже давно перестал выполнять те функции, которые были на него возложены изначально. «Основанный на признании, что рыночный механизм часто функционирует неудовлетворительно, фонд стал с идеологическим жаром отстаивать верховенство рынка... МВФ и Всемирный банк стали новыми миссионерскими институтами, через которые эти идеи проталкивались в сопротивляющиеся, но испытывающие острую нужду в кредитах и грантах бедные страны. Их министерства финансов были готовы принять новую веру, если это требовалось для получения фондов».¹³ Он считает, что близость руководства МВФ и Всемирного банка к американской финансовой элите с Уолл-стрит объясняет, почему столь большое внимание уделялось именно либерализации движения капитала в развивающемся мире, хотя выигрыш бедных стран от такого решения был весьма сомнителен.

Д. Родрик согласен с либералами в том, что индивидуальная рыночная инициатива и здоровые экономические стимулы полностью определяют экономическое развитие, а рыночная экономика не имеет себе равных в выстраивании подобных стимулов и направлении частной инициативы на службу общему благосостоянию (так называемая «невидимая рука рынка»). Однако он критикует создателей всевозможных «华盛顿ских консенсусов» за то, что они не придают внимания двум важным моментам: во-первых, что рыночная экономика совместима с различными наборами институтов, и во-вторых, что вероятность успеха экономических реформ тем выше, чем ближе их масштаб и цели к существующему уровню институтов. По его мнению, на практике это означает дальнейшее сужение пространства, в рамках которого небогатые страны могут осуществлять свою стратегию развития. Более того, даже «пост华盛顿ский консенсус» фактически запрещает развивающимся странам прибегать к некоторым

¹³ Стиглиц Дж. Глобализация: тревожные тенденции. М., 2003. С. 31.

стратегиям, которые уже доказали свою состоятельность в прошлом, например, к активной торговой и промышленной политике для поощрения экспорта и защиты национальных производителей от импорта.¹⁴

Выдающиеся успехи китайской экономики даже заставили исследователей говорить о появлении новой модели экономического развития – «пекинского консенсуса». В мае 2004 г. Лондонским центром международной политики была опубликована статья, в которой утверждалось, что "واشنطنский консенсус" "исходит из желания сделать счастливыми банкиров", а "пекинский консенсус" – добиться справедливого и высококачественного роста в интересах простых людей. Его отличительными чертами назывались «рост при сохранении независимости», "решительное стремление к инновациям и экспериментам" (например, специальные экономические зоны), "защита государственных границ и интересов" и "накопление инструментов асимметричной силы" (в виде сотен миллиардов долларов валютных резервов).¹⁵ Правда, в той же статье отмечалось, что эта стратегия вынужденная, поскольку только она может спасти Китай от социального взрыва.

На практике рыночные реформы под эгидой МВФ и Всемирного банка проводились, как правило, в два этапа. Первый сравнительно короткий период макроэкономической и финансовой стабилизации включал в себя меры жесткой экономии для борьбы с внешними и внутренними дисбалансами и инфляцией. Уменьшение дефицита бюджета достигалось за счет резкого сокращения госрасходов, причем выбор того, какие именно статьи подвергнутся сокращению, как правило, оставался за правительствами самих развивающихся стран. Они могли урезать инвестиционные программы государственных предприятий (или, например, расходы на оборону), ущемив тем самым интересы технократии и

¹⁴ Rodrik D. Development Strategies for the Next Century. Harvard University, 2001. P. 24–27. Критика в адрес «华盛顿ского консенсуса» привела к появлению его исправленной версии – «пост华盛顿ского консенсуса» – который повторяет большинство идей своего предшественника, однако дополнен положениями о повышении эффективности госуправления, укреплении базовых рыночных институтов, снижении социального неравенства (даже в ущерб темпам экономического роста) и предотвращении финансовых кризисов.

¹⁵ По состоянию на 9 ноября 2010 г. статья публициста и бывшего редактора международного отдела журнала «Тайм» Джошуа Рамо под названием «Китай обнаружил свой собственный консенсус» доступна в интернете по адресу <http://fpc.org.uk/fsblob/240.pdf>.

военных, или подвергнуть секвестру социальные программы, заморозить или сократить зарплаты госслужащих. Сокращение бюджетного дефицита и прекращение практики монетарного финансирования (простого печатания денег) вкупе с ограничением банковского кредитования должны были способствовать снижению темпов роста денежной массы и торможению инфляции.

Во внешнеэкономической сфере реформы обязательно предполагали отмену системы множественных обменных курсов. Согласно этой системе экспортёры были обязаны продавать свою валютную выручку государству по заниженному курсу, а оно в свою очередь в льготном порядке обеспечивало валютой госпредприятия для импорта машин и оборудования и устанавливало дискриминирующий курс для большинства остальных экономических агентов. Реформы напротив должны были сделать доступ к иностранной валюте открытым, ликвидировав тем самым постоянно функционировавший черный рынок. По тем же самим причинам отменялось лицензирование импорта, которое часто превращалось в инструмент злоупотреблений и еще сильнее затрудняло хозяйственную деятельность непривилегированных экономических агентов. По сути, эти механизмы работали как своеобразный налог на экспортёров, которые были вынуждены продавать валюту по заниженному курсу, а покупать уже по завышенному, еще и приобретая при этом лицензии на импорт с премией черного рынка.

Помимо ликвидации этих искажений в работе рыночного механизма правительствам развивающихся стран рекомендовалось девальвировать национальную валюту, чтобы смягчить обычно имевшую место переоценку реального курса. В первую очередь это было необходимо для ограничения торгового дефицита, поскольку подешевевшая национальная валюта означала сжатие импорта и поддержку экспорта. Ведь именно кризис платежного баланса, истощение золотовалютных резервов и рост задолженности по кредитам, привлекаемым в том числе для финансирования внешнеэкономической деятельности, были главной причиной, по которой развивающиеся страны обращались за помощью к МВФ и Всемирному банку. Таковы были ключевые мероприятия программ макроэкономической стабилизации, успех которых измерялся сокращением дефицита государственного бюджета, торгового баланса и счета текущих операций, а также ростом золотовалютных резервов, торможением инфляции и сжатием черного рынка иностранной валюты.

В случае, если цены на внутреннем рынке поддерживались преимущественно за счет субсидий и устанавливались на основе плановых показателей (как это было например в СССР и других странах соцлагеря), международные финансовые организации рекомендовали их полную либерализацию (политика, получившая название «шоковой терапии»). На практике это сопровождалось неконтролируемой инфляцией и резким падением уровня жизни, из-за чего само выражение «рыночные реформы» по сей день вызывает устойчивое неприятие у многих российских граждан. Следует отметить, что в большинстве развивающихся стран, какую бы популистскую политику они не проводили, таких масштабных искажений цен все-таки не было, и реформы не сопровождались столь мощным шоком для населения, как это было в странах бывшего Советского союза. Однако для простых людей весьма болезненным могло быть удорожание импортных товаров из-за девальвации национальной валюты, сокращение зарплат работников бюджетной сферы и социальных программ.

Стартовый этап преобразований плавно перетекал в следующую, не менее сложную и более длительную стадию – структурные реформы. В ее рамках развивающиеся страны должны были провести демонтаж госсектора, который помимо сферы социальных услуг, транспорта и инфраструктуры, как правило, главенствовал и в ключевых отраслях добывающей и обрабатывающей промышленности. Шаги в этом направлении включали в себя отмену субсидий на продукцию государственных предприятий, отказ от регулирования цен на потребляемое ими сырье и полуфабрикаты и сокращение финансируемых из бюджета инвестиционных программ. Более того, правительства развивающихся стран должны были запустить программы приватизации с целью продажи предприятий госсектора частным внутренним или иностранным инвесторам. Конечная цель – отказаться от любых форм субсидирования потребительских товаров, будь то продовольствие, топливо или электроэнергия и вообще свести к минимуму свое вмешательство в процесс ценообразования, ограничиваясь поддержкой конкуренции.

Во внешнеэкономической сфере МВФ и Всемирный банк подталкивали развивающиеся страны к полному отказу от регулирования экспорта и импорта, а также снижению импортных тарифов и нетарифных ограничений. Кроме того, приветствовался переход к рыночному валютному курсу и снятие ограничений на операции по текущему, а затем и по капитальному счету. Как мы

уже отмечали выше, этот последний пункт стал источником самой острой критики в адрес международных финансовых организаций, особенно после того, как выяснилось, что открытие ряда НИС Юго-Восточной Азии потокам «горячего» краткосрочного капитала стало одной из причин мощнейшего кризиса, который потряс их в 1997–98 гг. Вообще вопрос о том, в какой степени развивающимся странам следует открываться внешнему рынку, был и остается предметом острых дискуссий. Позицию МВФ и Всемирного банка по этому поводу отличало то, что они были в первую очередь озабочены снижением торговых барьеров и не слишком задумывались о том, какие шаги следовало бы предпринять развивающимся странам, чтобы не потерять свои и без того не слишком крепкие позиции на мировом рынке. В результате большинство успешных торговых и индустриальных стратегий в этих странах состоялись не благодаря, а вопреки рекомендациям международным финансовым организациям.

Наконец, неотъемлемой частью структурных реформ являлась либерализация финансовой сферы. Правительства развивающихся стран, как правило, тесно контролировали банковскую систему и использовали ее в основном для финансирования бюджетного дефицита и кредитования предприятий госсектора. Обычной практикой были отрицательные реальные процентные ставки (для привилегированных предприятий), что дестимулировало сбережения населения, а также жесткое регулирование кредита по заемщикам и срокам. Рекомендации МВФ и Всемирного банка обязательно включали либерализацию процентных ставок и кредита вплоть до приватизации госбанков при участии иностранных инвесторов. Также предполагалось ослабить контроль над движением капитала, обеспечив иностранным инвесторам доступ к рынкам акций и других активов и сделав аналогичные послабления в адрес собственных граждан, компаний и банков, желающих инвестировать за рубеж или привлекать оттуда заемные капиталы.

Как можно оценить итоги экономической либерализации сейчас, спустя два с лишним десятилетия после того, как ее начали широко применять в развивающихся странах? С одной стороны, представляется, что было действительно необходимо ограничить чрезмерное вмешательство государства в экономику, поскольку оно часто носило рентостремительный характер, а также обеспечить проведение ответственной макроэкономической политики. Но, с другой, – факт остается фактом – ярким пятном на фоне

невыразительных достижений большинства развивающихся стран в этот период является ряд государств Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии, которые весьма выборочно и осторожно подходили к либеральным реформам и делали упор на привлечение новых технологий и поддержку экспорта. Иными словами, экономическая либерализация была одним из необходимых, но очевидно не достаточным условием достижения высоких темпов экономического роста.

1.2. Особенности рыночных реформ в арабских странах

Арабский мир крайне неоднороден по уровню экономического развития и ресурсному потенциалу входящих в него стран. Самая очевидная граница проходит между монархиями Персидского залива, которые сумели достичь уровня подушевого дохода развитых стран или приблизиться к нему благодаря огромным запасам нефти и газа, и всеми остальными странами региона. Среди последних также есть такие, которые сильно зависят от экспорта углеводородного сырья (Ливия, Алжир) или, по крайней мере, удовлетворяют собственные потребности в нем, продавая излишки заграницу (Египет, Сирия). Но и все остальные страны региона традиционно сильно зависят от денежных переводов трудовых мигрантов (преимущественно из нефтяных монархий Персидского залива и развитых стран Запада), а также разнообразной экономической помощи (в основном, от монархий Персидского залива и США). Все это объясняет, почему регион так сильно зависит от внешнеэкономической конъюнктуры и, прежде всего, мировых цен на нефть.

Как и абсолютное большинство развивающихся стран, государства арабского Востока долгое время проводили политику импортозамещающей индустриализации с опорой на государственный сектор экономики (естественно, с поправкой на специфику нефтедобывающих монархий Персидского залива). Имея мощную «подушку» из нефтедолларов, а в случае стран, не являющихся экспортёрами нефти – переводов от трудовых мигрантов и экономической помощи, они осуществляли масштабные инвестиционные проекты, регулировали цены и обменные курсы, чтобы поддержать зарождающуюся национальную промышленность. Частному сектору в этих планах отводилась в лучшем случае вспомогательная роль. Нефтяной бум 1973 г. продлил период

относительного благополучия арабских стран: крах Бреттон-Вудской системы и последовавшее за этим замедление экономической роста как развитых, так и развивающихся стран их почти не затронули. Но после падения цен на «черное золото» в середине 80-х годов у стран региона возникли серьезные проблемы. Они столкнулись с резким обострением экономических дисбалансов и вслед за многими другими странами Азии, Африки и Латинской Америки были вынуждены вступить на путь рыночных преобразований.

Экономические реформы получили более широкое распространение в сравнительно небогатых ресурсами странах региона таких, как Тунис, Марокко, Египет, Иордания. Однако страны-экспортеры нефти также оказались вовлечены в этот процесс, хотя и в различной степени: консервативная Саудовская Аравия соседствует с динамичными и открытыми ОАЭ. Безусловно, рыночные реформы возвели определенный эффект: даже небогатые страны региона сумели избежать полномасштабного валютно-финансового кризиса. Тем не менее, большинство исследователей сходятся в том, что начиная с 80-х годов отставание арабских стран от других субрегионов развивающегося мира, за исключением может быть Тропической Африки, как по темпам экономического развития, так и по степени интеграции в мировую экономику только усилилось. А это значит, что арабский мир рискует остаться на обочине глобализации, испытывая при этом близкое к критическому демографическое давление: по оценкам ООН население региона к 2015 г. достигнет 395 млн. чел. по сравнению со 150 млн. в 1980 г., причем около 60% из них будут младше 25 лет.¹⁶ Мы далеки от мысли о том, что арабский мир обречен на отсталость и постоянные конфликты, однако трудно не признать, что у этого региона есть ряд специфических особенностей, которые не способствуют быстрым реформам ни в политической, ни в экономической сфере.¹⁷

Начать стоит с того, что по мнению большинства исследователей арабские страны после получения независимости пред-

¹⁶ UNDP, Regional Bureau for Arab States, Arab Human Development Report 2009. P. 2.

¹⁷ Открытость и плюрализм политической системы имеют значение, ведь решение о начале экономических реформ редко принимается из чисто экономических соображений, а скорость и содержание преобразований во многом определяются тем, насколько они задевают интересы правящего класса. И это влияние тем заметней, чем меньше подотчетность властей.

ставляли собой не слишком устойчивые образования с искусственно проведенными границами и без длительной традиции государственности. В таких условиях жесткий авторитарный тип правления был, возможно, единственной возможностью сохранить единство страны и создать условия для формирования национального государства. Нельзя не обратить внимание на устойчивость арабских политических режимов: Х. Мубарак управляет Египтом уже без малого тридцать лет, Б. аль-Асад принял власть над Сирией из рук своего отца после сопоставимого по срокам правления, в Марокко, Иордании и монархиях Персидского залива власть сосредоточена в руках правящих семей. С другой стороны, арабские общества по-прежнему остаются традиционными, они разделены по племенному и семейному принципу, даже если кочевых племен как таковых в них уже не осталось. В некоторых странах государство может позволить себе не считаться с традиционными кланами (Египет), в других – играет роль арбитра и распределяет между ними финансовые ресурсы иственные полномочия (Иордания). А если клановость сопровождается этноконфессиональной фрагментарностью, то налицо все условия для длительного конфликта: такова ситуация в Судане, Ливане, Ираке, а также в какой-то степени в Сирии. Наладить диалог между противоборствующими общинами при помощи демократических механизмов оказывается очень тяжело или невозможно. Но дело не только в этнических конфликтах – даже в относительно моноэтнических и современных арабских обществах демократическое развитие серьезно затруднено.

Ближний Восток отличается крайней частотой военных конфликтов: минимум шесть полномасштабных войн (четыре арабоизраильские, ирано-иракская война и операция «Буря в пустыне»), ряд региональных конфликтов (вокруг Западной Сахары, периодические вторжения Израиля в Ливан) и кровопролитных гражданских войн (в Судане, Йемене и др.) – все это само по себе делает этот регион особым местом на политической карте мира. По уровню военных расходов государства Ближнего Востока прочно удерживают мировую пальму первенства: в конце 80-х годов они тратили на военные цели в среднем 8,8% ВНП по сравнению с 1,3% ВНП в Латинской Америке, 2% в Восточной Азии, 3,8% в Южной Азии и 4% в Тропической Африке, а из 12 стран мира с самой высокой долей военных расходов в ВНП десять были ближневосточными. К 2001 г. разрыв несколько сократился, но Ближний Восток все равно остается наиболее «милитаризиро-

ванным» регионом со средними расходами на оборону на уровне 6–7% ВВП.¹⁸ Неудивительно, что в ситуации постоянной военной напряженности генералы имеют большое влияние в правящей элите, а внесение поправок в конституцию и отказ от обычного права в пользу законов военного времени становятся обычным делом (в Египте, например, все еще действует регулярно продлеваемый парламентом закон о военном положении). Это означает, что пока не будет решена хотя бы часть из многочисленных конфликтов на Ближнем Востоке, военные сохранят свое влияние, а простор для дебатов и политического плюрализма будет существенно ограничен.

Однако важнейшей особенностью арабских стран в рассматриваемом нами контексте является их высокая зависимость от нестабильных внешних доходов. Как мы говорили выше, в одних странах – это поступления от экспорта нефти и газа, в других – официальная помощь и трансферты от трудовых мигрантов (а в Египте – еще и прибыль от эксплуатации Суэцкого канала).¹⁹ Эти доходы сформировали определенную «подушку безопасности», которая позволила до последнего откладывать назревающие реформы и проводить откровенно популистскую политику за счет скрытого дефицита бюджета и внешнеторгового баланса. Поскольку большая часть дополнительных ресурсов доставалась государству, в арабских странах расцвел этатизм, а непропорциональный рост импорта (благодаря доступности «легких» валютных доходов) лишил стимулов развивать промышленное производство за пределами субсидируемого госсектора. Ренто-

¹⁸ Waterbury J. Democracy Without Democrats: the potential for political liberalization in the Middle East // Democracy Without Democrats? The Renewal of Politics in the Muslim World ed. by Gh. Salame I.B. Tauris Publishers, London, 2001. P. 45–46. Данные за 2001 год из WDI 2003 CD-Rom.

¹⁹ Большую часть этих доходов можно с определенными оговорками отнести к разряду ренты. Прибыль от эксплуатации Суэцкого канала – это безусловная географическая рента, хотя и оплаченная каторжным трудом и угнетением египтян в XIX в. Такие страны как Иордания, Сирия, Египет в течение долгого времени получали щедрую поддержку от монархий Персидского залива только за то, что находились в самом очаге ближневосточного конфликта. Этую помощь можно охарактеризовать как ренту с весьма распространенной в арабском мире разновидности политического капитала под названием «борьба с сионизмом». Впоследствии место нефтяных монархий заняли Соединенные Штаты, которые начали «поддерживать долларом» прямо противоположную тенденцию – урегулирование отношений арабских стран с Израилем.

стремительный характер государства на Ближнем Востоке проявился и в том, что многие инструменты политики импортозамещения наподобие множественных обменных курсов и лицензирования импорта превратились в источник обогащения правящей элиты за счет производительного сектора экономики.²⁰ В этих условиях неудивительно, что экономическое развитие арабских стран было крайне нестабильным и зависящим от единственного фактора – мировых цен на нефть.

Ни одна из вышеуказанных черт: клановость и этноконфессиональная фрагментарность, подверженность военным конфликтам и милитаризованность элит, рентостремительный характер государства и зависимость от внешних источников дохода – сама по себе не является уникальной и, как показывает опыт других стран, не представляет собой непреодолимого препятствия для развития демократии и рыночной экономики. Например, Индия – крупнейшая демократия мира, как называют эту страну – отличается крайней этнической и конфессиональной пестротой и соседствует с традиционно враждебным Пакистаном. Индонезия также полигэтнична и, в отличие от Индии, не получила в наследство от колонизаторов работающего набора республиканских институтов – однако эта страна стала одним из соавторов азиатского «экономического чуда». Тем не менее, сразу все перечисленные особенности в комплексе вряд ли свойственны хотя бы еще одной стране или региону, кроме арабского мира, и это во многом объясняет столь явную нехватку демократии и реформ на Ближнем Востоке.

Однако было бы неправильно утверждать, что арабские страны не предпринимали попыток модернизации. Первым и наиболее ярким лидером независимого арабского мира был Гамаль Абдель Насер – человек, чьи действия вдохновлялись западными идеями самоопределения, национализма и, отчасти, социализма. «Все режимы, от баасистов и генералов в Сирии и Ираке до консервативных монархий в Персидском Заливе, выражались похожими терминами и прибегали к одним и тем же инто-

²⁰ Следует отметить, что так обстояло дело и во многих других развивающихся странах. По оценке Энн Крюгер, объем ренты, извлекаемой путем нелегального распределения импортных лицензий, достигал 5% национального дохода Индии в 1964 году и 15% (!) национального дохода Турции в 1968 г. Krueger A. The Political Economy of the Rent-Seeking Society // The American Economic Review, 1974, № 64 (3). P. 291–303.

нациям. Они не просто подражали Насеру. Арабы жаждали стать современными и усматривали современность в восприятии западных идей, даже если это сопровождалось противостоянием западному влиянию».²¹ Однако новоиспеченные арабские режимы заботились, прежде всего, об укреплении своей власти и, выстроив вокруг себя бюрократию и военную машину на западный манер, не спешили заимствовать западные свободы и либерально-конституционные ценности. Кроме того, как мы указали выше, они стали проводить далеко не самую эффективную экономическую политику. Вкупе с усердным подавлением оппозиции это привело к общественному недовольству и почти повсеместному усилению исламистов как единственной реальной альтернативы властям. Вот в самых общих чертах то состояние, в котором арабский мир подошел к точке отсчета либеральных экономических реформ.

Оказавшись к середине 80-х годов на грани валютно-финансового кризиса, государства региона по крайней мере на словах объявили курс на построение более открытых и диверсифицированных экономик с преобладающей ролью частного сектора. Однако в абсолютном большинстве из них реформы проводились неспешно и под тщательнейшим контролем властей, не в последнюю очередь потому, что правящие режимы откровенно опасались, что инициированные ими экономические преобразования поставят под угрозу само их существование. Как отмечает В.А. Исаев, «на Ближнем Востоке, как, возможно, нигде в других местах, тесно связана с политикой, с судьбами правящих режимов, создавших для себя соответствующую материальную базу, выстроенную на основе конкретных идеологических концепций. Разрушение ее может привести к необратимым последствиям для этих режимов, поэтому на Ближнем Востоке отмечается низкая динамика экономических и общественно-политических изменений».²² Главный вопрос, который возникает в этой связи: может ли случиться так, что либеральные экономические реформы приведут к возникновению влиятельного арабского среднего класса, постепенной трансформации существующих режимов, и, в конечном

²¹ Ф. Закария Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами. М., 2004. С. 138–139.

²² Исаев В.А. Ближний Восток и вызовы глобализации // Арабские страны Западной Азии и Северной Африки (новейшая история, экономика и политика), вып. 6, 2007. С. 59–60.

итоге, к политической либерализации (как это было, например, на Тайване и в Южной Корее)? Вероятно, такой сценарий совершенно не исключен. Другое дело, что весьма скромные экономические достижения большинства арабских стран пока не позволяют говорить о какой-то существенной либеральной трансформации общества. На повестке дня стоит борьба с бедностью и безработицей – явлениями, которые могут поставить по угрозу все, что было достигнуто за время реформ.

1.3. Предпосылки рыночных реформ и стабилизация экономик

В последние два-три десятилетия экономическое развитие Ближнего Востока и Северной Африки было не самым быстрым. Нефтяное благополучие монархий Персидского залива стало уже привычным, а остальные страны пока не явили пример «экономического чуда» или «экспортного бума», которые стали устойчиво ассоциироваться с экономиками двух мировых гигантов – Китая и Индии – и целого ряда других азиатских стран. Отставание арабского мира по темпам экономического развития стало полностью очевидно в 90-х годах, когда ВВП на душу населения в арабских странах увеличивался мизерным темпом 1,2% в год – быстрее, чем в одной лишь Тропической Африке, где он сокращался на 0,5% в год, и в разы медленнее, чем в Южной Азии, не говоря уже о стремительно рвавшейся вперед Восточной Азии во главе с Китаем (см. табл. 1.1). Несмотря на заметное ускорение роста ВВП в 2000-х годах и особенно после нового скачка нефтяных цен в 2004–05 гг., темпы увеличения подушевого продукта в арабском мире трудно назвать удовлетворительными. В среднем в 1990–2000-х годах они составили 2,1% в год, что позволило АС достичь уровня Латинской Америки (2% в год), но не Южной и Восточной Азии (4,3 и 7,5% в год).

Вместе с тем, этот неутешительный результат обусловлен низкими (а в 90-х годах – отрицательными) темпами роста ВВП на душу населения в странах – экспортёрах нефти, в то время как в так называемых «ненефтяных» арабских странах данный показатель был заметно выше (на 2 проц. п. в 90-х годах, на 0,0–0,5 проц. п. в 2001–2004 гг. и 1,5–2,0 проц. п. в 2005–08 гг.). Кроме того, средняя цифра маскирует впечатляющий рывок, который в последние годы удался Египту, Иордании и Тунису. Во всех этих трех странах

Таблица 1.1.

**Темпы прироста ВВП на душу населения в арабских странах
в сравнении с другими регионами мира**

	1991–2000	2001–2004	2005–2008	1991–2008
Египет	2,4	1,4	4,6	2,6
Иордания	1,0	3,5	4,3	2,3
Ливан (с 1992 года)	1,9	3,6	2,8	2,5
Марокко	-0,1	4,3	3,7	2,2
Сирия	2,2	1,2	1,3	2,0
Тунис	3,3	3,6	4,3	3,5
Ненефтяные	1,8	2,3	3,9	2,5
Нефтяные	-0,2	2,5	2,2	1,1
Все АС	1,2	2,4	3,4	2,1
Восточная Азия	7,2	7,2	8,9	7,5
Латинская Америка	1,7	0,7	4,0	2,0
Тропическая Африка	-0,5	1,7	3,3	0,8
Южная Азия	3,3	4,3	6,7	4,3
Индонезия	2,8	3,1	4,7	3,3
Малайзия	4,6	2,6	3,8	4,0
Таиланд	3,5	4,1	3,5	3,6
Турция	1,9	2,2	4,6	2,6

Примечания. 1. Группа нефтяных арабских стран включает Алжир, Бахрейн, Кувейт, ОАЭ, Оман и Саудовскую Аравию. Из-за нехватки статистической информации в нее не включены Ливия и Катар, а также по понятным причинам Ирак. Мы не брали в расчет и группу наименее развитых стран региона (Джибути, Йемен, Коморские острова, Мавритания, Сомали и Судан). Тем не менее, сделанная нами выборка вполне представительна, поскольку в данных 12 странах проживает три четверти населения арабского мира, а их удельный вес в ВВП региона еще выше. 2. Значения по регионам и группам стран (в том числе «нефтяным» и «ненефтяным» арабским странам и всему арабскому миру) средневзвешенные по удельному весу населения отдельных государств. Автор сделал также другой вариант расчета, взвесив данные значения по удельному весу ВВП отдельных арабских стран в ВВП всего региона, и получил очень близкие результаты. 3. Данные по Ливану взяты с 1992 г., чтобы нивелировать восстановительный эффект после длительной гражданской войны, а по Кувейту – с 1993 г. из-за агрессии режима Саддама Хусейна.

Рассчитано по: The World Bank WDI Online Dataset.

в 2005–08 годах ВВП на душу населения рос темпом выше 4% в год, что вполне сопоставимо, например, с уровнем Индонезии, Малайзии, Таиланда и Турции. В целом за 1990–2000-е годы темп прироста подушевого ВВП в этих странах был несколько скромнее, но все равно заметно выше, чем в среднем по арабскому миру. В Египте и Иордании (2,6 и 2,3% в год) его величина была сопоставима с уровнем Турции, а в Тунисе (3,5% в год) – с уровнем НИС Юго-Восточной Азии. Не случайно, что в экономиках именно этих трех стран самый высокий в регионе удельный вес обрабатывающей промышленности – от 16 до 18% ВВП. В условиях, когда большая часть населения в арабском мире занята в низкопроизводительной сфере услуг, это может рассматриваться как свидетельство сравнительно более высокой эффективности их экономических структур.²³ Итак, предметом исследования являются именно эти три страны. Каким образом они пришли к экономическим реформам?

Период с 1974 г. по 1985 г., вместиивший в себя два резких скачка цен на нефть,²⁴ был чрезвычайно удачным для арабского мира. Причем не только для крупных экспортеров нефти, но и для всех остальных стран, которые получили свою долю нефтедолларов благодаря резкому увеличению официальной помощи (прежде всего, от монархий Персидского залива) и переводов от мигрантов, занятых в хозяйстве тех же нефтедобывающих монархий.²⁵ Из рассматриваемых нами стран Египет и Тунис являлись одновременно получателями трансфертов и экспортерами

²³ UNDP, Regional Bureau for Arab States, Arab Human Development Report 2009. Р. 104–105. Что касается монархий Персидского залива, то некоторые из них добились значительных успехов в развитии обрабатывающей промышленности, однако ее удельный вес в валовом продукте, тем не менее, невысок из-за доминирования нефтяной отрасли.

²⁴ Первый в 1974 г. после решения ОПЕК взвинтить цены на сырье в ответ на американскую поддержку Израиля и второй – после исламской революции в Иране в 1978 г. По некоторым оценкам, средняя цена арабской нефти на внешнем рынке увеличилась к 1980 г. в 22–23 раза по сравнению с 1970 г. Иванова И.П. Особенности воспроизводства общественного продукта в арабских странах. М., 1987. С. 126.

²⁵ Всего за период с 1970 г. по 1990 г. арабские страны – экспортёры нефти потратили на безвозмездную помощь около 90 млрд. долл., большая часть которых естественно досталась более бедным странам региона. Diwan I., Squire L., Underwood J. External Finance in the Middle East: Trends and Prospects, World Bank Discussion Paper, 1993, Annex 1. Р. 1.

нефти (хотя и очень небольшими), в то время как Иордания выиграла только от увеличения помощи и переводов из-за рубежа. Благодаря скачку цен на «черное золото» доля нефти в товарном экспорте Туниса увеличилась с 26–27% в начале 1970-х годов до 50% в начале 80-х годов, а в товарном экспорте Египта – с 4–5% до 60–65%. От увеличения официальной помощи в большей степени выиграли Каир и Амман, находящиеся в самом центре ближневосточного конфликта: ее приток в Египет вырос втрое (с 5% ВВП в год в 1970–73 гг. до 15% ВВП в 1974–78 гг.), в Иорданию – вдвое (с 15,6 до 30,1% ВВП). В Тунисе объемы помощи наоборот снизились за тот же период с 7,1 до 5,9% ВВП. В то же самое время в Египте и Иордании взрывным темпом увеличивался приток средств от мигрантов: в Египте с 104 млн. долл. в 1972 г. до 897 млн. долл. в 1977 г. и 2082 млн. долл. в 1982 г. (1,2% – 6,1% – 8,1% ВВП соответственно), в Иордании – с 21 млн. долл. до 470 млн. долл. и 1082 млн. долл. (2,7% – 22,9% – 22,4% ВВП). Тунис, для которого главным направлением трудовой эмиграции традиционно является Европа, оказался в меньшем выигрыше (как и в случае с официальной помощью): объем переводов от мигрантов вырос с 168 млн. долл. в 1976 г. до 372 млн. долл. в 1982 году или с 3,3 до 4,6% ВВП.²⁶

Приток внешних ресурсов позволил всем трем странам резко нарастить совокупные расходы на потребление и инвестиции:

²⁶ Рассчитано по данным в текущих долларах из UNCTAD Handbook of Statistics Online Database, WDI 2003 CD-Rom. Здесь необходимо отметить, что по оценкам некоторых исследователей приток переводов от трудовых мигрантов сопровождался сопоставимым по масштабу бегством частного капитала за рубеж. В странах Машрека (Египет, Иордания, Йемен, Сирия, Палестинские территории) совокупный объем переводов в 1975–79 гг. достиг 15,5 млрд. долл., а бегство капитала – 12,3 млрд. долл., в 1980–84 гг. 30,7 и 20,9 млрд. долл., в 1985–89 гг. 28,8 и 23,6 млрд. долл. соответственно. В странах Maghrib перевозы в 1974–79 гг. составили 5,8 млрд. долл., а отток капитала – 6,9 млрд. долл., в 1980–84 гг. 8,1 и (-0,9) млрд. долл. и в 1985–89 гг. 13,4 и 17,0 млрд. долл. соответственно. Из рассматриваемых нами стран наиболее сильное бегство капитала наблюдалось в Египте – в общей сложности 14,5% ВНП в 1975–79 гг., 12,5% ВНП в 1980–84 гг. и 9,2% ВНП в 1985–89 гг., несколько меньшее – в Иордании (1,7 – 6,2 – 9,7% ВНП соответственно) и самое незначительное – в Тунисе (2,2 – (-1,7) – 3,5% ВНП). Это означает, что больше всего от притока внешних ресурсов выиграл государственный сектор стран Ближнего Востока, в то время как частный сектор зачастую не мог найти применения для своих сбережений внутри страны. *Diwan I., Squire L., Underwood J.* External Finance in the Middle East: Trends and Prospects, World Bank Discussion Paper, 1993. P. 13–15.

в Тунисе они увеличились с 95,5 до 106,1% ВВП, в Египте с 104,2 до 114,5% ВВП, в Иордании с 128,2 до 145,8% ВВП (см. табл. 1.2). При этом в каждой из них капиталовложения увеличивались намного быстрее, чем потребление, что привело к двукратному росту нормы валового накопления в Египте и Иордании (с 14,9% до 29% ВВП и с 17,0 до 34,4% ВВП в текущих ценах соответственно), и ее увеличению на третью в Тунисе (с 23,2 до 30,7% ВВП).²⁷ Удельный вес конечного потребления заметно увеличился только в Тунисе (с 72,3 до 75,4% ВВП), в Иордании он остался на прежнем уровне (111,2 и 111,4% ВВП), а в Египте сократился (с 89,3 до 85,5% ВВП).²⁸ Столь очевидный выбор инвестиционного пути

²⁷ Заметим, что эта тенденция была характерна не только для трех выбранных арабских стран. По расчетам И.П. Ивановой, доля валового накопления в ВВП Алжира увеличилась с 23% в 1960-х гг. до 45% в 1970-х гг., в Марокко – с 13% до 25% ВВП, в Сирии – с 13% до 23% ВВП. *Иванова И.П.* Особенности воспроизведения общественного продукта в арабских странах. М., 1987. С. 99. С другой стороны, столь стремительный рост капиталовложений вызывает сомнения в адекватности статистики. По расчетам, для того чтобы при данных темпах роста ВВП столь значительно выросла норма капиталовложений, реальные инвестиции в Египте и Иордании должны были увеличиваться в 1974–85 гг. примерно на 14–15% в год, в Тунисе – на 8–9% в год. Естественно возникает вопрос, на самом деле этим странам удавалось так быстро наращивать инвестиции на протяжении целых 12 лет подряд, или все дело в том, что они использовали заниженный дефлятор инвестиций (особенно много подозрений вызывают данные по Египту и Иордании). На наш взгляд, некоторая переоценка капиталовложений имела место, и к данной официальной статистики в рассматриваемых странах стоит относиться с осторожностью. Завышение удельного веса инвестиций как наиболее динамичного компонента ВВП по сравнению с потреблением домохозяйств, госпотреблением и чистым экспортом среди прочего означает, что завышенными могли быть темпы роста ВВП в целом. Это подтверждается оценками В.А. Мельянцева, который пересчитал веса компонентов египетского ВВП с учетом скорректированных дефляторов и показал, что темп экономического роста в этой стране в 1960–73 гг. мог составлять не 4,7% как в официальной статистике, а 3,7–4,3% в год, а в наиболее успешных 1974–85 гг. – не 7,9%, а 6,8% в год.

²⁸ Падение доли потребления в ВВП Египта несмотря на увеличение внешних трансфертов домохозяйствам объясняется тем, что после мирного договора с Израилем в 1978 году значительная часть бюджетных средств, которые ранее тратились на оборону, были перенаправлены на инвестиции в инфраструктуру и предприятия госсектора (а расходы на армию все-таки, как правило, относят к текущим, а не капитальным расходам). О том, насколько велика могла быть эта сумма, свидетельствует то, что по оценке известного египетского экономиста Самира Радуана, после поражения в войне 1967 года Египет был вынужден тратить

роста был предопределен, с одной стороны, тем, что правительства этих стран стремились всячески наращивать инвестиции госсектора в соответствии с идеями плановой экономики,²⁹ а с другой – тем, что домохозяйства предпочитали не потреблять, а инвестировать большую часть полученных из-за рубежа переводов в недвижимость.³⁰

Темпы экономического роста, которых при этом удалось достичь Египту, Иордании и Тунису, а также уровень и эффективность инвестиций были вполне сравнимы, а в некоторых случаях даже превосходили аналогичные показатели в новых индустриальных странах. Темп прироста ВВП в Египте и Иордании в 1974–85 гг. по данным Всемирного банка был выше, чем в среднем по Индонезии, Корее, Малайзии и Таиланду (соответственно 7,9 и 10,3% в год против 6,8% в год в НИС), а в Тунисе (5,7% в год) лишь немного уступал этому показателю. По доле инвестиций в ВВП все три рассматриваемые страны превзошли уровень данных четырех НИС (27,7% ВВП), а Египет и Иордания – еще и по эффективности инвестиций: показатель предельной капиталоемкости экономического роста в Египте достигал 3,7, в Иордании – 3,3 (4,7 если использовать, на наш взгляд, более реалистичную оценку темпов прироста ВВП от ООН), в Тунисе – 5,4 по сравнению с 4,6 в Индонезии, Корее, Малайзии и Таиланде.³¹

на оборону до четверти своего ВВП. *Radwan S. Capital Formation in Egyptian Agriculture and Industry, 1882–1967.* L., 1974. P. 210.

²⁹ К концу нефтяного бума доля инвестиций частного сектора достигала в Тунисе 40–45% общего объема капиталовложений, в Египте, несмотря на некоторое поощрение частных инвестиций в рамках политики инфитаха, их объем не превышал 35–40% валового накопления капитала. То есть государственный сектор продолжал доминировать в производственном секторе данных экономик. Рассчитано по *Everhart S., Suliniski M. Trends in Private Investment in Developing Countries (Statistics for 1970–2000) and the Impact on Private Investment of Corruption and the Quality of Public Investment, IFC Discussion Paper № 44, 2001, P. 55–61.*

³⁰ По оценкам МВФ, 85 центов из каждого переведенного в Иорданию доллара расходовалось домохозяйствами на капитальные цели, в первую очередь, строительство жилья. *IMF Occasional Paper, Jordan: Strategy for Adjustment and Growth ed. by Maciejewski E., Mansur A., 1996. P. 17–20.* Данные за период с 1977 г. по 1994 г.

³¹ Коэффициент предельной капиталоемкости экономического роста равен отношению средней нормы инвестиций за период к среднему темпу прироста ВВП. Сразу отметим, что по мнению многих исследователей проводить межстрановые сопоставления следует не в национальных, а в международных ценах при помощи паритетов покупательной способности (ППС). Полученная при этом картина

Таблица 1.2.

**Использование ВВП Египта, Иордании и Туниса
до и после «нефтяного бума»**

	Египет		Тунис		Иордания	
	1960– 73	1974– 85	1961– 73	1974– 85	1970– 73	1974– 85
Потребление, % ВВП	89,3	85,5	72,3	75,4	111,2	111,4
Инвестиции	14,9	29,0	23,2	30,7	17,0	34,4
Валовые расходы	104,2	114,5	95,5	106,1	128,2	145,8
Чистый экспорт	-4,2	-14,5	4,5	-6,1	-28,2	-45,8
Импорт	20,1	39,1	16,8	40,5	40,8	82,3
Экспорт	15,9	24,6	21,3	34,4	12,6	36,5
Сбережения	10,7	14,5	27,7	24,6	-11,2	-11,4
Разрыв финансирования	-4,2	-14,5	4,5	-6,1	-28,2	-45,8
Чистые трансферты плюс чистые факторные доходы (плат.бал.)		6,4		0,9		40,9
Дефицит текущего счета		-10,2		-7,2		-1,9
	1962– 73	1974– 85	1962– 73	1974– 85		1976– 86
Темп прироста ВВП (ВБ), %	4,7	7,9	6,3	5,7		10,3
Темп прироста ВВП (ООН)		8,5		5,6		7,4

Примечания: 1. Доли компонентов ВВП рассчитаны в национальной валюте в текущих ценах. 2. Разрыв финансирования одновременно равен разнице внутренних сбережений и инвестиций и чистому экспорту товаров и услуг. 3. Сумма чистых текущих трансфертов и чистых факторных доходов к ВВП рассчитана по данным платежного баланса в текущих долларах. 4. В теории величина разрыва финансирования плюс сумма чистых текущих трансфертов и чистых факторных доходов должна быть равна сальдо счета текущих операций платежного баланса. Но в данном случае полного равенства не наблюдается, поскольку разрыв финансирования рассчитан по данным системы национальных счетов, а остальные показатели – на основе данных платежного баланса.

Рассчитано по: The World Bank WDI Online Dataset (использование ВВП Египта и Туниса), UN National Accounts Database (ряды данных Всемирного банка по использованию ВВП Иордании начинаются только с 1976 года, поэтому мы воспользовались рядами ООН с 1970 г.), The World Bank WDI 2003 CD-Rom (данные по платежному балансу всех трех стран). Оценка темпов экономического роста дана в двух вариантах по данным The World Bank WDI Online Dataset и UN National Accounts Database.

может существенно отличаться от той, которую дает традиционная система национальных счетов, что будет продемонстрировано в 3-й главе на базе данных последнего раунда расчета ППС Всемирным банком.

Вместе с тем, модель экономического развития данных арабских стран имела свои очевидные минусы и ограничения. Подогреваемый нефтедолларами внутренний спрос во все большей степени удовлетворялся за счет импорта. В результате сальдо торгового баланса в Тунисе до того бывшее положительным ухудшилось до -6% ВВП, в Египте торговый дефицит вырос втрое с 4,2% до 14,5% ВВП, а в Иордании – до астрономических 45,8% ВВП. Все три страны стали намного больше зависеть от внешнего финансирования инвестиций: доля внутренних источников в Тунисе снизилась со 100% до 80%, в Египте – с 72% до 50%. Правда, если рассматривать национальные сбережения, то есть внутренние сбережения плюс чистые текущие трансферты и чистые факторные доходы, то этот показатель увеличится в Тунисе до 80–85%, а в Египте – до 70–75%. Оставшийся дефицит финансировался за счет притока иностранного капитала, объем которого мог достигать 10,2% ВВП в год в Египте и 7,2% ВВП в Тунисе (см. табл. 1.2 – именно таков был дефицит счета текущих операций в этих странах). Причем подавляющую его часть составляли не иностранные инвестиции, а государственные и частные банковские кредиты, которые вели к увеличению внешнего долга. Что касается Иордании, то в ней и до «нефтяного бума» одно лишь потребление превышало весь объем валового продукта, а частные и государственные инвестиции полностью финансировались за счет переводов из-за рубежа и официальной помощи. Следовательно, потребность в притоке иностранного капитала была невелика – не более 2% ВВП в год.

С другой стороны, поскольку во всех трех странах государство играло роль главного инвестора и работодателя (по негласному социальному контракту власти пытались обеспечивать работой всех выпускников высших учебных заведений), а также субсидировало цены на широкий круг потребительских товаров и тратило значительные средства на оборону и внутреннюю безопасность, то неудивительно, что для всех них был характерен хронически острый дефицит государственного бюджета. По оценкам Всемирного банка, его средняя величина в Египте в 1974–85 гг. составляла 13–14% ВВП, в Иордании – 8–9% ВВП, и лишь в Тунисе он находился

на сравнительно приемлемом уровне в 4% ВВП.³² Сочетание этих двух дефицитов (дефицита бюджета и счета текущих операций) привело к тому, что по итогам даже столь благоприятного периода внешняя задолженность рассматриваемых стран увеличилась в разы: в Египте с 24,5% ВВП в 1974 г. до 104,2 % ВВП в 1985 г., в Иордании – с 22,6% ВВП до 77,0% ВВП, в Тунисе – с 28,2% ВВП до 58,1% ВВП.³³ Об углублении внутренних дисбалансов в экономиках рассматриваемых стран свидетельствовало и резкое ускорение инфляции: в среднем с 3,2% в год в 1961–73 гг. до 11,3% в 1974–85 гг. в Египте и с 4,2% в год в 1962–73 гг. до 9,7% в 1974–85 гг. в Тунисе.³⁴ Вместе с тем, инфляционные тенденции в данных странах поначалу сдерживались тем, что правительства покрывали бюджетный дефицит за счет грантов и займов и рубежа, практически не используя для этого печатный станок и другие разгоняющие рост цен методы бюджетного финансирования. Время для этих мер пришло после того, как внешний долг вырос до опасных размеров, а каналы официальной помощи изрядно иссякли (в наименьшей степени это относится к Тунису, который отличался самой жесткой бюджетной дисциплиной из рассматриваемых стран). Как следствие, в Египте и Иордании резкий всплеск инфляции произошел во второй половине 80-х годов, когда рост цен в отдельные годы зашкаливал за 20–30%.

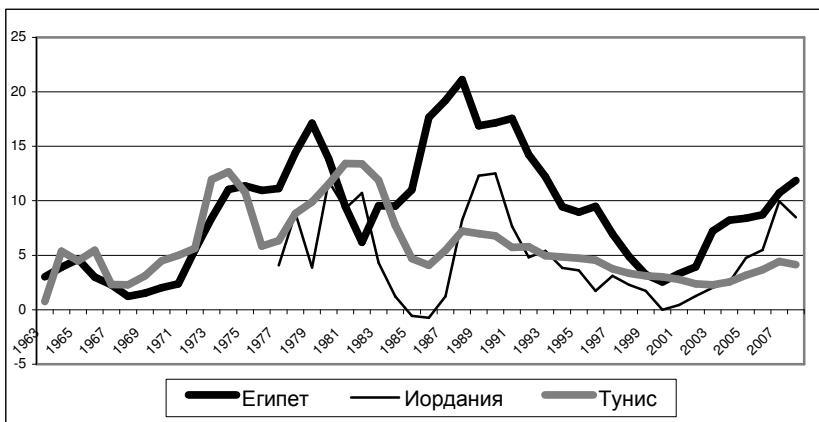
³² Данные по центральному правительству рассматриваемых стран из WDI 2003 CD-Rom. Понятно, что статистика по госфинансам является, возможно, наименее достоверной по сравнению с другими ее видами и что размер бюджетного дефицита во многом зависит от того, насколько широко трактуется понятие «правительство», включает ли оно местные органы власти и различные внебюджетные фонды. В данном случае важно то, что дефицит был очень большим и очевидно неустойчивым (кроме Туниса). Тот факт, что в Тунисе ситуация с государственными финансами была более благоприятной, представляется весьма правдоподобным, если учесть, что в отличие от Египта и Иордании он находился вдалеке от горнила ближневосточного конфликта и не был вынужден тратить огромные средства на оборону.

³³ Рассчитано по данным в текущих долларах: WDI 2003 CD-Rom.

³⁴ Рассчитано по данным дефлятора ВВП: WDI Online Dataset. К сожалению, ряды значений по Иордании в данном источнике начинаются только с 1976 г. По ним инфляция в королевстве в 1976–85 гг. составляла в среднем 5,4% в год.

Диаграмма 1.1.

**Динамика дефлятора ВВП
в Египте, Иордании и Тунисе в 1960–2000-х гг.**

Примечание. Чтобы четче обозначить тренды в динамике дефлятора ВВП, мы воспользовались значениями трехлетней скользящей средней величины, которую рассчитали по формуле $a_{av} = (a_{n-1} + a_n + a_{n+1})/3$.

Рассчитано и составлено по данным из The World Bank WDI Online Dataset.

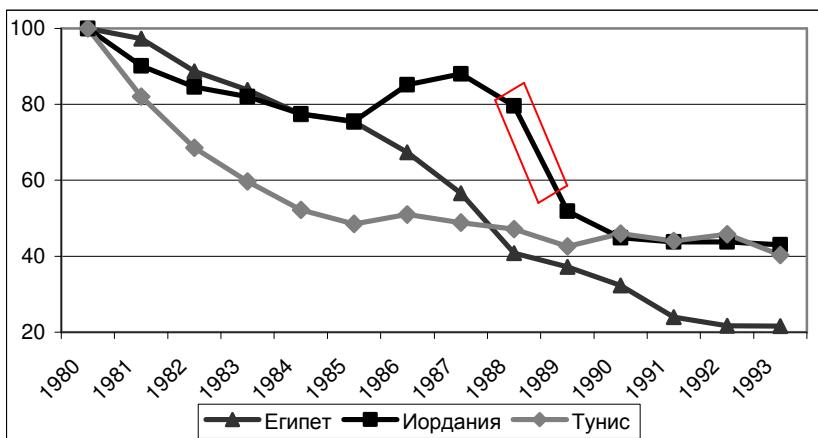
Итак, настоящие сложности для арабских стран начались после 1986 г., когда реальная цена на нефть рухнула более чем вдвое и опустилась до уровня первых лет «нефтяного бума». Совокупный приток нефтедолларов (нетто-экспорт нефти) и трансфертов из-за рубежа снизился в Тунисе с 10% ВВП в год в 1981–85 гг. до 7,7% ВВП в 1986–90 гг., в Египте – с 17,7 до 14,9% ВВП. Намного более резким падение было в зависимой от внешних ресурсов Иордании: с 25,4 до 16% ВВП.³⁵ С окончанием периода высоких цен на нефть обнажились экономические дисбалансы, которые ранее маскировались массированным притоком ресурсов из-за рубежа. Чтобы как-то урегулировать проблемы с платежным балансом, всем трем странам пришлось пойти на существенную девальвацию национальной валюты. Тунис начал делать это заблаговременно, постепенно деваль-

³⁵ Рассчитано по данным в текущих долларах: UNCTAD Handbook of Statistics Online Database.

вировав динар к 1985 году наполовину по сравнению с 1980 г. Египет начал проводить серию ощутимых девальваций только после 1986 г., зато в итоге снизил курс своей денежной единицы сильнее всех. Иордания держалась за фиксированный курс динара до последнего из-за своей зависимости от импорта, но под напором возрастающих финансовых сложностей потеряла контроль над ситуацией. В 1989 г. иорданская валюта обрушилась, потеряв менее чем за 12 месяцев 35–37% своей стоимости.

Диаграмма 1.2.

**Динамика обменного курса египетского фунта,
тунисского и иорданского динаров
по отношению к доллару США (1980 = 100)**

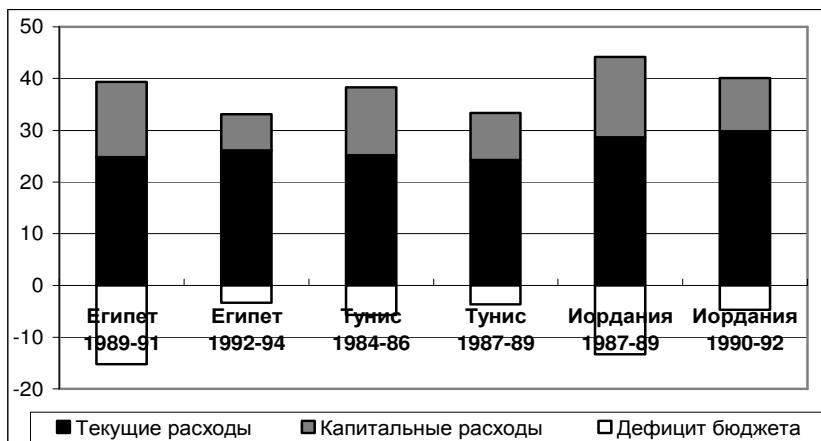
Примечание. Линией выделен период валютного кризиса в Иордании. Рассчитано и составлено по данным из The World Bank WDI 2003 CD-Rom.

Иордания также стала единственной страной, которая была вынуждена объявить дефолт по своим внешним обязательствам. Долговое бремя Египта было не намного ниже, но ему помог кризис в Персидском заливе и последовавшая за этим военная операция против режима С. Хусейна в Ираке. В обмен на поддержку сил международной коалиции западные державы и нефтедобывающие монархии простили Египту значительную часть долга и предоставили за 1990–91 гг. экономическую помощь объемом до 10 млрд. долл. Объем внешней задолженности Туниса не превы-

шал 70% ВВП, в то время как в Египте он в какой-то момент достиг 130% ВВП, а в Иордании превысил объем ВВП вдвое. Несмотря на это, именно Тунис в 1986 г. первым принял предложенную МВФ программу макроэкономической стабилизации и структурных реформ. Иордания была вынуждена обратиться за помощью к МВФ в 1989 году, временно прекратила сотрудничать с ним из-за войны в Заливе и затем подписала второе соглашение в 1992 г. Египет начал сотрудничать с МВФ еще в конце 80-х годов, но большую часть стабилизационных мер провел только в 1991 г.

Диаграмма 1.3.

**Стабилизация госфинансов
в Египте, Тунисе и Иордании, % ВВП**

Примечания. 1. Выбранные периоды (1989–91 гг. и 1992–94 гг. в Египте, 1984–86 гг. и 1987–89 гг. в Тунисе, 1987–89 гг. и 1990–92 гг. в Иордании) – это три года до и после запуска программ макроэкономической стабилизации. 2. Поскольку источники данных для каждой страны различны, полученные результаты могут быть не вполне сопоставимы между собой, тем не менее, все они свидетельствуют о более чем существенном сокращении бюджетного дефицита.

Рассчитано и составлено по: World Bank MENA Economic Studies, Egypt in the Global Economy: Strategic Choices for Savings, Investment and Long-Term Growth, 1998, P. 79; World Bank MENA Economic Studies, Tunisia's Global Integration and Sustainable Development: Strategic Choices for the 21st Century, 1996, P. 63; Central Bank of Jordan Yearly Statistical Series.

Макроэкономическая стабилизация во всех трех странах началась с кардинального сокращения госрасходов, отказа от монетарного финансирования бюджетного дефицита и установления жесткого контроля над денежной массой для сдерживания инфляции. Накануне реформ уровень госрасходов находился на очень высоком уровне: около 40% ВВП в Тунисе и Иордании и почти 45% ВВП в Иордании. Его снижение было достигнуто, в первую очередь, за счет масштабного сокращения госинвестиций: в Египте – наполовину (с 14–15 до 7% ВВП), в Тунисе и Иордании – примерно на треть (с 13 до 9% ВВП и с 15–16 до 10–10,5% ВВП соответственно). Определенные шаги были предприняты для повышения доходов бюджета: было улучшено налоговое администрирование, введены новые косвенные налоги наподобие НДС и налога с продаж.³⁶ В результате Египту и Иордании удалось добиться поистине впечатляющего сокращения бюджетного дефицита: с 15,2 до 3,3% ВВП и с 13,3 до 4,7% ВВП соответственно. В Тунисе сама величина дефицита была намного ниже, поэтому необходимости в столь резкой коррекции не было: он снизился с 5,7 до 3,6% ВВП.

Здесь стоит отметить, что спрос на машины и оборудование в данных арабских странах, как и в большинстве развивающихся стран, в основном удовлетворялся за счет поставок из-за рубежа. Благодаря этому кардиальное сжатие госинвестиций привело лишь к сокращению импорта и в краткосрочном периоде мало повлияло на внутренний спрос и, следовательно, на реальный сектор экономики. Если бы сокращение коснулось текущих госрасходов, то ситуация скорее всего была бы обратной. Что касается среднесрочного и долгосрочного периода, то сокращение именно госинвестиций, а не текущих госрасходов на первый взгляд представляется сомнительным выбором, поскольку ограничивает производственные возможности экономики. Однако здесь нужно учитывать, что капитальные расходы государства в этих странах включали много составляющих от безусловно необходимых расходов на инфраструктуру до капитальных трансфертов предприятиям госсектора, эффективность которых вызывает намного больше сомнений. К сожалению, отсутствуют детальные данные о том, какие именно виды госинвестиций

³⁶ Интересно, что, по крайней мере, в Египте гораздо больший эффект имели не эти меры, а то, что в результате резкой девальвации фунта многократно увеличился объем валютных поступлений в бюджет (доход от эксплуатации Суэцкого канала и прибыль государственной компании-экспортера нефти и газа).

подверглись сокращению, но, по крайней мере, в Тунисе инвестиции в инфраструктуру снизились незначительно.³⁷

Таблица 1.3.
Некоторые итоги стабилизационных мер
в Египте, Иордании и Тунисе

		1981–85	1986–90	1991–95
Сальдо счета текущих операций, % ВВП	Египет	-8,4	-3,2	4,6
	Тунис	-7,3	-2,2	-5,5
	Иордания	-5,2	-1,4	-9,3
Импорт, % ВВП	Египет	39,0	29,7	30,5
	Тунис	44,5	42,6	47,3
	Иордания	83,8	70,2	77,5
Инвестиции, % ВВП	Египет	28,5	29,1	20,2
	Тунис	32,7	24,4	26,7
	Иордания	33,1	24,6	32,5
Темп прироста ВВП	Египет	6,8	4,2	3,4
	Тунис	4,2	3,0	3,9
	Иордания	5,2	-0,9	7,3

Рассчитано и составлено по: The World Bank WDI Online Dataset.

Сокращение инвестиционного спроса со стороны государства вкупе с девальвацией валют привело к снижению импорта и улучшению счета текущих операций. Сильнее всего импорт сократился в Египте (с 39,0% ВВП в 1981–85 гг. до 29,7% ВВП в 1986–90 гг.) и Иордании (с 83,8% ВВП до 70,2% ВВП), что подтверждает сделанный ранее вывод о том, что в этих двух странах стабилизация была наиболее жесткой (см. табл. 1.3). В свою очередь, дефицит счета текущих операций в Египте снизился с 8,4% ВВП в первой половине 1980-х гг. до 3,2% ВВП – во второй, в Тунисе с 7,3 до 2,2% ВВП и в Иордании с 5,2 до 1,4% ВВП. Если судить по темпам экономического роста, то сильнее всего от ухудшения конъюнктуры и стабилизационных мер пострадал реальный сектор в Иордании: только здесь прирост ВВП по итогам 1986–90 гг. был отрицательным (в среднем он

³⁷ World Bank MENA Economic Studies, Tunisia's Global Integration and Sustainable Development: Strategic Choices for the 21st Century, 1996. P. 8–9.

сокращался на 0,9% в год). В Тунисе, где структурные дисбалансы были наименее глубокими, рост ВВП замедлился незначительно: с 4,2% в год в первой половине 80-х годов до 3% в год – во второй. Египет поначалу не слишком пострадал от завершения «нефтяного бума»: среднегодовой темп роста ВВП в 1986–90 гг. составил 4,2%. Однако более поздние стабилизационные меры оказались в начале 90-х годов, когда темпы прироста ВВП оказались минимальными среди трех рассматриваемых стран (3,4% в год).

Какова была экономическая «цена» всего этого переходного периода, границы которого можно примерно обозначить 1985 и 1995 годом? На первый взгляд, данные экономики попросту не заметили этих непростых лет: объем ВВП в Иордании в 1995 г. превысил уровень 1985 г. на 34%, в Тунисе – на 40%, в Египте – на 45%. Однако если рассматривать объем ВВП на душу населения, то картина заметно отличается: в Иордании этот показатель в 1995 г. составил всего 84% от уровня десятилетней давности, в Тунисе и Египте он увеличился, но совсем ненамного (до 113% и 115% от уровня 1985 г.). Еще более скромными эти достижения выглядят, если учесть ухудшение условий торговли между двумя периодами: ВВП на душу населения с учетом покупательной способности экспорта в Иордании в 1995 г. составил 80% от уровня 1985 г., в Тунисе – 108% и в Египте – 102%. А значит можно утверждать, что экономические реформы на начальном этапе сопровождались заметным снижением (Иордания) или стагнацией подушевого продукта (Египет и Тунис). Судя по показателю потребления домохозяйств, население Иордании пострадало от кризиса и стабилизации еще сильнее: уровень потребления на душу населения в этой стране снизился к 1995 г. по сравнению с 1985 г. более чем на 40%! Эта устрашающая цифра содержит в себе эффект масштабного возвращения мигрантов и сокращения внешних трансфертов, но все равно падение уровня жизни было очень серьезным и сопровождалось острыми социальными протестами. Египет, который сильнее всего сократил избыточное потребление и инвестиции в госсекторе, сумел увеличить средний уровень личного потребления по сравнению с 1985 г. на 17%, Тунис – на 8%.³⁸

³⁸ Рассчитано по данным в постоянных ценах 1990 г.: WDI 2003 CD-Rom по формуле $g = e \cdot (b_1 + b_2)/2 + c$, где g – темп прироста ВВП, скорректированного на изменение условий торговли, e – среднегодовой темп прироста бартерного

До сих пор речь шла только о мерах макроэкономической стабилизации, и в целом следует признать, что рассматриваемые страны провели их достаточно решительно и умело. Быстрее всех оценило ситуацию тунисское руководство, которое согласилось на сотрудничество с МВФ практически сразу же после перелома благоприятной динамики цен на нефть. Египет и Иордания, которым были как раз в большей степени свойственны дисбалансы между сбережениями и инвестициями, экспортом и импортом, доходами и расходами бюджета, отреагировали позже, причем в более зависимой от притока трансфертов Иордании дело дошло до валютно-финансового кризиса. Однако реформы не ограничивались мерами по сокращению дефицита бюджета и счета текущих операций. Гораздо более трудоемким и длительным был их следующий этап – структурные преобразования, которые должны были сделать экономику данных стран более открытой, ограничить вмешательство государства и создать условия для развития частного сектора и предпринимательской инициативы.

индекса условий торговли, b_1 и b_2 – доля экспорта товаров и услуг в ВВП соответственно в начале и конце периода; c – среднегодовой темп прироста ВВП.
Мельянцев В.А. Арабо-исламский мир в контексте глобальной экономики. М., 2003. Приведенные оценки уровня личного потребления являются достаточно грубыми, поскольку не учитывают эффект неравенства в распределении доходов.

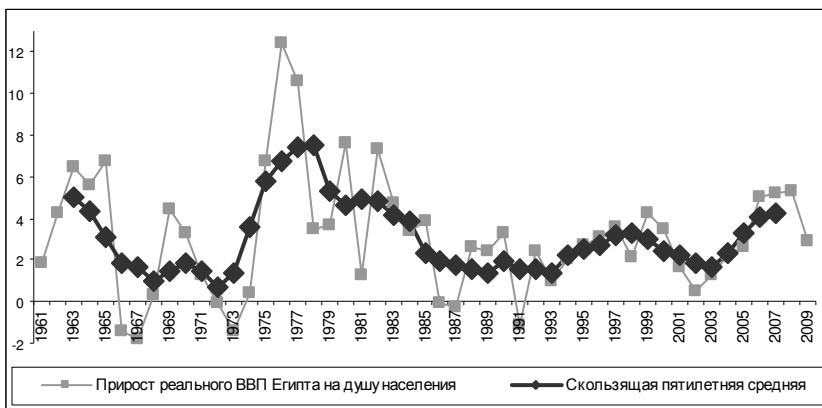
ГЛАВА 2. ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЛИБЕРАЛИЗАЦИИ

2.1. Политика экономической либерализации в Египте

В современной истории Египта можно выделить три эпизода либеральных экономических реформ (сразу отметим, что первый и последний из них пришлись на периоды резкого улучшения внешнеэкономической конъюнктуры: нефтяной бум 1973 г. и недавний скачок цен на «черное золото» в 2004–2008 гг.). В настоящей работе нас интересует период после середины 80-х годов и последовавшие за этим широкоформатные рыночные реформы под эгидой МВФ, однако представляется полезным вкратце остановиться и на периоде инфатаха или «политики открытых дверей».

Диаграмма 2.1.

Экономический рост в Египте в 1961–2009 гг.

Примечание. Мы воспользовались значениями пятилетней скользящей средней величины ($a_{av} = (a_{n-2} + a_{n-1} + a_n + a_{n+1} + a_{n+2})/5$), чтобы сгладить колебания в динамике реального ВВП на душу населения, которая во всех трех рассматриваемых странах была весьма нестабильной.

Рассчитано по: The World Bank WDI Online Dataset.

Первая попытка реформировать созданную при Гамале Абдель Насере плановую экономику – политика инфитаха – началась в 1973–74 гг. и предполагала частичную либерализацию внешнеэкономической сферы (снятие ограничений на импорт и меры по привлечению иностранных инвестиций) при продолжающемся доминировании госсектора в экономике.³⁹ Одновременно с этим Египет стал главным получателем арабской экономической помощи, объемы которой начали быстро возрастать начиная с 1973 г., когда Организация стран-производителей и экспортеров нефти (ОПЕК) приняла решение многократно поднять цены на экспортную ей нефть. В среднем объем экономической помощи Египту увеличился с 157 млн. долл. в год в 1967–72 гг. до 2 млрд. долл. в год в 1973–78 гг. После Кэмп-дэвидского мирного соглашения с Израилем в 1979 г. помощь от арабских стран прекратилась, но их место заняли Соединенные Штаты: в последующие пять лет Каир получал в среднем 1,6 млрд. долл. официальной помощи в год.⁴⁰

С другой стороны, все больше египтян стали уезжать на работу в монархии Персидского залива и Ирак: объем их переводов на родину в 1973 г. был равен 117 млн. долл., а уже в 1979 г. превысил уровень 2 млрд. долл. в год.⁴¹ Кроме того, в результате войны 1973 г. Египет вернул себе контроль над Суэцким каналом и вновь начал получать доход от его эксплуатации, а вскоре стал постоянным, хотя и достаточно небольшим экспортером нефти. Безусловно, свою роль сыграло и то, что после «Войны Судного дня» Каир больше не вступал в военное противостояние с Израилем (войны 1967 и 1973 гг. дорого обошлись египетской экономике), а после заключения

³⁹ Внешние инвесторы приобрели право на налоговые каникулы сроком от 5 до 15 лет, получили разрешение действовать в сфере финансов, открывать филиалы банков, участвовать в операциях как с иностранной, так и с египетской валютой. Им были предоставлены гарантии от ареста, национализации и конфискации собственности, а также права на свободный перевод прибыли за границу и репатриацию капитала. Мероприятия по либерализации включали также выделение зон свободной торговли, или свободных зон, на которые не распространялось национальное таможенное законодательство. *Видясова М.Ф., Умеров М.Ш.* Египет в последней трети XX века: опыт либерализации экономики и политической системы. М., 2002. С. 18–20.

⁴⁰ Рассчитано по: UNCTAD Handbook of Statistics Online Database.

⁴¹ По данным WDI 2003 CD-Rom.

с ним мирного договора смог заметно снизить бремя военных расходов.

Сочетание этих благоприятных внешних факторов обеспечило Египту десятилетие беспрецедентного экономического роста. Хотя сама по себе политика инфитаха, как отмечают многие исследователи, не привела ни к притоку иностранных инвестиций в промышленность, ни к существенной диверсификации экспорта.⁴² По сравнению с 1960–73 гг. темпы прироста ВВП в 1974–1985 гг. увеличились с 4,7% до 7,9% в год, а продукта на душу населения – более чем удвоились (с 2,4 до 5,4% в год).⁴³ Поскольку валютные доходы использовались государством для наращивания инвестиций в госсекторе, норма валового накопления резко выросла: с 14,8% ВВП в 1960–73 гг. до 29% ВВП в 1974–85 гг.⁴⁴ Экспортная квота увеличилась в среднем с 15,9% до 24,6% ВВП, однако импорт, благодаря которому обеспечивался инвестиционный бум, вырос еще сильнее: с 20,1 до 39,1% ВВП.

⁴² См. *Видясова М.Ф., Умеров М.Ш.* Египет в последней трети XX века: опыт либерализации экономики и политической системы. М., 2002. С. 18–20.

⁴³ Данные из WDI 2003 CD-Rom. 1960 год, на который пришелся старт первой египетской «пятилетки», можно считать началом массированной индустриализации страны. Постепенно обобществляя иностранные и частные предприятия, правительство сумело создать мощный государственный сектор экономики, куда в соответствии с пятилетними планами развития направлялась подавляющая часть инвестиций. В то же время стоит отметить, что период 1960–1973 гг. прошел для Египта под знаком военного противостояния с Израилем, которое поглощало огромные ресурсы и не раз оборачивалось серьезным ущербом для хозяйства страны.

⁴⁴ Национальные статистические службы склонны завышать показатели роста и уровня реальных инвестиций, используя для этого заниженные дефляторы по сравнению с другими компонентами валового продукта (потребительских товаров и государственных услуг). Международные организации в свою очередь корректируют национальную статистику лишь в случае вопиющих несоответствий. Более чем вероятно, что в период инвестиционного бума 1974–1985 гг. машины и оборудование в Египте стали относительно дефицитным товаром, а государство, даже несмотря на все имеющиеся у него инструменты рационализации, вряд ли сумело сдержать рост цен на них. Это значит, что рост нормы капиталовложений в этот период может быть сильно завышен. В частности, альтернативная оценка на основе базе данных Penn World Table 6.2 свидетельствует о том, что доля валового накопления в Египте, измеренная в международных долларах 2000 г., не только не выросла в 1974–1985 гг. по сравнению с 1960–73 гг., а снизилась с 12,6% до 11,9% ВВП.

Таким образом, дефицит торгового баланса по отношению к ВВП вырос более чем втрое.⁴⁵ Государственный бюджет, из которого финансировались расходы на оборону и содержание многочисленного госаппарата, а также субсидии на основные потребительские товары и масштабные инвестиции, постоянно находился в большом минусе (госрасходы достигали 40–50% ВВП, а дефицит зачастую превышал отметку в 10% ВВП). Прорехи в государственных финансах и счете текущих операций платежного баланса вынудили Египет обратиться к внешним заимствованиям: внешний долг подскочил с 2 млрд. долл. в 1973 г. до 36 млрд. долл. в 1985 г. и превысил объем ВВП Египта.⁴⁶ Таким образом, стремительный взлет египетской экономики в 1974–1985 гг. был основан на внешних источниках, а его ценой стал многократный рост внешней задолженности. Говорить здесь о какой-либо самостоятельной роли экономических реформ не приходится, тем более что Х. Мубарак, пришедший к власти после гибели А. Садата от рук исламистов в 1981 г., отменил ряд нововведений политики инфитаха, например, вновь ужесточил регулирование импорта.

Вторая половина 80-х годов стала для Египта временем перелома благоприятной внешнеэкономической конъюнктуры.⁴⁷ Вместе с тем, если сравнивать первую и вторую половину 80-х годов, нельзя утверждать, что сокращение объема валютных поступлений было катастрофическим. Несмотря на снижение доходов от экспорта нефти, совокупный экспорт в среднем несколько увеличился, и дефицит торгового баланса вырос не очень сильно. А благодаря росту переводов от трудовых мигрантов и официальной помощи дефицит счета текущих операций даже заметно снизился.

⁴⁵ Рассчитано по: WDI 2003 CD-Rom.

⁴⁶ Рассчитано по: WDI 2003 CD-Rom. Объем ВВП рассчитан в долларах по текущему курсу.

⁴⁷ Строго говоря, снижение цен на нефть началось еще в 1981 г., и египетская экономика это почувствовала: прирост реального ВВП составил всего 3,8% по сравнению с 6% и 10% в два предыдущих года. Однако падение цен в 1986 г. было более резким: всего за полгода с января по июль цена на нефть снизилась более чем в два раза (с 44 до 19 долл. в постоянных ценах 2005 г.). Данные из U.S. Energy Information Administration (EIA) Monthly Energy Review на основе средней цены барреля импортируемой США нефти с использованием индекса потребительских цен в качестве дефлятора.

Таблица 2.1.

**Счет текущих операций платежного баланса Египта
(млн. долл.)**

	1981–1985	1986–1990
Чистый экспорт нефти и нефтепродуктов	1675	1090
Экспорт товаров и услуг	6530	7350
Дефицит торгового баланса	-4059	-4496
Официальная помощь	1470	2376
Переводы от рабочих-эмигрантов	2811	3329
Дефицит счета текущих операций	-1827	-1186
Обслуживание внешнего долга	1800	2571

Рассчитано и составлено по данным платежного баланса в текущих долларах из The World Bank WDI 2003 CD-Rom.

О том, что положение египетской экономики не было критическим, свидетельствует и то, что после первоначального шока от ухудшения конъюнктуры (прирост реального ВВП составил всего 2,5% в 1986 и 2,6% в 1987 г.), темпы экономического роста в 1988–1990 гг. восстановились до уровня 5–6% в год. Главной проблемой Египта в тот период была внешняя задолженность, и благодаря политическому расчету и некоторой доле везения ее удалось существенно смягчить. Решение Каира принять предложенную МВФ программу макроэкономической стабилизации и структурных реформ (некоторые шаги в этом направлении предпринимались начиная уже с 1987 г., но подавляющее большинство стабилизационных мер пришлось на 1990–91 гг.) совпало по времени с агрессией Ирака против Кувейта и последовавшей за этим операцией «Буря в пустыне». В обмен на политическую и военную поддержку анти-саддамовской коалиции США простили Египту всю задолженность по военным статьям (около 7 млрд. долл.), еще 6 млрд. долл. простили Каиру страны ССАГПЗ.⁴⁸ В общей сложности было списано или реструктурировано до 70% египетского внешнего долга. В результате всего за один год внешняя задолженность Египта снизилась с 45 млрд. долл. в 1989 г. до 33 млрд. долл. в 1990 г., а стоимость ее обслуживания сократилась с 2,9 млрд. долл. в 1989 г. до 2,6 млрд. в 1991 г. и 2,2 млрд. к 1993 г. Кроме того, объем официальной помощи Каиру (преимущественно, из тех же источников)

⁴⁸ Видясова М.Ф., Умеров М.Ш. Египет в последней трети XX века: опыт либерализации экономики и политической системы. М., 2002. С. 27–29.

в 1990–1991 гг. превышал 5 млрд. долл. ежегодно по сравнению с 1,5 млрд. долл. в 1988–1989 гг.⁴⁹ Все это безусловно помогло Египту пройти самый тяжелый начальный период реформ с наименьшими потерями.

Сразу отметим, что эксперты МВФ, как правило, характеризуют рыночные реформы в Египте как очень успешные, а описывая программу стабилизации, называют ее «по сути беспрецедентной для третьего мира по скорости и размаху».⁵⁰ В основе нового экономического курса лежала жесткая фискальная политика, благодаря которой дефицит бюджета удалось всего за несколько лет снизить с астрономических 15% ВВП в 1990/91 финансовом году (далее – г.) до 1–2% ВВП в 1993/94 г. Без учета обслуживания долга бюджет и вовсе стал профицитным (дефицит 9% ВВП в 1990/91 г. и профицит в 7% ВВП в 1993/94 г.). Однако интересно, за счет чего это было достигнуто. Увеличение доходов было связано почти исключительно с тем, что измеренный в местной валюте объем валютных поступлений от экспорта нефти и эксплуатации Суэцкого канала мгновенно вырос в результате резкой девальвации египетского фунта. Сжатие расходной части бюджета в основном объяснялось сокращением госинвестиций при неизменных текущих расходах (лишь несколько снизилось текущее обслуживание долга).⁵¹ Более сбалансированный бюджет позволил отказаться от практики monetарного финансирования дефицита и сбить темпы инфляции ниже уровня 10% в год.

Во внешнеэкономической сфере египетское правительство сначала резко девальвировало фунт (более чем в 3 раза с 1985 г. по 1991 г.), потом зафиксировало его, чтобы использовать в качестве номинального якоря для борьбы с инфляцией (вплоть до 2000 г. курс фунта по отношению к доллару менялся в очень ограниченных пределах). Столь резкое обесценение национальной валюты представляется оправданным, если вспомнить, что на протяжении долгого времени курс египетского фунта по отношению к доллару был практически фиксированным, а значит в реальном выражении сильно укрепился. Девальвация фунта

⁴⁹ Данные WDI 2003 CD-Rom.

⁵⁰ Subramanian A. The Egyptian Stabilization Experience: An Analytical Retrospective, IMF Working Paper, 1997. P. 49–51.

⁵¹ Subramanian A. The Egyptian Stabilization Experience: An Analytical Retrospective, IMF Working Paper, 1997. P. 12–18.

привела к некоторому сокращению товарного импорта, однако не сопровождалась существенным расширением экспорта. В результате торговый дефицит после первоначального сжатия до 1,7 млрд. долл. в 1991/92 г. быстро вернулся к дореформенному уровню 3–4 млрд. долл. (см. табл. 2.2). Однако трансферты и официальная помощь в целом позволяли вплоть до 1997/98 г. сводить счет текущих операций к нулю, что представляется явным успехом по сравнению с хроническим дефицитом 80-х годов.

Естественно, рыночные реформы не ограничивались указанными мерами – мы вынесли их вперед только потому, что они имели самое непосредственное влияние на базовые макроэкономические характеристики Египта. Помимо этого египетское правительство упразднило систему множественных валютных курсов, начало постепенно снижать таможенные пошлины и снимать ограничения на операции с валютой. Была проведена частичная реформа банковской системы, которая ранее в основном служила для финансирования бюджетного дефицита и поддержания на плаву убыточных госпредприятий. Например, были предприняты шаги по рекапитализации банков и реструктуризации «плохих долгов», финансовые институты получили возможность с большей свободой устанавливать процентную ставку. Были и другие сферы, в которых египетское правительство проявило крайне осторожный подход к реформам. Прежде всего, это касается отмены продовольственных субсидий (еще свежи были воспоминания о событиях 1977 г., когда попытка отменить твердые цены на «народную лепешку» и другие ходовые товары привела к масштабным уличным волнениям), а также приватизации госсектора. Список подлежащих приватизации компаний, в который вошло 314 предприятий госсектора с общим числом занятых около 1 млн. чел., был утвержден еще в 1991 г., но реальные шаги в этом направлении начались только в 1996–97 гг.

Если рассматривать отдельные компоненты валового продукта, то макроэкономическая стабилизация в наибольшей степени коснулась инвестиций: их доля в ВВП упала с в среднем с 28,7% в 1986/87 – 1990/91 гг. до 19,6% в 1991/92 – 1995/96 гг.⁵² Причем вслед за запланированным резким снижением госинвестиций (с 14,8 до 9,2% ВВП между 1989/90 и 1990/91 гг.) с лагом

⁵² Рассчитано по данным в текущих ценах: Central Bank of Egypt Time Series.

в один год последовало сопоставимое по объему падение инвестиций частного сектора (с 14,9% ВВП в 1990/91 году до 9,8% ВВП в 1991/92 г.).⁵³ В результате разрыв между сбережениями и инвестициями снизился с 12,5% ВВП в 1986/87 – 1990/91 гг. до 4,5% в 1991/92 – 1995/96 гг., что и позволило с учетом притока трансфертов ликвидировать дефицит счета текущих операций. Несмотря на столь существенную коррекцию инвестиций, цена стабилизационных мер для реального сектора египетской экономики была весьма скромной. Сокращения ВВП не произошло: его прирост в 1991 году составил 1,1%, в 1992 г. – 4,4%, в 1993 г. – 2,9%. А затем египетская экономика вступила в полосу уверенного роста, которая продолжалась практически до конца 90-х годов.⁵⁴

Таким образом, стабилизацию в Египте можно было бы действительно охарактеризовать как практически идеальную, обеспечившую оздоровление макроэкономической ситуации без сжатия реального сектора, если бы не одно но. Как мы отметили выше, улучшение ситуации с государственными финансами и счетом текущих операций было обусловлено снижением госинвестиций и кратковременным эффектом от девальвации национальной валюты. В то же время не были ликвидированы главные причины дисбалансов: высокий уровень текущих госрасходов и хронический дефицит торгового баланса (и его отражение – разрыв между внутренними сбережениями и инвестициями). Поэтому неудивительно, что через некоторое время старые проблемы проявились вновь, а точнее они никуда не исчезали, просто менялся запас устойчивости, обеспечиваемый внешнеэкономической конъюнктурой. С другой стороны, как показали последующие годы, данные дисбалансы не являются непреодолимым препятствием для экономического роста. Главный вопрос для нас: насколько устойчивым был этот рост и какую роль в нем играли конъюнктурные факторы.

⁵³ Рассчитано по статистическому приложению к World Bank MENA Economic Studies, Egypt in the Global Economy: Strategic Choices for Savings, Investment and Long-Term Growth, 1998.

⁵⁴ ЦБ Египта и различные статистические службы предоставляют данные по валовому продукту в постоянных ценах, начиная только с 1991/92 финансового года. Поэтому в более ранний период мы пользовались данными по росту ВВП из WDI 2003 CD-Rom, а после этого – данными из египетских источников как более полными. Некоторые различия между этими двумя рядами данных есть, но они не слишком существенные.

Таблица 2.2.

Структурные дисбалансы в экономике Египта

	1990 /91	1991 /92	1992 /93	1993 /94	1994 /95	1995 /96	1996 /97	1997 /98	1998 /99	1999/2 000
Дефицит бюджета, % ВВП	-17,2	-5,2	-3,5	-2,1	-1,3	-1,3	-0,9	-1,0	-3,0	-3,9
Доходы бюджета	29,0	35,0	29,6	29,9	28,6	26,4	24,9	24,1	23,5	22,3
Расходы бюджета	46,2	40,2	33,1	32,0	29,9	27,7	25,8	25,1	26,5	26,2
Торговый баланс, млн. дол.	-3599	-1710	-3442	-3636	-3812	-3707	-4027	-7079	-6593	-5843
Трансферты	7419	4380	5737	4046	4198	3521	4145	4600	4869	4680
Счет текущих операций	3820	2670	2295	410	386	-185	119	-2479	-1724	-1163

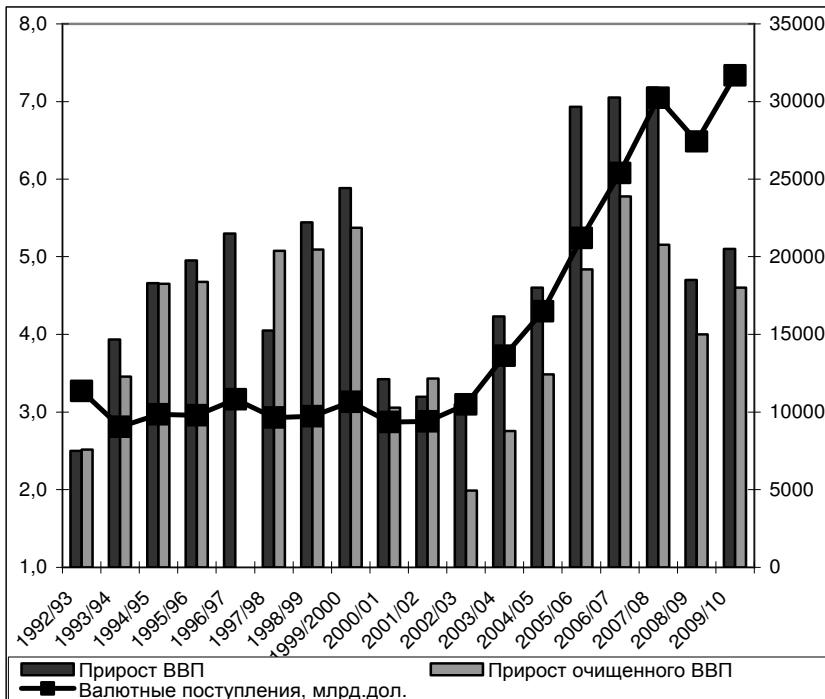
	2000 /01	2001 /02	2002 /03	2003 /04	2004 /05	2005 /06	2006 /07	2007 /08	2008 /09	2009/1 0
Дефицит бюджета, % ВВП	-5,5	-5,8	-9,1	-9,1	-9,4	-9,1	-5,8	-6,8	-6,6	-8,1
Доходы бюджета	21,0	20,8	21,4	21,0	20,6	24,5	24,6	24,7	27,1	21,8
Расходы бюджета	26,5	26,6	30,5	30,1	30,0	33,6	30,4	31,5	33,7	29,9
Торговый баланс, млн. дол.	-3776	-3638	-1666	-516	-2517	-3795	-4792	-8449	-12671	-14781
Трансферты	3742	4252	3609	3934	5473	5547	7061	9338	8247	10463
Счет текущих операций	-33	614	1943	3418	2911	1752	2269	888	-4424	-4318

Примечания. 1. Сумма торгового баланса и суммы чистых трансфертов и факторных доходов (пятая строкка) в сумме дает сальдо счета текущих операций. 2. Пробел с данными по бюджету в 2000/01 г. связан с тем, что Египет перешел на новые стандарты отчетности по госфинансам, которые, помимо самого бюджетного сектора, учитывают еще баланс пенсионных фондов, Национального инвестиционного банка и ведомства, занимающегося субсидированием потребительских товаров (General Authority of Supply Commodities). Мы приводим данные только по бюджетному сектору, то есть они в принципе должны быть сопоставимы с данными предыдущего периода. Более подробно – в примечаниях к таблице 6 в Приложении.

Составлено по данным в текущих ценах: Central Bank of Egypt Time Series.

Диаграмма 2.2.

Динамика ВВП Египта и валютные поступления,
млн. долл.

Примечания. 1. «Очищенный ВВП» представляет собой валовой продукт за вычетом продукта нефтегазовой отрасли, туризма и ресторанных обслуживания, а также доходов от эксплуатации Суэцкого канала. 2. На диаграмме обозначен вклад «очищенного ВВП» в процентных пунктах в рост совокупного ВВП (значение за 1996/97 г. отсутствует по причине пробела в статистических данных). Иными словами прирост совокупного ВВП представлен как сумма вкладов «очищенного ВВП» и отраслей, наиболее подверженных влиянию внешней конъюнктуры. 3. Приток валютных ресурсов (правая шкала) рассчитан как сумма поступлений в текущих долларах от туризма, Суэцкого канала, чистого экспорта нефти и газа, а также трансфертов от египтян-эмигрантов и официальной помощи.

Рассчитано и составлено по: Central Bank of Egypt Time Series (прирост ВВП Египта и продукта отдельных отраслей в постоянных ценах факторов производства), The World Bank WDI Online Dataset (валютные доходы Египта в текущих долларах).

Таблица 2.3.

Динамика ВВП Египта и валютные поступления

	1992/ 93	1993/ 94	1994/ 95	1995/ 96	1996/ 97	1997/ 98	1998/ 99	1999/ 2000	2000/ 01
Прирост ВВП	2,5	3,9	4,7	5,0	5,3	4,1	5,4	5,9	3,4
Вклад "очищенного" ВВП	2,5	3,5	4,7	4,7		5,1	5,1	5,4	3,1
Все ресурсы, млн. долл.	11345	9046	9856	9787	10822	9656	9738	10659	9362
Чистый экспорт нефти и газа	1292	1231	1300	1372	1182	339	-138	-115	-540
Трансферты от эмигрантов	3835	3232	3279	2798	3256	3718	3772	3747	2973
Доход от Суэцкого канала	1941	1990	2059	1885	1849	1777	1771	1781	1843
Официальная помощь	1902	814	919	724	890	883	1097	932	769
Туризм	2375	1779	2299	3009	3646	2941	3235	4314	4317

	2001/ 02	2002/ 03	2003/ 04	2004/ 05	2005/ 06	2006/ 07	2007/ 08	2008/ 09	2009/ 10
Прирост ВВП	3,2	3,1	4,2	4,6	6,9	7,1	7,2	4,7	5,1
Вклад "очищенного" ВВП	3,4	2,0	2,8	3,5	4,8	5,8	5,2	4,0	4,6
Все ресурсы, млн. долл.	9399	10490	13618	16488	21204	25394	30231	27427	31668
Чистый экспорт нефти и газа	-96	848	1361	1324	4863	5980	4912	3972	5098
Трансферты от эмигрантов	3109	2946	3046	4372	4975	6261	8377	7632	9509
Доход от Суэцкого канала	1820	2236	2848	3307	3559	4170	5155	4721	4517
Официальная помощь	1144	664	888	1056	572	800	961	614	954
Туризм	3423	3796	5475	6430	7235	8183	10827	10488	11591

Рассчитано и составлено по источникам к диаграмме 2.2.

Первоначальное ускорение экономического роста в Египте было не слишком масштабным (по данным египетской статистики с 3,8% в год в 1985–1992 гг. до 4,6% в год в 1993–2000 гг.), и, тем не менее, ярко выраженным, поскольку на протяжении шести лет подряд ВВП увеличивался темпом выше 4% в год. Для

того чтобы хотя бы частично очистить динамику валового продукта от влияния конъюнктуры, мы рассчитали показатель прироста ВВП без учета трех его статей, которые наиболее сильно зависят от внешних факторов: нефтегазового сектора и нефтепереработки, поступлений от эксплуатации Суэцкого канала, а также гостиничного сектора и ресторанов (см. диаграмму 2.2). Безусловно, данная оценка вклада конъюнктуры в рост египетского ВВП находится ближе к минимальной, поскольку не учитывает вклад внешних трансфертов, которые стимулируют как частное потребление и инвестиции, так и госрасходы. Полученные результаты позволяют утверждать, что ускорение экономического роста в период до 1999/2000 года не было связано с конъюнктурными факторами. Приток валютных поступлений на протяжении всего периода не имел тенденции к росту, а на «очищенный ВВП» приходился почти весь прирост валового продукта (в крайне неблагоприятном для мировой экономики 1997/98 г. вклад трех выделенных «конъюнктурных отраслей» был даже отрицательным).

Однако за первым послереформенным периодом роста экономики последовало падение темпов прироста ВВП до 2–3% в год в 2000/01 – 2002/03 гг. (а инвестиции в постоянных ценах и вовсе сокращались на протяжении четырех лет подряд с 1999/2000 по 2002/2003 гг.). Одной из причин этого замедления стало сочетание ряда последовательных внешних шоков: сокращения доходов от туризма после нападения на иностранных туристов в Луксоре в 1997 г., азиатского кризиса 1998 г., приведшего к обвалу цен на нефть ниже 10 долл. за баррель и бегству иностранных инвесторов из развивающихся стран, экономических потрясений после атак 11 сентября 2001 г. В результате этих событий счет текущих операций Египта стал отрицательным, начали сокращаться золотовалютные резервы (до 1996/97 г. текущий счет был относительно сбалансированным, но в течение трех последующих лет дефицит превышал 1 млрд. долл.).

Вместе с тем, сокращение валютных поступлений из пяти основных источников, которые мы выделили в таблице 2.3, было далеко не катастрофичным: по нашим расчетам они снизились с 10,7 млрд. долл. в 1999/2000 г. до 9,4 млрд. долл. в 2000/01 – 2001/02 гг. Судя по всему, свою роль здесь сыграла и неумелая политика правительства, которое сначала попыталось защитить фиксированный курс фунта к доллару, но без обращения к золотовалютным резервам, что привело к нехватке

иностранный валюты и возрождению черного рынка, а затем все-таки было вынуждено несколько раз снизить курса фунта, но уже в обстановке возрастающих девальвационных ожиданий (28 января 2003 г. было официально объявлено о переходе к управляемому плаванию фунта).⁵⁵ В сфере кредитно-денежной политики правительство также дало ряд противоречивых сигналов, что привело к резкому свертыванию банковского кредита. Действительно, после шести лет непрерывного роста на 15–25% в год реальный кредит частному сектору в 2000/01 г. вырос менее чем на 10%, а в 2002/03 г. – стал сокращаться. Судя по всему, частный сектор за годы кредитного бума привык ориентироваться на заемные ресурсы, и их сжатие привело к падению темпов роста экономики. В ответ на замедление экономической динамики правительство прибегло к стимулирующей фискальной политике, однако добилось лишь роста бюджетного дефицита.

В результате назначенному в 2004 г. правительству во главе с Ахмадом Назифом пришлось многое начинать сначала. Самыми важными мероприятиями нового, третьего эпизода реформ стало оздоровление банковской системы (к 2006 г. доля частных, в том числе иностранных банков в ее совокупных активах превысила 50%, была реструктурирована большая часть «плохих долгов»), а также двукратное снижение ставок подоходного налога на юридических и физических лиц⁵⁶ и ускоренная реструктуризация и приватизация предприятий госсектора. Проведенная новым правительством очередная девальвация египетского фунта поддержала экспорт, в частности вывоз продукции обрабатывающей промышленности. Была активизирована

⁵⁵ Panizza U. Macroeconomic Policies in Egypt: An Interpretation of the Past and Options for the Future, The Egyptian Center for Economic Studies (ECES) Working Paper, 2001. Р. 2–4.

⁵⁶ Максимальная ставка налога на прибыль была снижена с 42% до 20%, а подоходного налога – с 32% до 20% (минимальная ставка – с 20% до 10%). Исключение было сделано лишь для компаний нефтегазового сектора, которые по-прежнему должны были платить 40,55%. Руденко Л.Н. Экономические реформы в Египте (2000-е годы) // Ближний Восток и современность, вып. 38. Институт Востоковедения РАН, Институт Ближнего Востока. М., 2009. С. 163–164. Как далее отмечает тот же автор, вопреки ожиданиям самого египетского правительства, эти меры привели к увеличению суммарных налоговых сборов по данному направлению: в 2005/06 г. они увеличились на 17%, в то время как власти ожидали их падения на 12%. Произошло это благодаря расширению налоговой базы и повышению собираемости налогов.

индустриальная политика, и в частности в 2005 г. было создано Агентство промышленного развития, которое занялось обеспечением благоприятных условий для развития частного предпринимательства в специальных зонах или парках. Все эти меры наряду с дальнейшим снижением таможенных пошлин и либерализацией операций по капитальным счетам помогли привлечь иностранный капитал. Если в 90-х годах и начале 2000-х годов среднегодовой приток ПИИ не превышал 1 млрд. долл., то уже 2004/05 г. он составил 4 млрд. долл., в 2005/06 г. – 6 млрд. долл., а в 2006/07 – 2007/08 гг. – более 10 млрд. долл.⁵⁷

Серьезным вызовом египетскому правительству стала инфляция, которая начала расти из-за серии девальваций национальной валюты и скакнувших мировых цен на продовольствие и энергоносители (в 2004–2005 гг. инфляция достигла 8–9%, а в 2007/08 г. – уже 11–12%). Для того чтобы сгладить негативные последствия роста цен для наименее обеспеченных слоев населения, правительство пошло на заметное увеличение субсидий, хотя изначально планировало их максимально сократить. В одном только четвертом квартале 2007 г. властям пришлось дополнительно потратить почти один миллиард долларов на субсидирование зерна, кроме того рассматривались предложения о значительном повышении минимальной заработной платы.⁵⁸ По последним оценкам МВФ, объем топливных субсидий из египетского бюджета сначала снизился с 6,8% ВВП в 2005/06 г. до 5,4% ВВП в 2006/07 г., но уже в 2007/08 г. вновь достиг 6,7% ВВП.⁵⁹

Во всем остальном внешнеэкономическая конъюнктура была крайне благоприятной для реформаторов. Помимо резко подорожавшего экспорта нефти и газа, увеличились переводы от трудовых мигрантов из стран Персидского залива, доходы от туризма и Суэцкого канала (из-за уверенного экономического

⁵⁷ В отличие от остальных внешних факторов приток иностранного капитала можно считать непосредственным итогом нового раунда реформ – только в последние годы иностранные инвесторы были допущены к приватизации наиболее привлекательных активов госсектора наподобие крупных банков и телекоммуникационных компаний.

⁵⁸ “Egypt the Pressure Cooker”. The Economist, Mar 25th 2008, London.

⁵⁹ IMF Country Report, Arab Republic of Egypt: 2008 Article IV Consultation. P. 19. Вопрос об эффективности существующей в Египте системы продовольственных и топливных субсидий остается за скобками данной работы. По многочисленным свидетельствам экспертов выигрывают от них далеко не всегда те, кто больше всего в этом нуждается.

роста в мире), а также, как мы отметили выше, и прямые иностранные инвестиции. Общий объем этих валютных доходов увеличился с уровня 10–11 млрд. долл. в год, на котором держался предыдущие десять лет, до 30 млрд. долл. в 2007/08 г. Бюджетные доходы от нефти составили в 2005/06 г. 7,8% ВВП, в 2006/07 г. – 5,5% ВВП и в 2007/08 г. – 6,4% ВВП (и по крайней мере помогли полностью профинансировать топливные субсидии).⁶⁰ В результате начиная с 2003/04 г. Египет вступил в новую волну экономического роста, а еще спустя два года темпы прироста ВВП достигли 7% в год – максимального уровня с середины 80-х годов. Начали быстро увеличиваться инвестиции в физический капитал: если в 2003/04 г. норма валового накопления составляла 16,9% ВВП Египта в текущих ценах, то уже к 2007/08 г. она достигла 22,4% ВВП. Всего за эти пять лет в Египте было создано 4,5 млн. новых рабочих мест, безработица снизилась с 11 до 8,5%.⁶¹

С другой стороны, если очистить динамику ВВП Египта от конъюнктурных составляющих, то данное ускорение экономического роста перестанет казаться исключительным: средний вклад «очищенного» ВВП в прирост валового продукта в 2003/04 – 2007/08 гг. достигал 4,4 проц.п. и в точности соответствовал уровню предыдущей волны экономического роста. Есть еще один тревожный звонок: дефицит торговли товарами и услугами в 2007/08 г. достиг 8,4 млрд. долл. или около 5% ВВП, а если брать одну торговлю товарами – 23,4 млрд. долл. или 14,4% ВВП. В египетском экспорте по-прежнему преобладает нефтегазовое сырье и туристические услуги, а доля промышленных изделий остается небольшой (всего 18–19% в 2007 г.).⁶² Отражением острого торгового дефицита является разрыв между инвестициями и внутренними сбережениями. Доля последних в ВВП Египта по-прежнему не выше 15–17%, а значит любой рост инвестиций будет неизбежно вести к усилению зависимости от внеш-

⁶⁰ По данным IMF Country Report, Arab Republic of Egypt: 2007 Article IV Consultation. IMF Country Report, Arab Republic of Egypt: 2008 Article IV Consultation. По методологии МВФ нефтяные доходы бюджета включают в себя подоходный налог, взимаемый с Египетской государственной нефтяной компании и иностранных нефтяных компаний, роялти и чрезвычайные выплаты, акцизы на нефтепродукты и дивиденды Египетской государственной нефтяной компании.

⁶¹ Данные из Central Bank of Egypt Monthly Statistical Bulletin.

⁶² По данным UNCTAD Handbook of Statistics Online Database.

них сбережений. Главная причина нехватки внутренних сбережений остается той же самой – это дестимулирующий эффект внешних трансфертов, которые уже давно воспринимаются домохозяйствами как часть располагаемого дохода. Кроме того, постоянным нетто-дебетором является египетское правительство, которое в последние годы все больше финансирует бюджетный дефицит за счет частных сбережений.

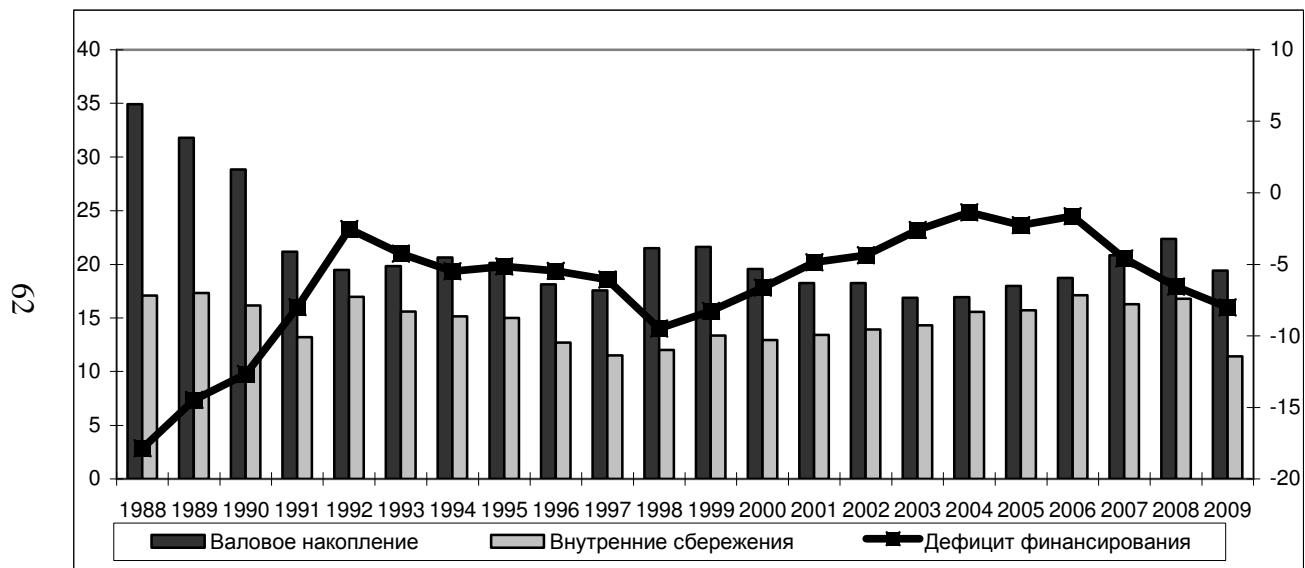
Переоценить значение благоприятной конъюнктуры для последнего этапа экономического роста в Египте довольно трудно, а недооценить эффект от реформ, напротив, легко. Однако ближайшие несколько лет покажут, насколько устойчивы достижения египетской экономики в условиях мирового экономического кризиса. Как водится, первым пострадал фондовый рынок: индекс EGX 30 Египетской биржи (ранее этот индекс назывался CASE 30, а сама биржа – Каирско-Александрийской) менее чем за 12 месяцев обвалился примерно втрое: с 12 тыс. пунктов в апреле 2008 г. до 3,5–3,6 тыс. пунктов в феврале-марте 2009 г.⁶³ С некоторым опозданием отреагировал и реальный сектор: темп прироста ВВП замедлился с 7,2% в 2007/08 году до 4,7% в 2008/09 году.

С другой стороны, данные платежного баланса свидетельствуют о том, что внешний сектор экономики Египта оказался достаточно устойчивым перед лицом кризиса. Действительно, в 2009/10 г. экспорт товаров из Египта упал на 5%, а без учета нефти и газа – на 4%. Однако дефицит торгового баланса не только не вырос, но и несколько сократился (с 25,2 млрд. долл. в 2008/09 г. до 25,1 млрд. долл. в 2009/10 г.) благодаря еще более резкому сокращению импорта нефти и газа. Импорт всех остальных товаров за исключением углеводородного сырья в 2009/10 году перестал сокращаться и показал незначительный рост, свидетельствуя о начале подъема египетской экономики. Что касается источников финансирования торгового дефицита, то положительное сальдо баланса торговли услугами увеличилось в 2009/10 г. по сравнению с предыдущим годом на 20% (с 12,3 до 14,7 млрд. долл.), в первую очередь, благодаря высоким поступлениям от туризма (с 10,5 до 11,6 млрд. долл.). Чистые текущие трансферты увеличились еще сильнее: с 7,6 до 9,5 млрд. долл. или примерно на четверть.

⁶³ Данные с сайта Египетской биржи <http://www.egyptse.com/main.asp>.

Диаграмма 2.3.

Баланс сбережений и инвестиций в Египте, % ВВП

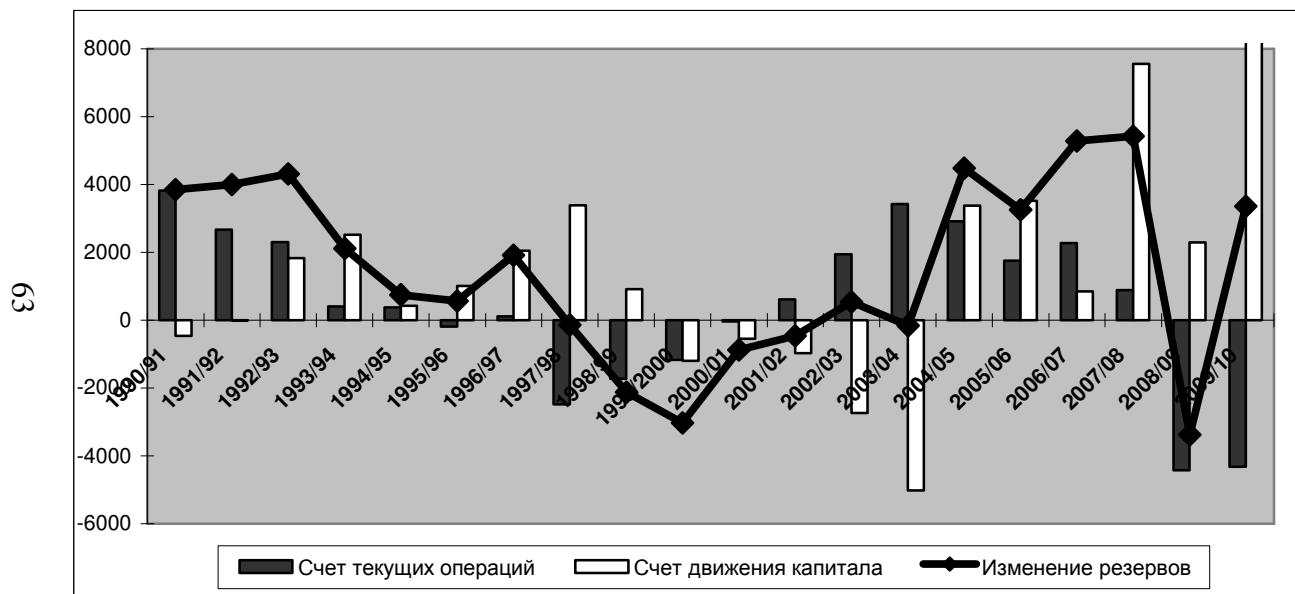

Примечание. Норма сбережений и инвестиций отложена по левой шкале, величина дефицита финансирования – по правой.

Рассчитано и составлено по данным в текущих ценах из The World Bank WDI Online Dataset.

Диаграмма 2.4.

Платежный баланс Египта в 1990/91 – 2009/10 гг., млн. долл.

Рассчитано и составлено по данным Central Bank of Egypt Monthly Statistical Bulletin.

С другой стороны, хотя мировой экономический кризис и предопределил большую нестабильность потоков иностранного капитала в египетскую экономику, однако общий их итог оказался положительным. Отток так называемых «прочих» инвестиций (то есть разного рода банковских кредитов) из экономики Египта в 2009/10 г. составил 4,8 млрд. долл. по сравнению с притоком 5,1 млрд. долл. годом ранее. В то же время прямые иностранные инвестиции остались на достаточно высоком уровне (6,8 млрд. долл. в 2009/10 г. после 8,1 млрд. долл. в 2008/09 г.), а портфельные инвесторы и вовсе вложили в египетскую экономику 7,9 млрд. долл. после массированного бегства годом ранее (-9,2 млрд. долл.). В результате, несмотря на сохраняющийся дефицит счета текущих операций (4,3 млрд. долл. в 2009/10 г. после 4,4 млрд. долл. в 2008/09 г.), сальдо платежного баланса вышло в положительную область (плюс 3,4 млрд. долл.) и полностью компенсировало сокращение золотовалютных резервов годом ранее. Таким образом, приток иностранного капитала в экономику Египта снова начал расти, хотя до возвращения сверхблагоприятной внешней конъюнктуры 2004/05–2007/08 гг., когда скачок цен на энергоносители совпал с волной притока иностранных инвестиций в развивающиеся страны, очевидно, еще очень далеко.

Быстрый прирост рабочей силы и значительный уровень бедности – это два фактора, которые обуславливают постоянную напряженность социальной ситуации в Египте. Помогли ли экономические реформы снизить их остроту? Дать однозначный ответ на этот вопрос нельзя. С 1995/96 по 2006/07 г. численность рабочей силы в Египте увеличивалась в среднем на 3,2% или на 600–650 тыс. человек в год.⁶⁴ Средний темп прироста занятости за тот же период составил 3,3%. Это означает, что обострения проблемы безработицы удалось избежать, но и о ее преодолении говорить тоже не приходится. Анализ эластичности занятости по темпам экономического роста за эти 12 лет по-

⁶⁴ Расчеты автора по данным Central Bank of Egypt Monthly Statistical Bulletin. Следует отметить, что официальная египетская статистика по безработице вызывает много нареканий. В частности, в ней в должной мере не отражен огромный неформальный сектор экономики, и это заставляет подозревать, что на самом деле безработица намного выше. Автор будет, по возможности, использовать корректирующие оценки египетских исследователей для создания более точной картины.

казал, что требуемый уровень прироста ВВП, при котором безработица не будет увеличиваться, составляет 5% в год.⁶⁵ Это не самый легкий ориентир для египетской экономики. На протяжении пяти лет подряд с 2000/01 г. по 2004/05 г. темп прироста ВВП находился ниже 5%, что привело к росту безработицы с 9,2 до 11,2% или на 500 тыс. чел. Вместе с тем последняя волна экономического роста позволила за три года с 2005/06 г. по 2007/08 г. создать 2,5 млн. новых рабочих мест и вернуть безработицу на уровень 9%.

Однако проблема кроется не только в быстром расширении рабочей силы, но и в тех перекосах, которые существуют на египетском рынке труда. Их причина в том, что египетское государство на протяжении десятилетий играло роль работодателя по-следней инстанции, обеспечивая рабочими местами всех выпускников высших и средних учебных заведений. В результате Египет, с одной стороны, получил раздутый и неэффективный чиновничий аппарат, с другой – приучил выпускников к тому, что рано или поздно они получат место в госсекторе с не слишком обременительными обязанностями и гарантированной зарплатой.⁶⁶ Неудивительно, что система образования в Египте по-прежнему ориентирована на удовлетворение запросов бюрократического аппарата, а ее выпускники мало подготовлены к работе в предпринимательском секторе.

Перепроизводство невостребованных рынком специалистов означает, что от безработицы в Египте страдает прежде всего молодежь. Египетские исследователи отмечают, что подавляющая часть безработных – это молодые люди в возрасте 15–29 лет, которые ищут первую в жизни работу.⁶⁷ Не стоит напоминать о том, насколько это опасно для социальной ситуации в стране. Госсектор в Египте по сей день является вторым по важности источником рабочих мест после сельского хозяйства, и эконо-

⁶⁵ Методами регрессионного анализа получено следующее уравнение $I = 0,84 u - 0,96$ (12 наблюдений, $R^2=0,72$), где I – это темп прироста занятости, а u – темп прироста ВВП.

⁶⁶ По состоянию на 1998 г. 52% мужчин и 63% женщин со средним образованием и выше были заняты в госсекторе. *Radwan S. Employment and Unemployment in Egypt: Conventional Problems, Unconventional Remedies*, The Egyptian Center for Economic Studies (ECES) Working Paper, 2002. P. 24–25.

⁶⁷ См. *Fawzy S. Investment Policies and the Unemployment Problem in Egypt*, the Egyptian Center for Economic Studies (ECES) Working Paper, 2002. P. 11.

мическая либерализация мало что здесь изменила, поскольку снижение числа занятых на госпредприятиях (с 1,4 млн. чел. в 1995 г. до 1 млн. чел. в 2007 г.) не сопровождалось сокращением госаппарата. За тот же период численность чиновников и госслужащих увеличилась с 4 до 5,4 млн. чел., а их доля в общем числе занятых снизилась весьма незначительно: с 26,5% до 24,9%.

2.2. Особенности политики рыночных реформ в Иордании

Важнейшей особенностью, определявшей социально-экономическое развитие Иордании с момента получения независимости, являлась зависимость от внешних ресурсов в виде официальной помощи, займов и переводов от трудовых мигрантов из числа подданных королевства. Именно обильный приток средств из-за рубежа позволил маленькому и бедному природными ресурсами королевству долгое время жить «не по средствам», потребляя и инвестируя значительно больше того, что оно могло произвести. Поскольку весьма значительная официальная помощь (преимущественно, из монархий Персидского залива) шла непосредственно государству, у него появилась возможность играть активную роль в экономическом развитии страны. Начиная с 50-х годов и особенно после нефтяного бума 1973 г., оно много тратило на развитие инфраструктуры и госсектора, субсидировало базовые потребительские товары и услуги, а также пыталось проводить некое подобие политики импортозамещения, устанавливая высокие пошлины и квоты на ввоз многих категорий товаров из-за рубежа.

В то же время, Иордания традиционно являлась поставщиком квалифицированной рабочей силы для богатых нефтедобывающих стран региона: пик этого явления пришелся на начало 80-х годов, когда почти треть рабочей силы королевства была занята в хозяйстве нефтяных монархий Персидского залива, а объем их переводов на родину достигал 20% ВВП.⁶⁸ Причем эти средства в большинстве своем инвестировались, а не тратились на текущее потребление: по оценкам МВФ, 85 центов из каждого

⁶⁸ Sufyan A. Rethinking Economic Reform in Jordan: Confronting Socioeconomic Realities, Carnegie Middle East Center, Carnegie Papers, 2007. P. 7.

переведенного доллара расходовалось домохозяйствами на капитальные цели, в первую очередь, строительство жилья.⁶⁹ По существу, королевство долгое время находилось в парадоксальном положении, когда инвестиции частного сектора практически полностью финансировались за счет переводов из-за рубежа, а госинвестиции – за счет официальной помощи. Поэтому неудивительно, что любые перебои в межарабских финансовых потоках и движении рабочей силы крайне резко сказывались на иорданской экономике.

По мнению многих исследователей, Иордания долгое время представляла собой типичную «перераспределительную экономику» (антипод «производящей экономики»).⁷⁰ Это выражалось в том, что обильный приток иностранной валюты стимулировал импорт и дестимулировал экспортные отрасли, а частные инвестиции направлялись преимущественно в отрасли с быстрой отдачей, прежде всего, строительство и сделки с недвижимостью, в то время как обрабатывающая промышленность находилась в проигрышном положении. В результате иорданские предприниматели были заинтересованы не tanto в производстве новых товаров и услуг, сколько в разделе выгод от регулирования импорта и внутренних цен. Поэтому в случае Иордании задача реформирования экономики требовала коренной перестройки всей системы отношений между властью и бизнесом, переориентации системы стимулов с импорта и переваривания ренты на внутреннее производство. Помогли ли проведенные преобразования приблизиться к достижению этих целей? Позволили ли они преодолеть фундаментальные перекосы в государственных финансах и внешнеторговом балансе королевства и найти те конкурентные преимущества, которые сделают Иорданию активным участником глобализационных процессов? До того как ответить на эти вопросы, вкратце рассмотрим те условия, в которых Иордания подошла к началу реформ.

После того как ОПЕК применила «нефтяное оружие» против Вашингтона, подняв в несколько раз цены на углеводороды, на Иорданию как государство, находящееся в состоянии войны с Израилем, пролился «золотой дождь» финансовой помощи

⁶⁹ IMF Occasional Paper, Jordan: Strategy for Adjustment and Growth ed. by Maciejewski E., Mansur A., 1996. P. 17–20. Данные за период с 1977 по 1994 год.

⁷⁰ См. Saif I. Changing the Rules of the Game: Understanding the Reform Process in Jordan, Global Development Network, Amman, 2005. P. 3–4.

от арабских стран-экспортеров нефти. Среднегодовой размер помощи во второй половине 70-х годов достиг 27,2% иорданского ВВП по сравнению с 19,1% в первой половине десятилетия и 8,2% – в 1966–70 гг. Нефтяной бум также привел к более интенсивной миграции подданных королевства в богатые нефтедобывающие страны региона и росту объема переведенных ими на родину средств (с 6,5% ВВП в год в 1972–75 гг. до 21,3% в 1976–80 гг.).⁷¹ Беспрецедентный приток финансовых ресурсов, равный практически половине ВВП королевства и примерно поровну разделившийся между частным сектором (переводы) и государством (помощь), стимулировал все компоненты внутреннего спроса: валовое накопление увеличивалось в 1976–80 гг. в среднем на 23,1% в год, потребительские расходы государства – на 13,6% в год, домохозяйств – на 14,3% (см. табл. 2.5). Расширявшийся спрос более чем на две трети удовлетворялся за счет импорта, который увеличивался на 18,9% в год. Подогретые столь благоприятной конъюнктурой темпы экономического роста в Иордании достигли астрономических значений: в среднем 16,0% в год в 1976–80 гг. по данным Всемирного банка, 13,7% в год по данным ООН и даже в международных долларах этот показатель выглядит весьма существенным: 10,2% в год.⁷³

Таблица 2.4.

Внешние ресурсы и экономический рост в Иордании

	Прирост ВВП	Инвестиции, % ВВП	Официальная помощь, % ВВП	Переводы, % ВВП	ПИИ, % ВВП
1976–1980	16,0	35,7	27,2	21,3	0,8
1981–1985	5,2	33,1	16,0	22,3	1,4
1986–1990	-0,9	24,6	10,7	15,2	0,5
1991–1995	7,3	32,4	10,0	16,2	0,0
1996–2000	3,2	24,4	6,1	20,5	4,4
2001–2004	5,9	22,3	7,0	19,4	4,8
2005–2008	8,2	29,5	3,9	16,7	17,1

Рассчитано и составлено по данным The World Bank WDI Online Dataset.

⁷¹ Рассчитано по данным: WDI 2003 CD-Rom.

⁷² Рассчитано в постоянных ценах 1990 г. по данным: UN National Accounts Database.

⁷³ Рассчитано соответственно по данным: WDI 2003 CD-Rom, UN National Accounts Database и Penn World Tables 6.2.

Однако модель экономического роста, основанного на внешних сбережениях, была по определению неустойчивой и начала давать сбои уже в первой половине 80-х годов. Снижение объемов экономической помощи в связи с ирано-иракской войной с 1,3 млрд. долл. в 1979 г. до 540 млн. долл. к 1985 г. привело к симметричному снижению госинвестиций и валового накопления в целом. Хотя оставшиеся на высоком уровне переводы от трудовых мигрантов поддержали потребление домохозяйств (оно продолжало увеличиваться в 1981–85 гг. на 6,4% в год), ухудшение конъюнктуры привело к трехкратному замедлению темпов экономического роста и прекращению роста подушевого дохода. Если с 1976 г. по 1980 г. он увеличился на третью (с 1260 до 1815 долл.), то за следующие пять лет – всего на 6% (до 1929 долл.).⁷⁴

Коллапс цен на нефть в середине 1980-х гг. поставил Иорданию в критическое положение: помимо дальнейшего сокращения финансовой помощи монархии Персидского залива стали куда менее охотно брать на работу иностранцев и не так щедро платить им. Переводы от трудовых мигрантов снизились с максимального уровня в 1,2 млрд. долл. в 1984 г. до 600 млн. долл. в 1989 г. Это больно ударило по внутреннему потреблению и привело к общей рецессии, несмотря на некоторое оживление роста инвестиций. Под давлением структурных дисбалансов Иордания начала сползать в валютно-финансовый кризис, который разразился в 1988–89 гг. Когда обмелевший приток трансфертов перестал покрывать огромный торговый дефицит королевства, государство стало активно занимать за рубежом. Внешний долг за одно десятилетие вырос почти в 4 раза (с 1,9 млрд. долл. в 1980 г. до 7,3 млрд. долл. в 1989 г.) и превысил объем ВВП Иордании. Золотовалютные резервы за тот же период сократились с 1,7 млрд. долл. до 0,8 млрд. и стали покрывать уже не полгода, а всего один месяц импорта.⁷⁵ Резкая девальвация иорданского динара, который до того был жестко привязан к доллару и считался одной из наиболее стабильных валют на Ближнем Востоке, стала всего лишь делом времени.

⁷⁴ Данные в долл. 1995 г. WDI 2003 CD-Rom.

⁷⁵ Данные WDI 2003 CD-Rom.

Таблица 2.5.

Динамика ВВП Иордании по расходам

	1976– 1980	1981– 1985	1986– 1990	1991– 1995	1996– 2000	2001– 2004	2005– 2008
Рост ВВП по расходам	13,7	4,5	-0,5	6,2	3,2	5,9	8,2
Рост расходов на конечное потребление	14,1	5,3	-3,2	2,7	6,3	3,0	9,7
домашних хозяйств государственного управления	14,3	6,4	-3,7	2,2	7,5	3,7	10,4
государственного управления	13,6	2,0	-1,3	3,9	2,9	0,8	6,9
Рост валового накопления	23,1	-7,5	9,0	5,8	-4,9	8,9	5,8
валового накопления основного капитала	22,2	-8,2	6,2	7,8	-3,9	7,7	8,5
Рост экспорта товаров и услуг	17,6	5,1	5,9	3,6	0,6	10,6	6,9
Рост импорта товаров и услуг	18,9	0,9	3,0	-0,7	2,3	6,1	9,5

Рассчитано и составлено по данным в постоянных иорданских динарах 1990 г. из UN National Accounts Database.

Резкое ухудшение внешнеэкономических позиций королевства сопровождалось кризисом государственных финансов. Иордания традиционно отличалась крайне высокими госрасходами – они редко опускались ниже уровня 40% ВВП. По сути, иорданский бюджет занимался перераспределением официальной помощи, а также налогообложением импорта, подогреваемого переводами от занятых за рубежом подданных. В то же время объем собираемых прямых и косвенных налогов был очень невелик из-за слабой производственной базы королевства. Без учета грантов дефицит бюджета достигал 10–20% ВВП, но и вместе с ними сальдо доходов и расходов редко было положительным. Когда поток финансовой помощи из-за рубежа, составлявший в благополучные 1976–83 гг. ровно треть доходной части бюджета, заметно ослаб, государство, вместо того чтобы снижать расходы, стало наращивать долговое финансирование бюджетного дефицита. К концу 80-х годов государственный долг разросся настолько, что на его обслуживание стала уходить пятая часть всех доходов бюджета, а дальнейшие заимствования стали невозможными.⁷⁶

⁷⁶ Kanaan T., Kardoosh M. The Story of Economic Growth in Jordan: 1950–2000, Amman, 2002. P. 9.

Кризис грянул в 1988 г., когда Иордания впервые не сумела выполнить свои обязательства по внешнему долгу. В попытке исправить платежный баланс правительство отпустило курс динара, который рухнул за последующие 12 месяцев более чем на треть: с фиксированного уровня 2,7 доллара за динар до 1,7 долл. Удорожание импорта вместе с монетарным финансированием бюджетного дефицита привело к скачку инфляции: индекс потребительских цен вырос в 1989 г. более чем на четверть. Падение валового продукта началось еще в 1988 г. (-1,2%) и усилилось в 1989 (-13,5%). Кризис привел к резкому падению уровня жизни: доля бедных увеличилась с 3% в 1986–87 гг. до 14% в 1992 г., уровень безработицы почти удвоился и достиг 20%.⁷⁷ Чтобы избежать полного коллапса экономики, Иордания была вынуждена обратиться к МВФ за помощью и принять программу макроэкономической стабилизации.

Ключевыми задачами на первом этапе было вернуть инфляцию в приемлемые рамки и восстановить доверие к национальной валюте. Благодаря жесткому контролю над денежной массой рост потребительских цен удалось снизить до 4% в год уже к 1992 г. Вторая задача оказалась сложнее: доверие к иорданскому динару было восстановлено только к 1995 году, когда жесткая привязка к доллару сменила первоначально выбранную привязку к специальным правам заимствования МВФ. Эти успехи стали возможными благодаря улучшению ситуации с государственными финансами. В разгар стабилизации в 1991–1995 гг. дефицит бюджета без учета грантов снизился до небывало низкого для Иордании уровня в 7% ВВП, а вместе с ними – до 2% ВВП. Выправить ситуацию помогло то, что реструктуризация внешнего долга (иностранные инвесторы положительно восприняли решение Аммана принять программу стабилизации) заметно снизила расходы на его обслуживание, а начавшийся экономический подъем стимулировал рост налоговых поступлений и таможенных пошлин. Кроме того, правительство занялось расширением

⁷⁷ IMF Country Report, Jordan: Selected Issues and Statistical Appendix, 2004. Р. 12. В том числе по этой причине население очень болезненно восприняло частичную отмену субсидий, на которой настаивал МВФ. Цены повышались постепенно, и все равно эта мера вызвала взрыв социального недовольства, вылившийся в «топливный бунт» 1991 г. и «хлебный бунт» 1996 г.

налоговой базы и совершенствованием сбора налогов и в итоге сумело добиться роста внутренних доходов бюджета с 20–22% ВВП в дореформенные годы до 27–30% ВВП в 1990–2000-е годы. Но не менее важным фактором стало резкое сокращение инвестиционных расходов государства: с 15% ВВП в 1986–90 гг. до 9% ВВП в 1991–95 гг. (при практически неизменном уровне текущих расходов).

Таблица 2.6.

Государственные финансы Иордании (% ВВП)

	Расходы			Доходы			Сальдо	
	Всего	Капиталь-ные	Теку-щие	Всего	Внутренние	Гранты	Без грантов	С грантами
1976–1980	48,3	18,4	29,9	35,4	19,6	15,8	-28,7	-12,9
1981–1985	41,0	14,5	26,5	32,5	22,0	10,5	-19,0	-8,5
1986–1990	43,4	15,0	28,3	31,0	23,9	7,1	-19,5	-12,4
1991–1995	37,7	9,0	28,6	35,8	30,5	5,3	-7,2	-1,9
1996–2000	36,7	7,4	29,3	32,5	26,9	5,6	-9,7	-4,2
2001–2007	38,0	8,0	30,2	34,0	27,1	6,9	-10,9	-3,9

Рассчитано и составлено по данным в текущих ценах из Central Bank of Jordan Yearly Statistical Series.

На экономике Иордании остро сказался региональный кризис 1990–91 гг., вместивший нападение Ирака на Кувейт и операцию «Буря в пустыне». К прекращению традиционно значимого для королевства экспорта в Ирак добавилось то, что Кувейт и Саудовская Аравия по сути выдворили до 300 тыс. работавших в них иорданцев, из-за того что Амман не присоединился к хору осудивших агрессию государств. Это привело к росту безработицы и дополнительной нагрузке на инфраструктуру, а экономика королевства еще два года провела в стагнации: темп прироста ВВП в 1990 г. составил всего 1%, а в 1991 – 1,8%. Однако вернувшиеся эмигранты принесли с собой около 2 млрд. долл. накопленных сбережений – сумма эквивалентная 1/3 ВВП королевства, и уже в 1992 г.

эти капиталы хлынули в экономику королевства.⁷⁸ Объем инвестиций всего за один год увеличился почти на 40% (особенно выиграл строительный сектор – приехавшие начали активно скупать и строить жилье), спрос домохозяйств – на 20%. За счет этих двух компонентов прирост ВВП составил целых 18,7% и до 1995 г. не опускался ниже уровня 5% в год. Однако это ускорение, обусловленное чисто конъюнктурными факторами при некотором оздоровлении макроэкономической ситуации, не могло продолжаться долго. Во второй половине 90-х годов темп прироста ВВП упал до 3% в год – уровня, обеспечивающего сохранение подушевого дохода, но никак не его прирост.

Второе соглашение о сотрудничестве с МВФ, подписанное Иорданией в 1992 г., декларировало следующие цели: увеличение годовых темпов прироста ВВП до 4% к 1997 г., снижение инфляции до 5% в год, сокращение дефицита бюджета за вычетом грантов до 5% ВВП к 1998 г. Также предполагалось сообщить к нулю дефицит счета текущих операций и ликвидировать необходимость во внешнем финансировании экономики. Однако прогресс в этих направлениях был далеко не очевиден. Если с инфляцией удалось справиться досрочно, то темпы прироста ВВП после конъюнктурного всплеска 1992–1995 гг. вышли на требуемый и, надо сказать, достаточно скромный уровень только к 2000 г. Что касается хронического дефицита бюджета и счета текущих операций, то ни о каком особенном прогрессе говорить и вовсе не приходится. После первоначальной стабилизации дефицит бюджета за вычетом грантов вновь стал расширяться: с 7,2% ВВП в 1991–95 гг. до 9,7% ВВП в 1996–2000 гг. и 10,9% ВВП в 2001–07 гг. Главная причина – неспособность снизить уровень текущих расходов на содержание многочисленного госаппарата, вооруженных сил и полиции (по доле военных расходов в ВВП Иордания прочно удерживает одно из первых мест в регионе). После сокращения затрат на обслуживание долга текущие госрасходы застыли на уровне 28–30% ВВП, превышая всю доходную часть бюджета за вычетом грантов. Это означает, что все государственные инвестиции в Иордании финансируются за счет иностранной помощи или наращивания госдолга.

⁷⁸ *Saif I. Changing the Rules of the Game: Understanding the Reform Process in Jordan, Global Development Network, Amman, 2005. P. 20.*

Таблица 2.7.

Иордания: некоторые результаты программы стабилизации

	1986– 1990	1991– 1995	1996– 2000	2001– 2005	2006– 2009
Инфляция	7,2	4,6	1,7	1,8	8,6
Официальные резервы (мес. импорта)	2,9	4,6	5,7	7,2	6,7
Сальдо бюджета без грантов, % ВВП	-19,5	-7,2	-9,7	-12,5	-8,0
Сальдо бюджета с грантами, % ВВП	-12,4	-1,9	-4,2	-3,1	-4,1
Торговый баланс, % ВВП	-24,7	-25,6	-22,3	-27,4	-31,7
Сальдо счета текущих операций, % ВВП	-1,4	-9,3	0,5	-0,2	-11,1

Рассчитано по: Central Bank of Jordan Yearly Statistical Series (сальдо бюджета), The World Bank WDI Online Dataset (все остальные показатели).

Таблица 2.8.

Баланс инвестиций и сбережений в Иордании, % ВВП

Годы	ВРД	Инвестиции	Потребление			Чист. экспорт	Сбережения		
			всего	частное	гос.		внутр.	нац.	иностр.
1976–1980	133,0	35,2	112,9	82,1	30,7	-48,1	-12,9	20,1	15,1
1981–1985	126,6	33,9	112,3	84,0	28,4	-46,2	-12,3	14,3	19,6
1986–1990	107,4	23,8	100,0	74,8	25,2	-23,8	0,0	7,4	16,5
1991–1995	106,6	32,3	93,6	70,6	23,1	-25,9	6,4	13,0	19,3
1996–2000	111,9	24,4	97,9	73,5	24,4	-22,3	2,1	14,0	10,4
2001–2005	116,8	24,7	102,7	80,8	21,9	-27,4	-2,7	14,1	10,5

Примечание. Валовой располагаемый доход (ВРД) равен валовому национальному доходу плюс чистые текущие трансферты из-за рубежа и чистые текущие доходы и используется для конечного потребления и национального сбережения. Следовательно, национальные сбережения равны внутренним сбережениям плюс сумма чистых текущих трансфертов и чистых факторных доходов. Разница между инвестициями и национальными сбережениями финансируется за счет чистых сбережений заграницы (в таблице они названы иностранными сбережениями, знак плюс означает привлечение сбережений).

Рассчитано и составлено в текущих ценах по данным: Central Bank of Jordan Yearly Statistical Series.

Хотя на первый взгляд может показаться, что платежный баланс Иордании после кризиса стал более устойчивым, однако это впечатление обманчиво, поскольку королевство по-прежнему живет в условиях чудовищного торгового дефицита. В 2001–05 гг. он расширился до 27% ВВП, достигнув дреформенного и даже докризисного уровня, а в 2006–09 гг. превысил отметку 30% ВВП. Поначалу переводов от трудовых мигрантов и поступлений от туризма было более чем достаточно для финансирования этого дефицита, но после резкого удорожания импорта нефти отрицательное сальдо счета текущих операций приняло угрожающие размеры: 18,0% ВВП в 2005 г., 11,6% ВВП в 2006 г., 16,9% ВВП в 2007 г. и 10,3% ВВП в 2008 г. Профинансиовать этот дефицит помог беспрецедентный приток прямых иностранных инвестиций, о котором мы будем говорить ниже. Сейчас лишь отметим, что до тех пор, пока производственная база королевства остается неразвитой, и нет прорыва в экспортной сфере, любой экономический подъем за счет внутреннего спроса будет неминуемо приводить к опережающему расширению импорта, а значит и к проблемам с платежным балансом.

Низкий уровень внутренних сбережений и потребность во внешнем финансировании инвестиций – это характерная особенность большинства арабских стран, не являющихся экспортерами нефти. Однако даже в этом ряду Иордания стоит особняком. Вплоть до самого начала реформ внутренние сбережения королевства были отрицательными, то есть оно потребляло больше, чем могло произвести. Но поскольку приток средств от трудовых мигрантов и официальная помощь стали восприниматься частным и государственным сектором соответственно как неотъемлемый компонент их располагаемого дохода, это не мешало еще и поддерживать высокий уровень инвестиций – свыше 30% ВВП. В результате капиталовложения в Иордании практически полностью финансировались из внешних источников: государство тратило гранты на поддержание и развитие инфраструктуры, а подданные инвестировали полученные от родственников средства в недвижимость. Поэтому когда приток трансфертов в экономику королевства резко сократился, наибольшей корректировке подверглись именно инвестиции: их доля в ВВП упала с 33,9% в 1981–85 гг. до 23,8% в 1986–1990 гг. Общее сжатие совокупного спроса несколько сгладило вспыхнувшие дисбалансы: внутренние сбережения вышли в положительную область, а национальные сбережения стали покрывать

больше половины валового накопления. Однако налицо все признаки того, что экономический подъем Иордании в последние годы во многом основан на притоке иностранного капитала и ведет к обострению старых проблем: резко расширяется торговый дефицит, внутренние сбережения сокращаются и уже стали отрицательными.

Диаграмма 2.5.

**Внешнее и внутреннее финансирование инвестиций
в Иордании, % ВВП**

Составлено по источникам к таблице 2.8.

Новый импульс реформы получили, когда королем Иордании после смерти своего отца Хусейна в 1999 г. стал Абдалла II. Молодой монарх четко обозначил свою приверженность экономическим преобразованиям, и именно при нем в королевстве по-настоящему началась приватизация госсектора и либерализация внешней торговли. Поскольку приватизируемые объекты приобретались в основном иностранными компаниями, в Иордании начался настоящий бум прямых иностранных инвестиций. В 2003 г. их приток составил 440 млн. долл., в 2004 г. – 820 млн., в 2005 г. – 1780 млн. и в 2006 г. – 3220 млн. дол, то есть их объем удваивался каждый год и в конце концов превысил

уровень 20% (!) ВВП.⁷⁹ С другой стороны, продать часть активов госсектора оказалось гораздо проще, чем сократить непомерно раздутый госаппарат, в котором по разным оценкам занято 30–40% рабочей силы королевства.⁸⁰ Работа в госсекторе традиционно воспринимается как своего рода награда за лояльность режиму, а не место для производительного приложения сил, и неудивительно, что зарплаты в нем в среднем выше, чем в частном секторе. Это создает перекосы на рынке труда, которые серьезно мешают развитию предпринимательства.

Еще одной целью реформ было сделать экономику Иордании более открытой, и для этого было действительно многое сделано. В 2000 г. королевство вступило во Всемирную торговую организацию, в 2001 г. подписало соглашение о создании зоны беспошлинной торговли с США и запустило амбициозный проект специальной экономической зоны в Акабе. Одновременно с этим иорданское правительство почти в два раза снизило средний уровень импортной пошлины: с 22,1% в 2000 г., до 11,5% в 2007 г.⁸¹ В результате экспорт товаров вырос с 1,3 млрд. долл. в 2000 г. до 7,8 млрд. долл. в 2008 г. Однако технологический уровень новых экспортных производств, как правило, невысок, и они зачастую представляют собой образчики «анклавной экономики», вынужденные импортировать почти все сырье и промежуточные товары.⁸² А это значит, что рост экспорта автоматически ведет к сопоставимому увеличению импорта, не решая проблемы огромного торгового дефицита. Действительно, импорт товаров и услуг в Иорданию после 2000 года рос быстрее, чем

⁷⁹ Данные WDI Online Dataset. Правда, уже в 2007 г. приток ПИИ в Иорданию упал до 1,8 млрд. долл., или 11,1% ВВП.

⁸⁰ Sufyan A. Rethinking Economic Reform in Jordan: Confronting Socioeconomic Realities. Carnegie Middle East Center, Carnegie Papers, 2007. P. 10.

⁸¹ World Bank Middle East and North Africa Region Economic Developments and Prospects, 2008. P. 173–174.

⁸² Иорданский исследователь Марван Кардуш в одной из своих работ отметил, что компании из созданных в Иордании специальных промышленных зон импортируют почти 100% используемого сырья, а две трети из созданных ими 46 тыс. рабочих мест заняты иностранной рабочей силой, преимущественно выходцами из стран ЮВА. И дело здесь не только в том, что они готовы работать за меньшие деньги, чем коренные иорданцы, но и в том, что они отличаются большим трудолюбием и квалификацией. Kardoosh M. A Story of Qualified Success? Qualifying Industrial Zones, Economic Policy Making & Governance in Jordan. Jordan Center for Public Policy Research & Dialogue, Amman, 2006. P. 31.

экспорт, и дефицит торгового баланса вырос почти вдвое: с 20–25% ВВП в 1996–99 гг. до 30–40% ВВП в 2004–08 гг. Иными словами, после реформ экономика Иордании на самом деле стала намного более открытой, однако превратить экспорт в ее движущую силу пока так и не удалось.

Тем не менее, к 2000–01 гг. иорданская экономика сумела выйти из четырехлетней стагнации, в ходе которой темпы роста ВВП не превышали 2–3% в год, и начала новое тысячелетие с впечатляющего рывка. За исключением 2003 г., когда США начали военную компанию против Ирака, темпы экономического роста в королевстве не опускались ниже 5% в год, временами достигая впечатляющего уровня в 7–8% в год. Объем инвестиций в 2001–04 гг. увеличивался в среднем на 8,9% в год, а в 2005–08 гг. – на 5,8%, компенсируя провал второй половины 90-х годов, когда они ежегодно сокращались на 4,9% (см. табл. 2.5). Рост инвестиций происходил на фоне начавшегося в 2004 г. беспредентного притока иностранного капитала, который более чем уравновесил расширение импорта, в том числе, резко подорожавшей нефти. Но что очень важно, не остался в стороне и частный сектор: хотя мы не располагаем данными непосредственно по капиталовложениям иорданского бизнеса, о его возросшей инвестиционной активности можно судить по динамике кредита. Если во время торможения 1996–2000 гг. кредит частному сектору увеличивался всего на 2,4% в год, то в 2001–2007 гг. – уже на 11% в год.⁸³

Мировой экономический кризис привел к резкому сокращению притока иностранного капитала в Иорданию, однако не сумел поколебать устойчивость ее платежного баланса. В 2009 г. дефицит счета текущих операций королевства даже снизился до 797 млн. дин. (иорданских динаров) по сравнению с 1445 млн. дин. в 2008 г. Это произошло благодаря тому, что импорт товаров сократился несколько сильнее, чем экспорт, приток текущих трансфертов существенно не сократился, а положительное сальдо торговли услугами и вовсе выросло почти вдвое. С другой стороны, обильный приток иностранного капитала, который начался в 4 квартале 2004 г. и уравновесил масштабное расширение импорта, в том числе, резко подорожавшей нефти, по-

⁸³ Рассчитано по: Central Bank of Jordan Yearly Statistical Series. Для получения реального объема кредита в качестве дефлятора был использован индекс потребительских цен.

прежнему продолжается, хотя и несколько истощился (см. диаграмму 2.6).⁸⁴ В 2009 г. совокупный объем поступившего в страну иностранного капитала снизился на треть по сравнению с 2008 г. (с 3,8 млрд. дин. до 2,5 млрд. дин.), но остался на уровне 2006–07 гг. (2,3–2,4 млрд. дин.). Что касается его структуры, то прямые инвестиции снизились с 2,0 млрд. дин. до 1,7 млрд. дин., а портфельные инвестиции в 2009 году показали отток в 0,5 млрд. дин. после непрерывного притока на протяжении 2007–08 гг., когда (всего за это время в страну поступило портфельных вложений более чем на 1 млрд. дин.). В то же время растет роль так называемых «прочих инвестиций» (преимущественно, краткосрочных займов): в 2008 г. их объем составил более трети совокупного притока иностранного капитала в Иорданию, а в 2009 г. – более половины, хотя ранее у иорданской экономики не было необходимости прибегать к иностранным кредитам (см. диаграмму 2.7).

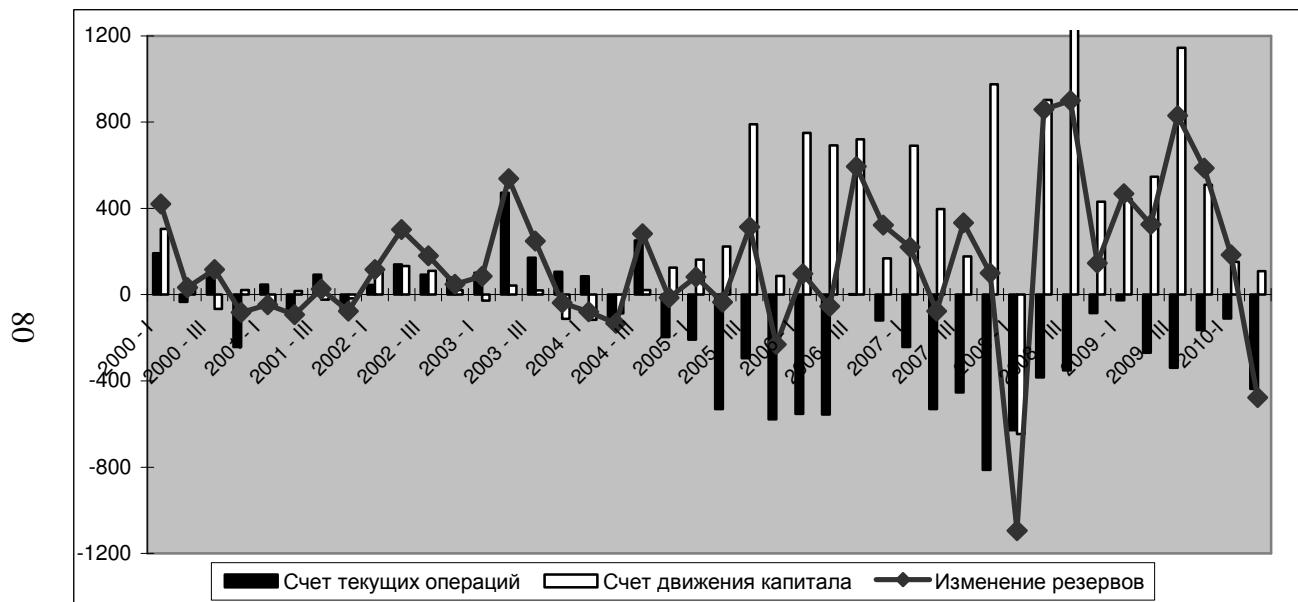
Приток иностранного капитала позволил Иордании в 2009 г. увеличить золотовалютные резервы на 2,2 млрд. дин., что примерно сопоставимо с их совокупным ростом за три предыдущих года (а в последний раз золотовалютные резервы Иордании сокращались еще в 2001 г.). Такая устойчивость платежного баланса Иордании объясняется, с одной стороны, тем, что импорт нефти благодаря кризису заметно подешевел, разгрузив платежный баланс королевства, а с другой – тем, что цены на «черное золото» снизились все-таки не так сильно, как ожидалось, и стабилизировались на весьма приемлемом для монархии Персидского залива уровне 70–80 долл. за баррель. А Иордания в наибольшей степени зависит именно от притока капитала из Персидского залива и переводов от занятых там подданных (по оценкам МВФ, в последние годы от 70 до 80% притока ПИИ в Иорданию приходилось на долю других арабских стран, в первую очередь, крупных экспортёров нефти).⁸⁵

⁸⁴ На промежутке с третьего квартала 2004 г. до второго квартала 2010 г. чистый отток капитала из Иордании наблюдался лишь однажды – в первом квартале 2008 г., когда иорданское правительство решило разом сократить свой внешний долг на треть, выплатив Парижскому клубу гигантскую по меркам королевства сумму в 1,75 млрд. дин.

⁸⁵ IMF Regional Economic Outlook, Middle East and Central Asia, May 2009. P. 16. Вместе с тем, в качестве экспортных рынков монархии Персидского залива не так важны для Иордании: на них приходится всего 20% товарного экспорта королевства.

Диаграмма 2.6.

Платежный баланс Иордании в 2000–10 гг., млн. дин.

Примечание. Величина изменения резервов не всегда совпадает с суммой текущего счета и счета движения капитала (особенно велико расхождение в 2007–08 гг.) из-за большой величины «ошибок и пропусков» в платежном балансе.

Рассчитано и составлено по данным Central Bank of Jordan Monthly Statistical Bulletin.

Диаграмма 2.7.

**Приток иностранного капитала в Иорданию в 2000–09 гг.,
млн. дин.**

Примечания. 1. Из категории «прочие инвестиции» исключены операции расширенного правительства, чтобы нивелировать эффект досрочного погашения внешней задолженности в 2008 году. В остальные годы значение притока «прочих инвестиций» без учета расширенного правительства и вместе с ним очень близки, поскольку Иордания практически не прибегала на данном этапе к внешним заимствованиям.

Рассчитано и составлено по данным Central Bank of Jordan Monthly Statistical Bulletin.

Однако несмотря на все успехи королевства в последние годы, настораживает то, что плоды экономического роста распределяются очень неравномерно. Безработица по-прежнему держится на уровне 15%, причем среди молодых людей от 20 до 24 лет она почти в два раза выше, а за чертой бедности, несмотря на достаточно быстрый экономический рост в последние годы, проживают от 15 до 30% населения в зависимости от выбранного критерия.⁸⁶ Социальная ситуация в Иордании, и без того напряженная из-за высокой безработицы и бедности, еще больше обост-

⁸⁶ Saif I., Tabbaa Y. Economic Growth, Income Distribution and the Middle Class in Jordan (2002–2006), Center for Strategic Studies University of Jordan Working Paper, 2008. P. 6.

стрилась после новой волны беженцев из Ирака численностью от 700 тыс. до одного миллиона человек. В то же время, несмотря на все внутренние сложности, экономические реформы в Иордании пользуются мощной поддержкой извне. Амман, как и Каир, является одним из ключевых ближневосточных союзников Вашингтона, который взамен не акцентирует внимание на явной недемократичности иорданского режима. МВФ также воздерживается от того, чтобы вслух критиковать Иорданию за недостаточную настойчивость в проведении реформ. Это в свою очередь обеспечивает доверие иностранных инвесторов – одного из столпов экономического развития королевства в последнее годы.

Итак, рыночные реформы в Иордании не помогли урегулировать ни огромный внешнеторговый дефицит, ни дефицит бюджета. После того как очистительный эффект кризиса иссяк, дисбалансы постепенно вернулись к своим привычным значениям. Их относительная устойчивость обеспечивается прямыми иностранными инвестициями, а также оживлением потоков экономической помощи и переводов от трудовых мигрантов. Безусловно, Иордания со своим сложным геополитическим положением и огромной зависимостью от внешних ресурсов представляет собой особый случай, однако факт остается фактом: в этой стране рыночные реформы не сделали правительство и население более бережливыми – они по-прежнему склонны потреблять больше, чем могут произвести. В таких условиях любое ускорение экономического роста, основанное на одном лишь внутреннем спросе, будет неизбежно сопровождаться расширением импорта и увеличением давления на платежный баланс. Действительно, иорданская экономика выглядит сейчас намного прочнее, а доверие иностранных инвесторов к ней выше, чем перед кризисом конца 80-х годов. Однако если глобальный экономический кризис затянется, то это неизбежно отразится на притоке финансовых ресурсов, и Иордании вслед за другими странами региона не избежать болезненной коррекции.

2.3. Специфика экономической либерализации в Тунисе

В большинстве исследований отмечается, что Тунис является одной из наиболее быстро развивающихся стран не только Северной Африки и Ближнего Востока, но и всего бывшего «третьего» мира. Действительно, на протяжении по-

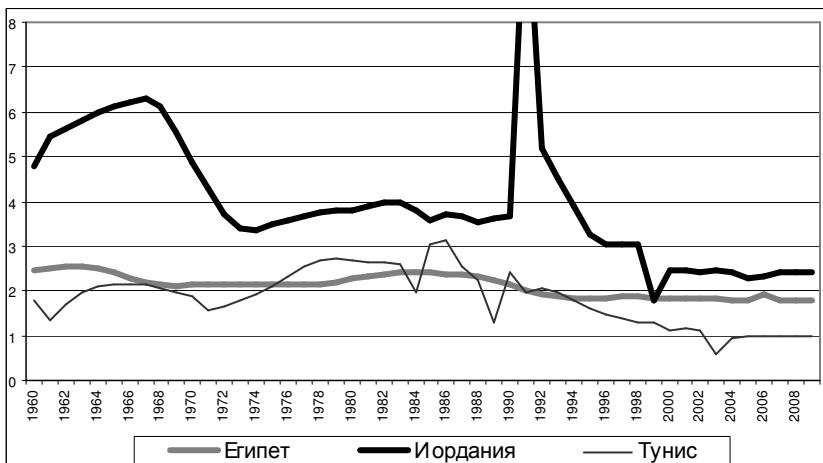
следнего полувека реальный ВВП этой страны рос в среднем на 5,2% в год, увеличившись в результате с начала 60-х годов более чем в 10 раз. В арабском мире сопоставимый экономический рост наблюдался в Сирии и Египте, где ВВП увеличивался в 1960–2000-х гг. в среднем на 5,4% и 5,3% в год. Тем не менее, благодаря решительной социальной модернизации Тунис сумел конвертировать его в более высокий рост доходов на душу населения. Подушевой ВВП в этой стране рос в среднем на 3,3% в год по сравнению с 3,1% в год в Египте и всего 2,2% в Сирии.⁸⁷

За счет чего это стало возможно? Вскоре после получения Тунисом независимости в 1956 г. президент Х. Бургиба предпринял беспрецедентно смелые для арабского мира шаги по укреплению прав женщин. Он объявил полигамию вне закона и ограничил минимальный возраст для вступления девушек в брак 18 годами. Это стало основой для энергичных усилий по планированию семьи, нацеленных на то, чтобы под воздействием разнообразных стимулов родители ограничивались не более чем тремя детьми. Поддержка женского образования и создание рабочих мест для них в экспортной текстильной промышленности позволили снизить уровень фертильности с 7,1 в 1960 г. до 2,1 в 2000 г. В результате темп прироста населения в Тунисе в 2000-х годах опустился ниже 1% в год, в то время как в Египте и Иордании он находится на уровне 1,5–2% и около 2,5% в год соответственно. Наряду с более ранними и решительными экономическими реформами (о которых речь пойдет ниже) это позволило Тунису существенно оторваться от преследователей по темпам роста ВВП на душу населения. В 1987–97 гг. в Тунисе они достигали в среднем 2,5% в год, в Египте были несколько ниже (2,1% в год), а в Иордании – и вовсе отрицательными (-1,9%). В 1997–2007 гг. рост ВВП на душу населения существенно ускорился во всех трех странах, но пальма первенства все равно осталась за Тунисом: 3,9% в год по сравнению с 3% в год в Египте и 2,9% в год в Иордании.

⁸⁷ Рассчитано по: WDI Online Dataset за период 1961–2008 гг. Естественно, средняя величина темпов экономического роста за столь длительный период является достаточно условной и не всегда сопоставимой с аналогичными значениями в других странах. Однако экономики данных арабских государств развивались во многом синхронно и проходили через схожие этапы, поэтому сравнение здесь представляется оправданным.

Диаграмма 2.8.

**Темпы прироста населения
в Тунисе, Египте и Иордании в 1960–2000-е гг.**

Составлено по данным WDI Online Dataset.

Так же как в Иордании и Египте, в Тунисе был свой период увлечения планированием и командной экономикой. После того как Х. Бургиба разочаровался в способности частного и иностранного капитала провести индустриализацию (вместо создания новых предприятий потенциальные инвесторы предпочитали выводить деньги за рубеж), он начал резкий разворот к государственному регулированию экономики. В 1962 г. был принят первый трехлетний план развития, государство поставило под свой контроль большую часть не только внешней, но и внутренней оптовой и розничной торговли, было инициировано создание сельскохозяйственных кооперативов. Но самые амбициозные планы, конечно, были связаны с промышленностью. Предполагалось создать импортозамещающие производства, которые снизили бы зависимость страны от ввоза товаров из-за рубежа, и так распределить их по территории страны, чтобы обеспечить ее более равномерное развитие. В результате к 1969 г. госсектор насчитывал более восьмидесяти промышленных предприятий и обеспечивал почти 100% инвестиций в инфраструктуру и добывающую промышленность и от 70 до 90% – в различные отрасли обрабатывающей промышленности. Однако что показа-

тельно, тунисские власти при этом не пренебрегали частным сектором: к примеру, частный капитал владел 50% крупнейшего металлургического комплекса в Эль-Фулезе – ядра тунисской индустриализации. Государство поддерживало частных предпринимателей через налоговые каникулы, защиту внутренних рынков, льготные кредиты и доступ к инфраструктуре.⁸⁸

Все эти меры действительно обеспечили ускоренную индустриализацию, однако произошло это благодаря не столько обрабатывающей промышленности, сколько инфраструктурным и добывающим отраслям (в конце 1960-х гг. в Тунисе началось масштабное освоение нефтяных месторождений). Общий объем выпуска в промышленности в 1965–69 гг. увеличивался на 10% в год по сравнению с 4,3% в экономике в целом, но именно в обрабатывающем секторе он рос на мизерные 0,4% в год. Как следствие, удельный вес промышленности в ВВП за эти годы вырос с 22,7 до 28,2% ВВП (за счет снижения доли сельского хозяйства), однако доля обрабатывающей промышленности сжалась с 11,9 до 10,3% ВВП.⁸⁹ Политика импортзамещения, как это обычно бывает, привела не к сжатию импорта, а к замещению конечных потребительских товаров возросшим количеством промежуточных и капитальных. Как следствие, если в 1956–61 гг. тунисский экспорт покрывал 75% импорта, то в 1962–69 гг. – уже всего 57%. Кроме того, необоснованное увеличение зарплат привело к расширению бюджетного дефицита, а несколько засушливых лет подряд вкупе с шагами по коллективизации закончились сокращением сельскохозяйственного производства и недовольством населения. Под давлением всех этих факторов Бургиба в 1969 г. решил завершить «социалистический эксперимент», сместил с должности премьер-министра его идеолога Бен Салаха и назначил новое более либеральное правительство, которое выступало за сокращение роли государства в процессе индустриализации и дальнейшую интеграцию Туниса в мировую экономику. Таким образом, Тунис первым из всех стран региона попытался начать разворот к поддержке экспорта и привлечению иностранных инвестиций.

Помимо отмены самых непопулярных решений прошлого правительства, а также некоторого ослабления контроля над ценами и внешней торговлей, новый кабинет министров в 1972 г. принял

⁸⁸ Bellin E. Stalled Democracy: Capital, Labour and the Paradox of State-Sponsored Development. Ithaca, Cornell University Press, 2002. P. 21–22.

⁸⁹ Рассчитано в постоянных ценах 1990 г. по: WDI 2003 CD-Rom.

важнейший свод законов для стимулирования частных и иностранных инвестиций в экспортных отраслях, а в 1974 г. – аналогичный свод для компаний, работающих на внутреннем рынке. Согласно первому из них, компаниям предлагались щедрые налоговые льготы в зависимости от того, какая доля их продукции отправлялась на внешний рынок. Также они получали право на беспошлинный доступ к импортному сырью и оборудованию, а иностранные инвесторы – на свободную репатриацию полученных прибылей. Кроме того, были созданы несколько государственных агентств, которые обеспечивали предпринимателей информацией по потенциально прибыльным промышленным проектам, помогали получить под них землю по льготным ценам и предоставляли маркетинговую, инфраструктурную и логистическую поддержку для выхода на внешний рынок. Проект, который получал одобрение этих агентств, имел доступ к субсидируемым кредитам государственных банков. Работавшие на внутреннем рынке компании также оставались в выигрыше, поскольку от внешней конкуренции их защищали высокие тарифные барьера и квоты, а от внутренней – те же самые агентства, которые запрещали создание в отрасли новых предприятий, если считали ее уже «насыщенной». А учитывая небольшой размер тунисского рынка для «насыщения» зачастую считалось достаточным наличие одной или двух компаний данного профиля.⁹⁰ Высокая степень монопольной власти производителей компенсировалась тем, что цены на большинство товаров регулировались, и для каждой отрасли были установлены фиксированной нормы прибыли. Таким образом, экономическая политика тунисского правительства была очень далека от либеральной, а стимулирование экспорта достигалось за счет создания по сути двух различных экономик: одной открытой для внешнего торговли (так называемые, оффшорные производства) и другой, крайне защищенной, для внутреннего рынка.

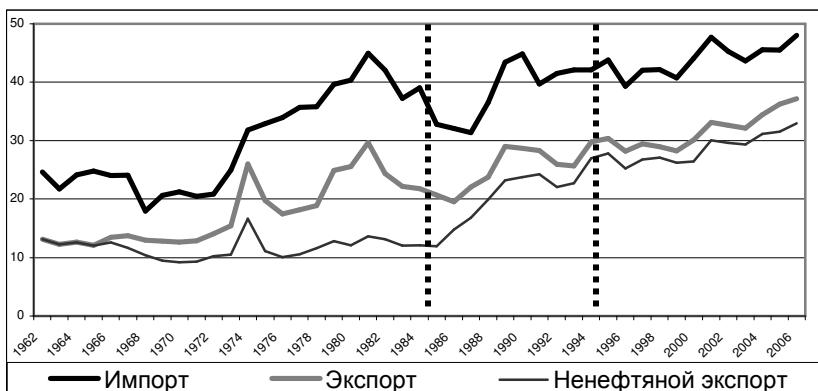
Новый курс дал ощутимые результаты: средний темп прироста ВВП за первые пять лет с его начала достиг 8,1% в год по сравнению с 5,4% за время «социалистического эксперимента» 1962–69 гг., а выпуск в обрабатывающей промышленности и вовсе ежегодно увеличивался на 17%. И это несмотря на сокращение нормы валового накопления с 24,6 до 22,5% ВВП в соответствии с планами нового правительства по ограничению госсектора. Была

⁹⁰ Bellin E. Stalled Democracy: Capital, Labour and the Paradox of State-Sponsored Development. Ithaca, Cornell University Press, 2002. P. 24–26.

с нуля создана целая экспортная отрасль с преобладанием частного капитала – текстильная промышленность, а всего экспорт даже без учета нефти и нефтепродуктов увеличился почти в 5 раз всего за 5 лет с 1969 по 1974 г.⁹¹ Однако с другой стороны (и это ярко свидетельствует о том, что случайность играет далеко не последнюю роль в экономическом развитии), ускорение роста ВВП в 1970–74 гг. по сравнению с 1962–69 гг. было почти на две трети связано с восстановительным ростом в сельском хозяйстве после продолжительной засухи.⁹² К той же самой категории случайностей можно отнести и тот факт, что ОПЕК взвинтила цены на нефть именно в 1973 г., придав мощнейший импульс развитию всех стран Ближнего Востока и Северной Африки и, в том числе, Тунису.

Диаграмма 2.9.

**Экспорт и импорт в экономике Туниса
в 1960–2000-х гг., % ВВП**

Примечание. Пунктирными линиями обозначены конец «нефтяного бума» и начало реформ (1985 г.), а также вступление в силу договора о свободной торговле с ЕС (1995 г.).

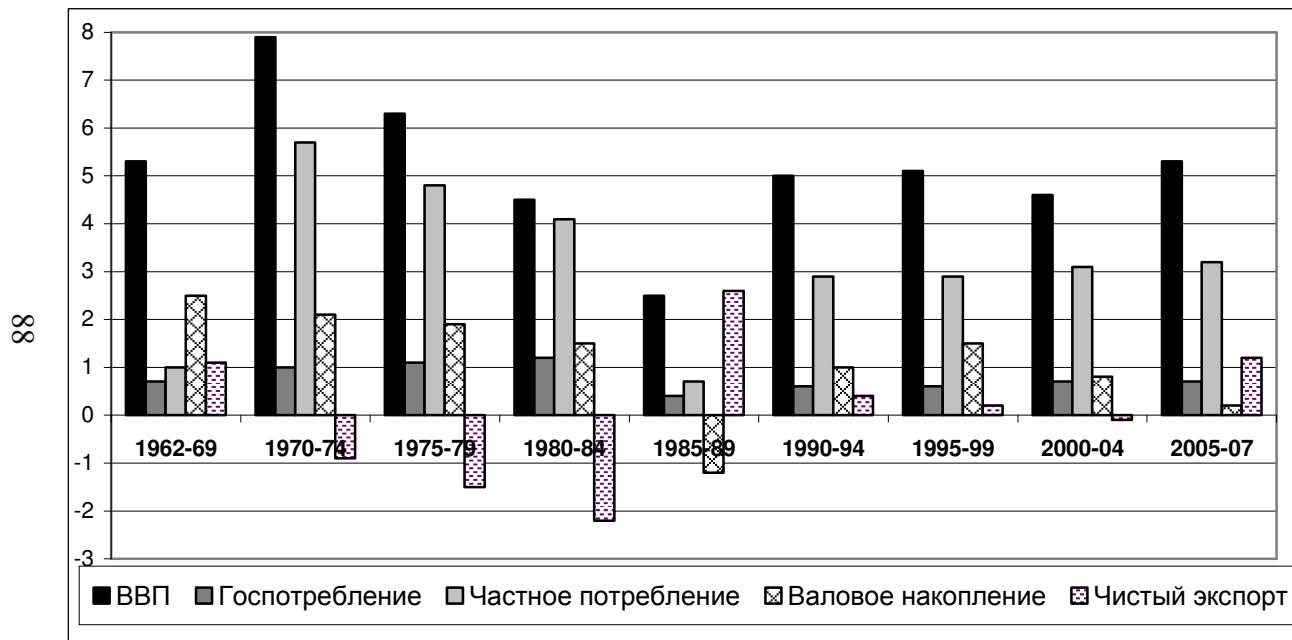
Рассчитано и составлено по: UNCTAD Handbook of Statistics Online (данные в текущих долларах).

⁹¹ Данные в текущих долларах: UNCTAD Handbook of Statistics Online Database.

⁹² Рассчитано в постоянных ценах 1990 года по данным WDI 2003 CD-Rom. Вообще, сельское хозяйство в 60–70-е годы составляло около 20–25% ВВП Туниса, и частые колебания выпуска в этой отрасли из-за наступления засух оказывали заметное влияние на темпы экономического роста.

Диаграмма 2.10.

Источники роста тунисской экономики в 1960–2000-х гг., проц.п.

Рассчитано и составлено по данным в национальной валюте в постоянных ценах 1990 года из WDI 2003 CD-Rom (до 2000 года), Tunisia National Institute of Statistics National Accounts (после 2000 года).

После успешного старта, поддержанного благоприятной внешней конъюнктурой, новая экономическая политика постепенно начинает терять свой эффект. Если исключить влияние резко подорожавших углеводородов, то курс Туниса на внешнюю ориентацию и развитие экспорта становится достаточно условным: удельный вес ненефтяного экспорта в ВВП к середине 80-х годов не изменился по сравнению с 60-ми годами, а рост доходов от вывоза нефти сопровождался опережающим расширением импорта (см. диаграмму 2.9). Тот же самый вывод подтверждается расчетами по потреблению ВВП Туниса: как это ни парадоксально, но в период классического импортозамещения в 1962–69 гг. вклад чистого экспорта в прирост ВВП был положительным, а после поворота к внешнему рынку стал отрицательным и все более значимым от периода к периоду (см. диаграмму 2.10). Ускорение роста произошло за счет скачка частного потребления, который объяснялся ростом зарплат в поддерживаемом нефтяными доходами госсекторе и расширением притока трансфертов из-за рубежа (в частности, от работающих в Европе тунисцев). Свою роль сыграла некоторая либерализация импорта, которая сделала домохозяйства более склонными к потреблению: норма сбережения в текущих ценах упала с 31,6% ВВП в 1962–69 гг. до 22,6% ВВП в 1970–74 гг.⁹³

Вторым важнейшим источником роста были инвестиции, поскольку правительство стало использовать свои резко возросшие нефтяные доходы для наращивания капиталовложений в госсекторе (именно благодаря ним норма валового накопления выросла до 30% ВВП). Однако эти масштабные инвестиции со временем начали терять свою эффективность, поскольку осуществлялись на основе решений чиновников и при минимальном контроле рисков со стороны банковской системы. Они также не сопровождались созданием конкурентоспособных продуктов и завоеванием внешних рынков (и это возможно самое главное, иначе страны Восточной Азии никогда бы не добились того, чего добились даже несмотря на кризис 1997 г.). В результате резкий рост нормы капиталовложений сопровождался замедлением темпов прироста ВВП (в 1970–74 гг. ВВП рос в среднем на 8,1% в год при инвестициях в 22,5% ВВП, в 1975–79 гг. – на 6,3%

⁹³ Рассчитано по: WDI Online Dataset. Безусловно, свой вклад в сокращение совокупных сбережений внесло и правительство, ослабившее бюджетную дисциплину из-за притока трансфертов и доходов от экспорта нефти.

в год при инвестициях 29,9% ВВП и в 1980–84 гг. – на 4,6% в год при инвестициях 32,6% ВВП). Параллельно с этим рос дефицит торгового баланса, счета текущих операций и государственного бюджета, а нестрогая монетарная и фискальная политика привела к ускорению инфляции.

Таблица 2.9.

**Дисбалансы в экономическом развитии Туниса
в 1970–80-х гг.**

	1962–69	1970–74	1975–79	1980–84
Темп прироста ВВП	5,4	8,1	6,3	4,6
Норма валового накопления, % ВВП	24,6	22,5	29,9	32,6
Дефицит торгового баланса, % ВВП	-9,8	-7,6	-15,8	-16,0
Дефицит счета текущих операций			-7,9	-6,7
Внешний долг, % ВВП		35,1	38,8	45,5
Дефицит бюджета с грантами, % ВВП		-1,1	-3,9	-4,8
Инфляция (прирост дефлятора ВВП)	2,7	9,6	6,9	12,0

Примечание. Из-за нехватки данных значение дефицита счета текущих операций рассчитано за 1976–79 гг., а дефицита бюджета – за 1972–74 гг.

Рассчитано и составлено по: The World Bank WDI Online Dataset (темперы прироста ВВП, нормы валового накопления, дефлятор ВВП, внешний долг и дефицит бюджета), UNCTAD Handbook of Statistics Online (данные по сальдо торгового баланса и счету текущих операций в текущих долларах).

Как это обычно бывает, заполучить подобные дисбалансы при благоприятной конъюнктуре оказалось намного проще, чем сократить их, когда внешние условия ухудшились. По мере падения цен на нефть Тунис был вынужден прибегнуть к внешним займам для финансирования внешних и внутренних дефицитов. Кульминация наступила в 1986 г., когда суровая засуха, резкое падение цен на нефть и сокращение поступлений от туризма и переводов от трудовых мигрантов привели к падению ВВП на 1,4% и истощению валютных резервов. Чтобы предотвратить худшее, тунисское руководство обратилось за помощью к МВФ и приняло программу макроэкономической стабилизации и структурных реформ. Таким образом, несмотря на то что стартовые

условия у Туниса были куда более благоприятными, чем у крайне зависимой от внешних ресурсов Иордании, а экономическая политика – более сбалансированной и прагматичной, чем в Египте, и несмотря на беспрецедентные для региона попытки тунисского руководства поставить страну на рельсы экспортно-ориентированного развития, все эти три государства сильнейшим образом пострадали от падения цен на нефть и оказались на грани валютно-финансового кризиса. Безусловно, «нефтяной бум» поначалу придал мощный импульс тунисской экономике, но в то же время он не способствовал усилиям по ее диверсификации и углублению международной специализации за пределами нефтегазового сектора. А ведь это могло бы сделать развитие Туниса более стабильным, хотя возможно и не столь динамичным.

Спустя всего три месяца после того, как Тунис принял программу стабилизации и структурных реформ, в стране произошел переворот, в результате которого к власти пришел бывший министр внутренних дел Зина аль-Абедин Бен Али. Тридцатилетняя эпоха правления Бургибы закончилась, но новые лидеры не пытались пересмотреть экономическую политику своего предшественника и, в частности, курс на рыночные реформы. Как отметила М.Ф. Видясова, «дебургибизация» при Бен Али не зашла так далеко, как «денасеризация» в Египте – после смерти Насера, при его преемнике Анваре Садате, который поменял и внешнеполитический курс, и экономическую политику, подведя законодательную базу под программу, известную как политика «открытых дверей». Свой *инфитах* Тунис уже совершил, и вполне успешно ...в 70-е годы...».⁹⁴ Судя по всему, в тунисской элите сложился прочный консенсус насчет необходимости перемен, а наличие класса предпринимателей из оффшорного промышленного сектора, заинтересованных в открытии экономики внешнему рынку, разбило возможную анти-реформенную коалицию в лице бизнеса и профсоюзов. Все это создало благоприятные условия для проведения жестких и по определению непопулярных мер макроэкономической стабилизации.

В сфере государственных финансов усилия были сосредоточены на снижении госрасходов, и так же как в Египте и Иордании сокращению в первую очередь подверглись расходы на ин-

⁹⁴ Видясова М.Ф. Джихад без войны. Тунисский опыт модернизации и политическое наследие Хабиба Бургибы (1903–2000). Том I, книга 2. М., 2005. С. 419.

вестиционные цели: они снизились с 13,1% ВВП в 1984–86 гг. до 9,1% ВВП в 1987–89 гг. Однако положительным знаком было то, что уровень инвестиционных расходов самого правительства, за счет которых в частности финансируется создание инфраструктуры, был сокращен не так сильно (с 4,3 до 3,7% ВВП), как капитальные трансферты и субсидии предприятиям госсектора (с 4,5 до 2,3% ВВП). Текущие расходы напротив были снижены незначительно (с 25,2 до 24,3% ВВП), причем наибольшему сокращению также подверглись трансферты и субсидии предприятиям госсектора (с 5,9 до 4,6% ВВП), в то время как трансферты и субсидии населению, а также объем зарплаты госслужащим сокращены не были. В результате этих мер дефицит бюджета снизился с 5,7 до 3,6% ВВП, хотя коррекция могла бы быть гораздо сильнее, если бы не сокращение налоговых доходов из-за замедления экономики (с 23,1% до 20,6% ВВП).⁹⁵

Ключевым шагом для урегулирования проблем с платежным балансом Туниса стала резкая девальвация динара: его эффективный обменный курс в реальных значениях снизился в 1986 и 1987 гг. на 14,5% и 14% соответственно. Благодаря этому, а также благодаря наконец-то приостановившемуся падению цен на нефть (в 1984–86 гг. индекс бартерных условий торговли сокращался на 6,1% в год, а в 1987–89 гг. – уже рос на 1% ежегодно) начал быстро увеличиваться экспорт: его удельный вес в ВВП вырос с 31,5% ВВП в 1984–86 гг. до 40% ВВП 1987–89 гг. Импорт при этом не сократился, как можно было бы ожидать при девальвации валюты и сокращении внутреннего спроса, но и вырос не сильно (с 39,5% ВВП до 42% ВВП), что позволило на какое-то время практически аннулировать дефицит счета текущих операций (7,6% ВВП в 1984–86 гг. и всего 0,2% ВВП в 1987–89 гг.).⁹⁶ Именно благодаря экспорту ВВП Туниса в этот переходный период не сократился и даже показал небольшой рост: в среднем на 2,5% в год в 1985–89 гг. – хотя внутренний спрос снизился из-за обвала инвестиций (см. диаграмму 2.10). Что касается влияния кризисных явлений и стабилизационных мер на уровень жизни населения, то объем потребления домохозяйств в 1980–84 гг. продолжил расти, хотя и

⁹⁵ World Bank MENA Economic Studies, Republic of Tunisia: Towards the 21st Century, 1995. P. 74.

⁹⁶ World Bank MENA Economic Studies, Republic of Tunisia: Towards the 21st Century, 1995. P. 73.

очень медленно – на 1,1% в год, что предполагало некоторое снижение или в лучшем случае стагнацию этого показателя в расчете на душу населения. Замедление не было долгим: экономическая активность в реальном секторе полностью восстановилась уже в начале 90-х годов, когда темпы прироста ВВП вернулись на уровень 5% в год за счет расширения инвестиций и частного потребления. Темпы прироста экспорта несколько снизились по сравнению с предыдущим периодом (видимо, истек эффект девальвации динара), а импорт напротив заметно подрос под воздействием оживившегося внутреннего спроса. В результате вклад чистого экспорта в прирост ВВП в первой половине 90-х годов снизился до чисто символических 0,4 проц.п.

Важнейшей задачей структурных преобразований в Тунисе было сократить крайне затратную систему стимулов для предприятий государственного и частного сектора (к 1984–86 гг. она обходилась бюджету по меньшей мере в 10% ВВП в год) и вообще снизить прямое и косвенное вмешательство в экономику, а также уменьшить торговые барьеры и тем самым повысить эффективность предприятий, работающих на внутреннем рынке. Какие именно шаги были предприняты в этом направлении? К середине 90-х годов государство отменило обязательное лицензирование новых проектов в большинстве отраслей, равно как и большую часть финансовых стимулов наподобие субсидирования процентных ставок по кредитам. Регулирование цен стало все более редким явлением: в 1994 г. оно применялось по отношению лишь к 13% всех промышленных и сельскохозяйственных товаров на стадии производства и менее чем к 30% из них – на стадии дистрибуции.⁹⁷ Как мы показали выше, тунисское правительство резко сократило объем средств, выделяемых на поддержку госсектора, и запустило, хотя и весьма ограниченную, программу приватизации. В результате доля госсектора в добавленной стоимости снизилась с 48% в 1985 г. до 42% в 1993 г.⁹⁸ В банковской сфере была проведена либе-

⁹⁷ World Bank MENA Economic Studies, Republic of Tunisia: Towards the 21st Century, 1995. P. 40–41.

⁹⁸ Почти половина всех приватизируемых объектов относилась к индустрии туризма, следом шло машиностроение и химическая промышленность (21%) и переработка сельскохозяйственного сырья (10%). Republic of Tunisia: Towards the 21st Century, World Bank Middle East and North Africa Economic Studies, 1995. P. 17.

рализация процентных ставок, которые долгое время поддерживались государством в отрицательных реальных значениях, что повышало спрос на кредиты, но дестимулировало сбережения населения.⁹⁹

В рамках заявленного курса на интеграцию в мировую экономику Тунис отменил большинство количественных ограничений импорта. Хотя уровень таможенных пошлин остался достаточно высоким,¹⁰⁰ однако их реально взимаемый объем не превышал 10% стоимости импорта, поскольку «оффшорные» компании пользовались правом беспошлинного ввоза сырья и оборудования. Именно оффшорные экспортные отрасли смягчили для Туниса последствия обвала цен на нефть в середине 80-х годов. С этого времени в тунисском экспорте начала быстро расти доля готовых промышленных изделий, прежде всего, текстиля и кожи: к 1995 г. на них приходилась половина всех экспортных поступлений, в то время как на долю фосфатов и нефтепродуктов вместе приходилось менее 20%.¹⁰¹ Причем несмотря на то, что оффшорные компании зачастую импортировали большую часть сырья и полуфабрикатов, уровень достаточности товарного экспорта для финансирования импорта неуклонно рос и увеличился с 60% в середине 80-х годов до 70% в середине 90-х годов (см. диаграмму 2.11). Оставшийся дефицит на две трети финансировался за счет экспорта услуг (в первую очередь, поступлений от туризма) и прямых иностранных инвестиций.¹⁰²

⁹⁹ Контроль государства выражался еще и в том, что оно обязывало банки кредитовать приоритетные отрасли экономики, а также иметь в своем в кредитном портфеле не меньше определенной доли средне- и долгосрочных заемов.

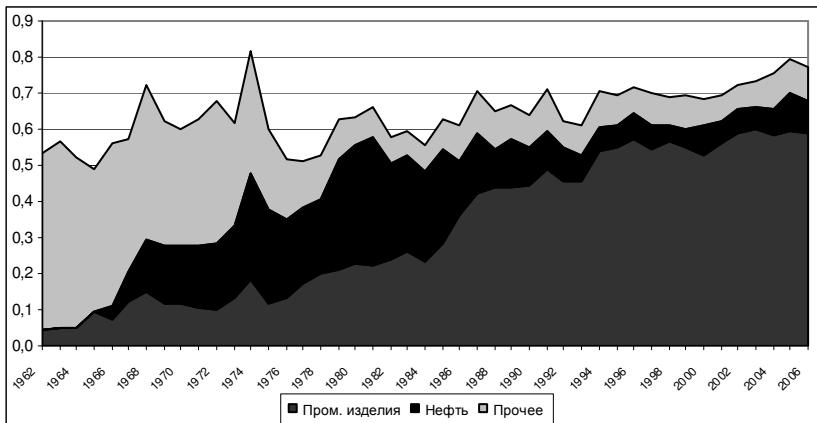
¹⁰⁰ По оценкам ГАТТ, средняя невзвешенная ставка тарифа в Тунисе в 1994 г. составляла 33% при разбросе значений от 0 до 73% по сравнению с 36% и разбросом 5–236% в 1981–86 гг., World Bank MENA Economic Studies, Republic of Tunisia: Towards the 21st Century, 1995. P. 33–34.

¹⁰¹ Bellin E. Stalled Democracy: Capital, Labour and the Paradox of State-Sponsored Development. Ithaca, Cornell University Press, 2002. P. 41. Другими важными статьями экспорта были металлические изделия, электроприборы, продукция машиностроения и стройматериалы (в совокупности 13,8%) и различная химическая продукция (7,6%).

¹⁰² Рассчитано по данным за 1991–95 гг.: WDI 2003 CD-Rom, UNCTAD Handbook of Statistics Online. В отличие от Египта и Иордании, в Тунисе текущие трансферты не играли большой роли в финансировании внешнеторгового дефицита, поскольку полностью нивелировались оттоком факторных доходов.

Диаграмма 2.11.

**Тунисский экспорт по отношению к импорту,
товарная структура**

Примечание. Все значения взяты в долях по отношению к величине импорта.

Рассчитано и составлено по данным в текущих долларах из WDI 2003 CD-Rom (до 2000 года), UNCTAD Handbook of Trade Statistics Online (после 2000 года).

В 1995 г. Тунис сделал еще один важнейший шаг на пути рыночных реформ, став первой страной Южного Средиземноморья, подписавшей договор об ассоциативном членстве в ЕС. Это предполагало создание зоны свободной торговли, и Тунис сумел выторговать весьма благоприятные условия для интеграции со своим крупнейшим торговым партнером, на которого приходилось порядка трех четвертей экспорта и импорта страны. Во-первых, соглашение касалось только промышленных товаров, а переговоры по открытию сельского хозяйства и услуг были перенесены на неопределенный срок. Во-вторых, тунисские промтовары сразу же получили право на беспошлинный доступ на рынки ЕС (льготным доступом они пользовались начиная еще с 1976 г.), в то время как Тунису был дан двенадцатилетний переходный период, в течение которого он сначала обнулил пошлины на ввоз капитальных товаров, потом – на сырье и полуфабрикаты, и только с 2000 г. – на готовые товары. Благодаря этому тунисские компании, работающие в открытых

для внешней конкуренции секторах экономики, получили время для того, чтобы повысить свою эффективность и производительность, перед тем как столкнуться с подешевевшим импортом из стран ЕС. Помочь им в этом должна была финансируемая совместно ЕС и тунисским правительством программа технологического обновления. Целью данного проекта, осуществление которого началось в 1996 г., было укрепить организационные, технологические и маркетинговые возможности тунисских фирм через инвестиции в новое оборудование, подготовку персонала, приобретение лицензий, финансовую реструктуризацию, маркетинг и повышение качества продукции. По оценкам Центрального банка Туниса, свыше 3,9 тыс. промышленных компаний успели поучаствовать в этой программе до полной отмены пошлины на промтовары из стран ЕС, что составляет 85% от всех компаний в данном секторе с 20 и более занятыми.¹⁰³ И это была далеко не единственная программа в своем роде.

Тунисское правительство не ограничивалось мерами по повышению конкурентоспособности экономики в целом, но специально занималось развитием отдельных отраслей. Причем делало это не всегда рыночными методами (в частности, через давление на иностранных инвесторов), но судя по всему не в ущерб эффективности экономики. Как самый яркий пример, в 1995 г. тунисские власти договорились с европейскими автомобильными концернами о том, что вместо простой сборки своих легковых моделей в Тунисе они будут ввозить готовые автомобили, но с тем условием, что определенная часть узлов и компонентов будет производится внутри страны. И это сработало: французские, итальянские и германские производители начали сотрудничать с тунисскими фирмами, что привело к притоку прямых иностранных инвестиций и современных технологий. Таким образом, государство дало мощный толчок развитию целой индустрии, которая, конечно, существовала и раньше, но вряд ли смогла бы достичь требуемого уровня эффективности, работая за высокими таможенными барьерами на очень ограниченном внутреннем рынке. В итоге, если в 90-х годах 60% всех иностранных инвестиций в обрабатывающую промышленность шли в текстильную отрасль, а в машиностроение и электротехническую отрасль (mechanical and electrical

¹⁰³ Central Bank of Tunisia Annual Report 2007. P. 58.

engineering) – только 12%, то в 2001–06 гг. соотношение стало 24% и 31% соответственно.¹⁰⁴ Начиная с 1997 г., стоимость поставок данной отрасли за рубеж стала расти двузначными цифрами, а ее доля в национальном экспорте увеличилась с 9,5% в 1995 году до 26% в 2008 г., превысив долю текстильной промышленности.

Однако помимо этого примера, свидетельствующего о выгодности интеграции в мировой рынок и производственные цепочки крупнейших ТНК, как повлияла на тунисскую экономику ее возросшая открытость для развитых стран ЕС? Сразу можно отметить, что это не привело к лавинообразному росту импорта европейских товаров, как могли бы предположить «торговые пессимисты». Или, по крайней мере, не к такому росту, который не был бы компенсирован увеличением экспорта, причем экспорта преимущественно промышленных товаров на те же развитые европейские рынки. Доказательство тому – величина внешнеторгового дефицита, которая, даже если не учитывать услуги, имела тенденцию к снижению: 14,4% ВВП в 1990–94 гг., 12,6% ВВП в 1995–99 гг., 12,8% ВВП в 2000–04 гг. и 10,8% ВВП в 2005–07 гг.¹⁰⁵ А благодаря экспорту услуг счет текущих операций был достаточно устойчивым по меркам не только развивающихся, но и развитых стран: в 1995–99 гг. дефицит составлял 3,1% ВВП, в 2000–04 гг. – 3,4% ВВП, а в 2005–07 гг. – всего 1,9% ВВП. И только в 2008 году из-за высочайших мировых цен на сырье дефицит расширился до 4,2% ВВП.¹⁰⁶ Минимум две трети недостающего финансирования обеспечивали прямые иностранные инвестиции: их приток в 1990–94 гг. достигал 2,3% ВВП, в 1995–99 гг. – 1,9% ВВП, в 2000–04 гг. – 2,9% ВВП, а в 2005–08 гг. – уже 5,9% ВВП. Таким образом, растущая открытость тунисской экономики сопровождалась укреплением ее внешнеэкономических позиций, равно как и баланса сбережений и инвестиций. В последние годы за счет национальных сбережений в Тунисе устойчиво финансируется не менее 85% валового накопления, чему способствует низкий дефицит бюджета,

¹⁰⁴ World Bank Social and Economic Development Sector Unit Middle East and North Africa Region, Tunisia's Global Integration: Second Generation of Reforms to Boost Growth and Employment, 2008. P. 20.

¹⁰⁵ Рассчитано по данным в текущих долларах: UNCTAD Handbook of Statistics Online.

¹⁰⁶ Central Bank of Tunisia Annual Report 2008. P. 140.

поскольку государству не приходится отвлекать для его финансирования сбережения частного сектора. В 2006–08 гг. дефицит бюджета в Тунисе без учета доходов от приватизации и грантов не превышал 3% ВВП.¹⁰⁷

Достаточно высокая диверсификация экспорта товаров и услуг помогла Тунису избежать проблем с платежным балансом даже в разгар мирового экономического кризиса. В 2009 г. дефицит счета текущих операций сократился и составил 1666 млн. тун. дин. по сравнению с 2109 млн. дин. годом ранее. Это произошло благодаря увеличению положительного сальдо торговли услугами (доходы от туризма увеличились, хотя и гораздо меньше, чем в предыдущие годы) и заметному сокращению оттока факторных доходов (главным образом, уменьшился объем выведенной за границу прибыли от прямых иностранных инвестиций – с 2412 млн. дин. до 2144 млн. дин.). Что касается самого торгового баланса, то он существенно не изменился, потому что сокращение импорта было пропорционально снижению экспорта. Причем экспорт продукции обрабатывающей промышленности сократился слабее, чем экспорт продукции добывающей промышленности (нефть и газ, фосфаты), а среди самих готовых изделий объем вывоза менее технологичных текстильных изделий упал сильнее, чем электротехнического оборудования и других изделий машиностроения. Приток прямых иностранных инвестиций в Тунис достаточно сильно снизился (с 3404 млн. дин. в 2008 г. до 2287 млн. дин. в 2009 г.), но не опустился ниже уровня 2007 г. В то же время приток прочих инвестиций увеличился более чем вдвое (с 769 млн. дин. до 1619 млн. дин.), во многом компенсировав сокращение остальных иностранных капиталовложений. В результате золотовалютные резервы Туниса в 2009 г. увеличились даже сильнее, чем в 2008 г.: на 2204 млн. дин. по сравнению с 2053 млн. дин. годом ранее.¹⁰⁸

После подписания с ЕС соглашения о свободной торговле темп прироста ВВП Туниса держался в пределах 4,5–5,5% – уровень, который можно охарактеризовать как нормальный и устойчивый для тунисской экономики (больше было только во время «нефтяного бума», но за этим последовал сильный

¹⁰⁷ Central Bank of Tunisia Annual Report 2008. P. 175.

¹⁰⁸ Balance des payments de la Tunisie 2009. Central Bank of Tunisia, September 2010.

спад во второй половине 80-х годов).¹⁰⁹ Однако картина экономического роста с точки зрения вклада отдельных секторов существенно изменилась, и в первую очередь возросла роль сферы услуг. Начиная с 1990 г. выпуск в этом секторе рос существенно быстрее, чем в экономике в целом, а его вклад в прирост ВВП вырос с 49% в 1995–99 гг. до 59% в 2000–04 гг. и 70% в 2005–07 гг. (см. табл. 2.10). В результате доля сферы услуг в ВВП Туниса выросла с 49% в 1990 г. до 57% в 2007 г., причем ключевую роль в этом процессе сыграли всего две отрасли: транспорт и телекоммуникации.¹¹⁰ Тунисское правительство действительно делает ставку на развитие транспортной инфраструктуры и телекоммуникационных технологий, чтобы повысить конкурентоспособность национальной экономики и ее интеграцию в мировую торговлю.¹¹¹

Ситуация в обрабатывающей промышленности – по своей природе наиболее открытой для внешней конкуренции – была не столь благоприятной. Прирост выпуска в этом секторе отставал от среднего по экономике и снижался с 6% в год в 1991–94 гг. до 4,9% в 1995–99 гг. и 4,1% после 2000 г. Как следствие, его удельный вес в экономике Туниса упал с 21% ВВП в 1995 г. до 19% ВВП в 2007 г. Специфика процессов,

¹⁰⁹ Создаваемых при этом рабочих мест хотя и достаточно, чтобы не допустить роста безработицы, но не для того, чтобы добиться существенного ее снижения: в 2008 году доля безработных в рабочей силе достигала 14%.

¹¹⁰ Рассчитано в факторных ценах 1990 г. по данным о ВВП: Tunisia National Institute of Statistics National Accounts.

¹¹¹ Так называемая сервисизация экономики является характерной чертой постиндустриальной стадии, в которую уже давно вступили развитые страны, а также ряд стран некогда известных как развивающиеся. Информационные технологии играют все большую роль в таких экономиках, способствуя повышению производительности труда, создавая новые продукты и цепные рынки. Однако достиг ли Тунис той стадии развития, когда услуги могут стать единственным и достаточным двигателем экономического развития, повышения производительности труда и, в конце концов, борьбы с безработицей? Если сравнить его с другими странами, то окажется, что удельный вес сферы услуг в тунисской экономике сравним с показателем по Турции (62 и 63% ВВП в 2007 г.), хотя доход в ППС на душу населения в Турции почти в два раза выше (7130 против 12090 долл.). Что касается стран Юго-Восточной Азии, которые совершили свой рывок, в первую очередь, благодаря промышленности, то доля сферы услуг в их экономике намного ниже: в Таиланде при доходе на душу населения 7880 долл. она составляет всего 45% ВВП. World Development Report 2009 Selected Indicators, World Bank. Доля сферы услуг в ВВП дана в текущих ценах.

происходивших в тунисской обрабатывающей промышленности в этот период, определялась тем, что она в очень большой степени ориентирована на внешний рынок. Две ее крупнейшие отрасли – текстильная и именуемая в тунисской статистике «машиностроительными и электротехническими производствами» («mechanical and electrical industries»)¹¹² – работают преимущественно на экспорт. Однако если первая из них в последнее время явно угасает, то вторая (в частности экспорт деталей для автомобиле- и самолетостроения) превратилась в один из локомотивов тунисской экономики. Темпы прироста выпуска в этом секторе только росли, а после 2005 года и во все достигли двузначных значений. В результате его вклад в прирост ВВП в 2005–07 гг. составил целых 0,5 проц.п., или более 2/3 вклада всей обрабатывающей промышленности и около 2/5 вклада всего индустриального сектора (правда, по последним данным эта отрасль уже в 2008 г. сильно пострадала от мирового экономического кризиса).

В случае с текстильной промышленностью напротив можно говорить о том, что она самым очевидным образом проигрывает борьбу за высококонкурентный европейский рынок. И это несмотря на выгодное географическое положение Туниса, которое снижает сроки и стоимость доставки. Рост выпуска в текстильной и кожевенной промышленности неуклонно замедлялся: с 7,8% в год в 1991–94 гг. до 4,9% в 1995–99 гг., 2,8% в 2000–04 гг. и -0,7% в 2005–07 гг. Особенно сильно Тунис пострадал от отмены в 2005 г. выделяемых отдельным странам квот на экспорт текстиля в страны ЕС.¹¹³ Приток более дешевых изделий из Китая и Южной Азии привел к общему снижению цен и падению рыночной доли тунисской продукции. Как следствие, выпуск большинства видов текстильных изделий в Тунисе стагнирует или снижается (например, выпуск готовой одежды снизился с 206 млн. единиц в 2004 г. до 168 млн. в 2008 г.).

¹¹² В начале 90-х годов доля этих двух отраслей в выпуске обрабатывающей промышленности составляла 45–46%, к настоящему времени она выросла до 47–48%.

¹¹³ Соглашение по изделиям из различных видов волокон (Multi-Fiber Arrangement) также известное как Соглашение по текстилю и одежде (Agreement on Textile and Clothing) действовало с 1974 г. по 2004 г. и устанавливало квоты на экспорт текстиля и одежды из развивающихся стран в развитые.

Таблица 2.10.

**Отраслевая структура прироста ВВП
в Тунисе в 1990–2000-х гг.**

	1991–94		1995–99		2000–04		2005–07	
	I	II	I	II	I	II	I	II
Сельское хозяйство	0,7	0,1	5,7	1,1	3,2	0,6	-0,3	0,0
Обрабатывающая промышленность	6,0	1,0	4,9	0,8	4,1	0,6	4,1	0,7
Переработка с.х. сырья и пищевая пром.-ть	1,9	0,1	5,0	0,2	3,7	0,1	2,9	0,1
Производство стройматериалов	4,1	0,1	3,3	0,0	5,2	0,1	2,4	0,0
Машиностр. и электротехн. производства	4,4	0,1	5,4	0,1	7,5	0,2	14,2	0,5
Химическая промышленность	14,0	0,2	5,0	0,1	2,9	0,0	1,1	0,0
Текстильная и кожевенная промышленность	7,8	0,4	4,9	0,2	2,8	0,1	-0,7	0,0
Необрабатывающая промышленность	3,1	0,4	3,9	0,5	2,8	0,3	5,2	0,6
Добыча рудных ископаемых	-2,8	0,0	9,5	0,1	-3,3	0,0	2,0	0,0
Добыча и переработка нефти и газа	-0,5	0,0	1,6	0,1	0,2	0,1	6,7	0,2
Электроэнергетика	5,0	0,1	6,7	0,1	4,9	0,1	4,1	0,1
Строительство и проектировка	8,2	0,4	4,3	0,2	5,3	0,2	4,9	0,2
Промышленность	4,7	1,4	4,5	1,3	3,6	1,0	4,5	1,3
Услуги	4,8	2,1	5,6	2,3	5,8	2,7	7,5	3,7
Торговля	3,2	0,3	5,3	0,4	6,2	0,6	4,9	0,5
Транспорт и связь	6,0	0,4	9,2	0,7	12,3	1,4	12,3	1,4
Отели, кафе и рестораны	4,3	0,2	5,4	0,3	3,2	0,2	3,2	0,2
Финансовые институты	9,5	0,4	8,9	0,4	7,1	0,4	7,1	0,4
Госуправление	5,1	0,7	4,4	0,6	4,6	0,6	4,6	0,6
Вся добавленная стоимость	4,1	3,6	5,3	4,7	4,7	4,2	5,5	4,9
Косвенные налоги минус субсидии	5,7	0,7	4,3	0,5	3,8	0,3	3,4	0,4
ВВП в рыночных ценах	4,2	4,2	5,1	5,1	4,6	4,6	5,3	5,3

Значения в колонке I – темп прироста выпуска в отрасли, II – ее вклад в прирост ВВП в процентных пунктах.

Рассчитано и составлено по: Tunisia National Institute of Statistics National Accounts (данные в национальной валюте в постоянных ценах 1990 г.).

Не лучшим образом обстоит дело с еще одной не столь крупной, но тоже ориентированной на экспорт отраслью – химической промышленностью. Однако в данном случае резкое сокращение темпов прироста выпуска в большой степени объясняется нестабильностью цен на мировом рынке (экспортная номенклатура ограничена достаточно узким кругом продуктов

переработки фосфатов). Что касается тех отраслей, которые должны были самым непосредственным образом испытать на себе воздействие отмены пошлин на промышленные товары из стран ЕС и в частности пищевой промышленности, переработки сельскохозяйственного сырья и в некоторой степени производства стройматериалов, то в 1990–2000-х гг. они показывали противоречивую динамику. Хотя возможно наметились признаки некоторого спада после 2005 г., когда были обнулены пошлины на готовые потребительские товары.

Динамика выпуска в сельском хозяйстве в 1990–2000-х гг. была очень нестабильной из-за погодных факторов, но в целом значение этого сектора в экономике Туниса снижалось: если в начале 90-х годов его удельный вес составлял 17–19% ВВП, то во второй половине 2000-х годов – уже 12–13% ВВП. Торговая интеграция с ЕС пока в меньшей степени влияет на такую чувствительную отрасль как сельское хозяйство (по крайней мере, речи о полной отмене пошлин на импорт европейского продовольствия еще не идет), однако тунисское правительство уже принимает активные меры для повышения эффективности национальных компаний – наподобие тех, которые ранее использовались в промышленности. Наконец, вклад добывающей промышленности в прирост тунисского ВВП был сравнительно невелик за исключением 2005–07 гг., когда благодаря введению в эксплуатацию новых месторождений после многолетней стагнации резко вырос объем добычи нефти. В 2007 г. Тунис впервые за 14 лет стал чистым экспортером углеводородов (отношение экспорта к импорту выросло с 70,6% в 2006 г. до 104,5% в 2007 г.), правда, уже в следующем году он вновь импортировал нефти и газа больше, чем экспорттировал.¹¹⁴

Итак, курс на внешнеэкономическую открытость и интеграцию в европейский рынок не привел к замедлению темпов развития тунисской экономики, хотя ей приходится выдерживать растущую конкуренцию с более инновационной и качественной продукцией из стран ЕС, с одной стороны, и более дешевыми изделиями из Китая и иных азиатских стран – с другой. Однако настораживает то, что под воздействием целого комплекса факторов экономическая активность смещается в так называемые неторгуемые, сравнительно более защищенные от внешней конкуренции отрасли экономики и, в первую очередь, сферу услуг.

¹¹⁴ Central Bank of Tunisia Annual Report 2007. P. 62.

В то же время роль обрабатывающей промышленности как одного из локомотивов экономического роста в целом ослабевает, причем в силу особенностей тунисской экономики происходит это не столько из-за того, что европейские компании завоевывают внутренний рынок, сколько потому, что не все экспортные отрасли одинаково хорошо выдерживают конкурентную борьбу на европейском рынке. Самый яркий пример здесь – текстильная промышленность, с которой некогда были связаны первые успехи тунисского экспортного курса.

Вместе с тем, налицо успешный опыт интеграции тунисских компаний в производственные цепочки европейских автомобильных и авиастроительных концернов. Как представляется, именно посильное участие в производстве все более инновационной и наукоемкой продукции позволит Тунису получить столь необходимые для экономической модернизации технологии, знания и опыт.¹¹⁵ Этот путь очень непростой хотя бы потому, что на ту же роль претендуют новые члены ЕС из Восточной Европы, а страны Южного Средиземноморья наподобие Египта и Марокко пытаются повторить успешный опыт Туниса и активизируют шаги по интеграции в европейское торговое пространство. Если рассматривать эту ситуацию с точки зрения экономических реформ, то от тунисского государства требуется сконцентрировать усилия на улучшении инвестиционного климата, развитии человеческого капитала и поощрении инноваций. То, что Тунису удалось за годы либеральных реформ создать достаточно рыночную и конкурентную экономическую среду – это его несомненное достижение, но для решения по-настоящему амбициозных целей развития на нынешнем этапе нужно сделать еще больше.

¹¹⁵ Также это позволяет иметь сравнительно устойчивый торговый баланс, чтобы оплачивать необходимый для любой модернизации импорт капитальных и промежуточных товаров, особенно если у страны, как у Туниса, нет больших запасов нефти и газа, или щедрого притока трансфертов.

ГЛАВА 3. ВЛИЯНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЛИБЕРАЛИЗАЦИИ НА ТЕМПЫ И ФАКТОРЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

3.1. Рыночные реформы и экономический рост на фоне колебаний конъюнктуры

Вопрос о влиянии реформ на экономическое развитие очень непростой, и рассматривать его можно с различных точек зрения. Например, можно сконцентрироваться на том, как распределяются выгоды от реформ и улучшают ли они положение тех, кто больше всего в этом нуждается – бедных. Или проанализировать, стали ли темпы экономического роста после реформ сопоставимы с показателями наиболее успешных стран и предпочтительнее, чем в странах, где реформы и не начинались. Наконец, можно задаться вопросом, соответствуют ли результаты реформ первоначальным ожиданиям или нет. Этот раздел построен так, чтобы в минимальной степени прибегать к международным и даже внутрирегиональным сопоставлениям, поскольку отделить собственно эффект реформ от влияния фундаментальных факторов роста очень трудно, тем более, если это касается различных стран.¹¹⁶ Ведь эти факторы могут укрепиться в результате реформ, а могут, напротив, сделать сами реформы более эффективными, будучи в одной стране изначально лучше, чем в другой. Поэтому целесообразно ограничиться сравнением динамики экономического развития Египта, Иордании и Туниса до и после реформ, а также исследованием того, как повлиял поворот к рынку на факторы их долгосрочного экономического роста, попытавшись при этом максимально учесть специфику каждой из рассматриваемых стран.

Ответ на поставленные вопросы во многом зависит от выбранной периодизации. Если рассматривать по отдельности сверхблагополучные 1974–85 гг., последовавший за этим период перелома внешнеэкономической конъюнктуры и период рыночных преобразований, то получится, что реформы имели большой

¹¹⁶ Имеются ввиду например такие факторы, как норма сбережений и инвестиций, человеческий капитал и институты.

положительный эффект, поскольку помогли рассматриваемым странам выйти из спада второй половины 80-х годов (так обычно поступает МВФ, чтобы обосновать необходимость реформ). Однако, возможно, правильнее объединить период «нефтяного бума» с последовавшим за ним периодом спада, поскольку те сложности, с которыми столкнулись Египет, Иордания и Тунис, были обусловлены их же собственной экспансионистской фискальной и инвестиционной политикой на предыдущем этапе. В таком случае получается, что экономические реформы ни в одной из трех стран не привели к ускорению темпов прироста ВВП на душу населения, причем наиболее сильным замедление было в Египте и Иордании (с 4,3% до 2,6% в год и с 3,5% до 2,3% в год – см. табл.3.1). Только Тунис, где, как отмечалось, величина дисбалансов и зависимость от внешних валютных источников была наименьшей, сумел сохранить темп прироста ВВП на душу населения почти на том же уровне (в среднем 2,8% после 3,2% в год). Падение темпов роста самого валового продукта было также более чем заметным: в Египте прирост ВВП замедлился на треть (с 6,8% до 4,5% в год), в Тунисе и Иордании – примерно на четверть (с 5,7% до 4,4% в год и с 7,2% до 5,6% в год соответственно).

В то же время, после реформ заметно снизилась нестабильность экономического роста, что может указывать на возросшую роль более устойчивых внутренних факторов по сравнению с внешнеэкономической конъюнктурой (см. диаграмму 1 в Приложении). В Египте величина стандартного отклонения годовых темпов прироста ВВП на душу населения уменьшилась с 3,4 в 1974–90 гг. до 1,6 в 1991–2009 гг., в Иордании – с 9,3 в 1976–89 гг. до 4,4 в 1990–2009 гг., и только в Тунисе этот показатель незначительно увеличился с 2,4 в 1974–85 гг. до 2,6 в 1986–2009 гг. Если соотнести эту величину со средним темпом прироста ВВП на душу населения за период, то полученный так называемый коэффициент волатильности темпов экономического роста снизится в Египте с 76 до 62%, в Иордании – с 269 до 191%, а в Тунисе вырастет с 75 до 92%.¹¹⁷ Можно отметить, что

¹¹⁷ Коэффициент флуктуации (нестабильности) темпов экономического роста использован в форме, предложенной В.А. Мельянцевым. $F = \{[\sum(y_i - \bar{y})^2]n^{-1}\}^{0.5} \cdot (\bar{y}^{-1}) \cdot 100$, (%), где F – коэффициент флуктуации, y_i и \bar{y} – соответственно темп прироста ВВП на душу населения в i -м году и среднегодовой темп прироста ВВП на душу населения за период, охватывающий n лет. Мельянцев В.А. Арабо-исламский мир в контексте глобальной экономики. М., 2003, С. 6.

в Иордании данный показатель по-прежнему крайне высок, но он был бы намного меньше, если бы не чрезвычайные события 1991–92 гг., когда в результате вынужденного возвращения примерно 300 тыс. иорданских трудовых мигрантов из стран Залива ВВП на душу населения сначала снизился в 1991 г. на 9,4%, а в следующем году подскочил на 13,5%.

Таблица 3.1.

**Темпы прироста ВВП и ВВП
на душу населения в Египте, Тунисе и Иордании**

ВВП на душу	I	II	III
	1962–73 (12)	1974–90 (17)	1991–2009 (19)
Египет	2,3	4,3	2,6
	1962–73 (12)	1974–85 (12)	1986–2009 (24)
Тунис	4,4	3,2	2,8
		1976–89 (14)	1990–2009 (20)
Иордания		3,5	2,3

ВВП	I	II	III
	1962–73 (12)	1974–90 (17)	1991–2009 (19)
Египет	4,7	6,8	4,5
	1962–73 (12)	1974–85 (12)	1986–2009 (24)
Тунис	6,3	5,7	4,4
		1976–89 (14)	1990–2009 (20)
Иордания		7,2	5,6

Примечания. 1. Первый период примерно совпадает с началом масштабной индустриализации и использования элементов плановой экономики в данных странах, второй охватывает эпоху «нефтяного бума» и последующего ухудшения конъюнктуры вплоть до запуска либеральных экономических реформ, и, наконец, третий – это весь период после начала реформ по настоящее время. 2. За стартовый год реформ мы приняли тот год, на который пришлась большая часть непосредственно стабилизационных мер (сокращение госрасходов, девальвация валюты) – это соответственно 1986 г. для Туниса, 1990 год для Иордании и 1991 г. для Египта. В скобках указана продолжительность каждого периода в годах.

Рассчитано и составлено по The World Bank WDI Online Dataset.

Итак, после запуска реформ самые высокие темпы прироста ВВП на душу населения удалось сохранить Тунису. О том же самом свидетельствуют данные по уровню валового продукта на душу населения (см. диаграмму 2 в Приложении). По ВНП

в паритетах покупательной способности только Тунис к 2008 г. достиг уровня 7000 долл. на душу населения по сравнению с 5460 долл. в Египте и 5530 долл. в Иордании, причем отрываться от них по этому показателю он начал в 90-х годов, то есть как раз после старта реформ. Что касается показателя ВНП на душу населения в рыночных курсах, то Тунис вместе с Иорданией держатся впереди, наращивая отрыв от третьей страны – Египта (соответственно 3290 и 3310 долл. в 2008 г. против 1800 долларов).

Выше отмечалось, что арабские страны отличаются очень высокой зависимостью от экспорта нефти и связанных с ним потоков официальной помощи и переводов от трудовых мигрантов. Следует оценить объем притока этих внешних ресурсов в рассматриваемые страны. Прежде всего, только Египет выступал в роли значительного нетто-экспортера нефти на протяжении всего периода 1980–2007 г., а при высоких ценах на нефть (до 1986 г. и после 2004 г.) чистый экспорт углеводородов достигал от 5 до 7–8% египетского ВВП (см. диаграмму 3.1). Тунис из-за истощения своих месторождений уже в 1993 г. стал нетто-импортером нефти, а для Иордании как стопроцентного импортера каждый скачок цен на этот ресурс и вовсе означал повышенное давление на платежный баланс, поскольку стоимость ввозимой нефти зашкаливала за 10% ВВП. Тем не менее, Иордания более чем компенсировала свой нефтяной дефицит за счет колossalного притока трансфертов – официальной помощи и переводов от трудовых мигрантов. Его объем за вычетом чистых факторных доходов в годы «нефтяного бума» достигал 50% ВВП, а к концу 80-х годов сузился до 15% ВВП, что поставило королевство на грань финансового кризиса. В Египте приток трансфертов играл более скромную роль: вплоть до середины 90-х годов он колебался в пределах 8–12% ВВП, а потом постепенно снизился до 4–6% ВВП. В основном это было связано со снижением официальной помощи, которая достигла своего пика в годы войны в Персидском заливе (в одном 1991 г. Египет получил около 5 млрд. долл.). В Тунисе приток трансфертов в 1990–2000-х годов и вовсе лишь покрывал отток факторных доходов, который достигал 3–5% ВВП в год и был связан с тем, что именно эта страна тесней всего сотрудничает с иностранными (прежде всего, европейскими) компаниями, репатриирующими полученную прибыль.

Еще один источник иностранной валюты, который, видимо, можно с определенными оговорками отнести к той же категории

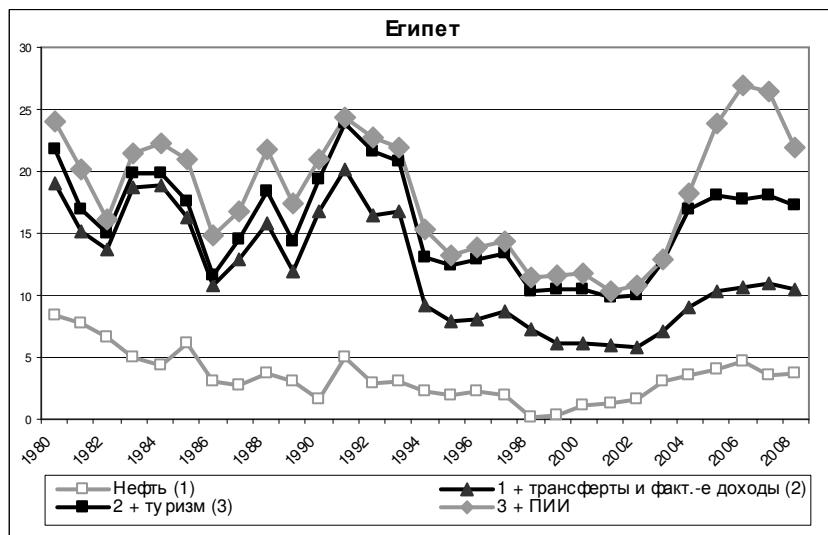
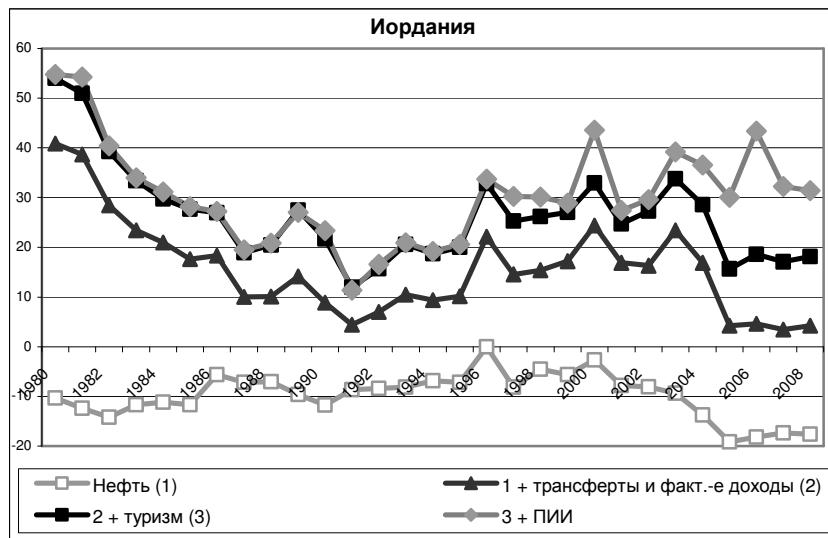
сильно зависящих от конъюнктуры и потому нестабильных внешних ресурсов – это туризм. Все три страны являются заметными туристическими центрами, причем если в Тунисе и Иордании этот сектор к 80-м годам уже сложился и приносил впоследствии порядка 6–9% и 8–12% ВВП в год соответственно, то Египет серьезно взялся за индустрию туризма только в 90-е годы и добился того, что в благополучных 2004–2007 гг. экспорт туристических услуг приносил в среднем 6–7% ВВП.¹¹⁸ Наконец, чтобы лучше схватить специфику современного этапа конъюнктурных витков, мы посчитали необходимым включить в данный список прямые иностранные инвестиции. Начиная с середины 2000-х годов, их приток в рассматриваемые страны стал резко расти: в 2005–07 гг. приток ПИИ в Тунисе достигал 6,0% ВВП в год, в Египте – 8,1% ВВП и в Иордании – целых 15,6% ВВП! Это соответствует 26%, 42% и 61% их нормы валового накопления – впечатляющий размах, даже если учесть, что полученные средства далеко не полностью и не сразу превратятся в цеха с новым оборудованием. Можно отметить, что приток более нестабильных портфельных инвестиций пока во много раз меньше из-за неразвитости фондовых рынков в данных странах.

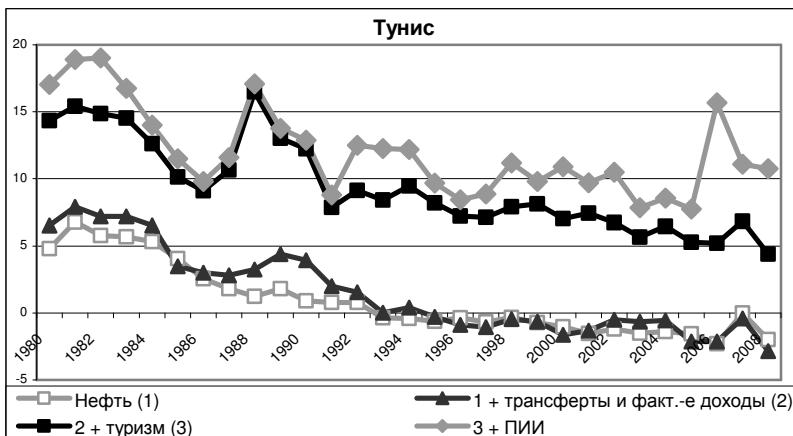
Итак, теперь мы можем оценить, насколько сильно данные страны зависят от внешних источников дохода, и выделить для них периоды благоприятной и неблагоприятной конъюнктуры. Как и следовало ожидать, больше всего внешних ресурсов получает Иордания: в начале 80-х годов их приток зашкаливал за 50% ВВП, к 1988–89 гг. он обмелел до 20% ВВП (валютно-финансовый кризис), а достиг дна в 1991 г. – всего 10% ВВП (война в Заливе крайне негативно сказалась на иорданской экономике). После этого начался подъем конъюнктуры, и к 1997 г. приток внешних ресурсов достиг уровня 30% ВВП. А в 2006 г. на фоне экономического подъема в странах региона он превысил 40% ВВП, приблизившись к значениям эпохи «нефтяного бума». Причем, как мы отмечали выше, последние несколько лет в этом притоке возрастающую роль играют ПИИ, в то время как значение трансфертов снижается.

¹¹⁸ К сожалению, нет данных по доходу Египта от эксплуатации Суэцкого канала за весь рассматриваемый период, поэтому не включаем его в расчет. Что в последнем перед мировым кризисом 2007/08 г. его объем составил 5,2 млрд. долл. по сравнению с 10,8 млрд. долл. поступлений от туризма и 14,4 млрд. долл. – от экспортов нефти (нетто-экспорт около 5 млрд. долл.).

Диаграмма 3.1.

Приток внешних ресурсов в Египет, Иорданию и Тунис, % ВВП

Примечания. 1. Первый ряд данных – это величина чистого экспорта нефти. 2. Чистые текущие трансферты включают в себя и переводы от трудовых мигрантов, и официальную помощь.

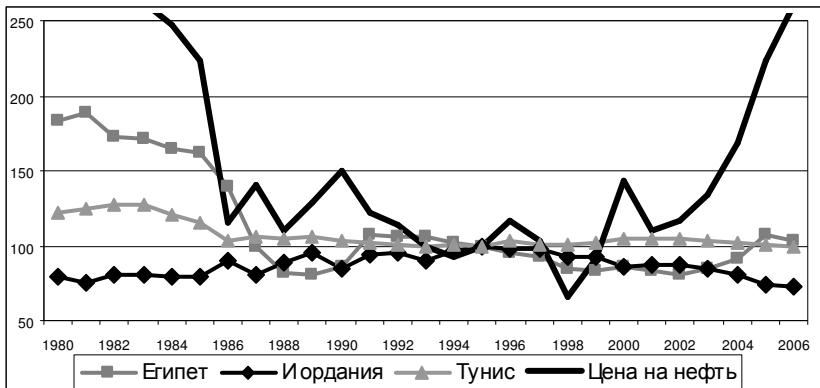
Составлено и рассчитано по The World Bank WDI Online Dataset.

В Египте приток внешних ресурсов снизился с 25% ВВП в год в начале 80-х годов до 15% ВВП в 1986 г. Впоследствии он стабилизировался на уровне 10–15% ВВП, за исключением 1991–93 гг., когда страны Запада и монархии Персидского залива предоставили Каиру огромную экономическую помощь в обмен на поддержку анти-саддамовской коалиции. Новый подъем конъюнктуры, связанный с ростом цен на нефть, начался для Египта с 2004 г., причем совокупный приток ресурсов, в котором намного большую роль стали играть ПИИ и туризм и меньшую – трансферты, достиг уровня начала 80-х годов (около 25% ВВП).

В наименьшей степени от притока внешних ресурсов зависит Тунис. В начале 80-х годов благодаря экспорту нефти, туризму и значительному по сравнению с другими арабскими странами притоку ПИИ, его объем составлял 15–20% ВВП. К 1986 г. он упал до 10% ВВП, на что Тунис оперативно отреагировал, первым из арабских стран запустив программу макроэкономической стабилизации. Впоследствии уровень притока внешних ресурсов был достаточно стабилен (в отличие от Египта и Иордании) и благодаря туризму и притоку ПИИ держался на уровне 10% ВВП в год, несмотря на то что приток трансфертов за вычетом факторных доходов и импорта нефти стал отрицательным.

Диаграмма 3.2.

**Динамика бартерных условий торговли и цены на нефть
(1995 = 100)**

Примечания. 1. Цена на нефть в постоянных долларах 2005 г., дефлированных по индексу потребительских цен США. 2. На графике отражен индекс цен на нефть со значением 1995 г. взятым за 100.

Рассчитано и составлено по: WDI 2003 CD-Rom (бартерные условия торговли до 2000 г.), UNCTAD Handbook of Trade Statistics Online (после 2000 г.); U.S. Energy Information Administration (EIA) Monthly Energy Review (цена на нефть).

Вывод о том, что Тунис зависит от внешней конъюнктуры намного меньше, чем Египет и Иордания, подтверждается динамикой индекса условий торговли этой страны: заметно снизившись к 1986 г. по сравнению с годами «нефтяного бума», он в течение следующих 20 лет колебался в очень ограниченных пределах (см. диаграмму 3.2). Наиболее нестабильным и близким по динамике к ценам на нефть был индекс условий торговли Египта: к 1989 г. он снизился почти в два с половиной раза по сравнению с 1980 г. (со 183 до 80 пунктов), в 1991–93 гг. восстановился до уровня 100 пунктов, к 2002 г. снизился до 80, чтобы к 2005 г. вырасти более чем на четверть и вновь превысить отметку в 100 пунктов. Индекс условий торговли Иордании демонстрировал прямо противоположную динамику: своего максимума он достиг в середине 90-х годов, а в годы высоких цен на нефть опускался до уровня 70–75 пунктов. В этой связи неудивительно, что в Египте наблюдается достаточно сильная положительная связь между

темпами экономического роста и индексом условий торговли (коэффициент корреляции 0,50), в Иордании – слабая и отрицательная (коэффициент корреляции -0,23), а в Тунисе связь вовсе отсутствует (коэффициент корреляции 0,00). Схожим образом обстоит дело с корреляцией между темпами прироста ВВП и ценами на нефть: в Египте связь положительная и даже более сильная (коэффициент корреляции 0,64), в Иордании – положительная, но слабая (коэффициент корреляции 0,33 – то есть влияние трансфертов и прочих форм притока нефтедолларов все-таки сильнее, чем эффект от дорожающего импорта нефти), и в Тунисе – практически незначительная (коэффициент корреляции 0,19).

Однако несмотря на сильную зависимость от внешних ресурсов, даже в Египте и Иордании динамику роста ВВП нельзя объяснить одной внешнеэкономической конъюнктурой. Безусловно, коллапс экономического роста во второй половине 80-х годов во всех трех странах был вызван резким снижением валютных доходов. И точно так же ускорение роста ВВП после 2004 г. трудно рассматривать отдельно от возращения сверхблагоприятной экономической конъюнктуры, которая, как мы указали выше, вполне сопоставима с «нефтяным бумом» 1974–85 гг.

Таблица 3.2.

Приток внешних ресурсов и экономический рост в Египте, Иордании и Тунисе

	1980– 84	1985– 89	1990– 94	1995– 99	2000– 04	2005– 08
Египет						
Прирост ВВП на душу населения, %	4,9	1,7	1,5	3,2	1,8	4,5
Экспорт нефти + трансферты и факторные доходы	17,1	13,6	15,8	7,6	6,8	10,6
То же + туризм и ПИИ, % ВВП	20,8	18,4	21,1	12,9	12,8	24,8
Иордания						
Прирост ВВП на душу населения, %	4,4	-4,0	0,5	0,8	3,2	5,9
Экспорт нефти + трансферты и факторные доходы	30,4	14,0	8,1	15,9	19,6	4,2
То же + туризм и ПИИ, % ВВП	42,9	24,5	18,3	28,7	35,3	34,3
Тунис						
Прирост ВВП на душу населения, %	2,1	0,1	3,0	3,8	3,6	4,2
Экспорт нефти + трансферты и факторные доходы	7,1	3,4	1,6	-0,7	-0,9	-1,9
То же + туризм и ПИИ, % ВВП	17,1	12,7	11,7	9,6	9,5	11,3

Примечание. Чистые текущие трансферты включают в себя и переводы от трудовых мигрантов, и официальную помощь.

Составлено и рассчитано по The World Bank WDI Online Dataset.

Однако многие эпизоды не укладываются в эту теорию. Например, восстановление темпов роста ВВП на душу населения в Тунисе после провальной второй половины 80-х годов произошло без видимого увеличения притока внешних ресурсов. В Египте это восстановление оказалось отложено до второй половины 90-х годов (4,9% в год в 1980–84 гг., 1,7% в 1985–89 гг., 1,5% в 1990–94 гг. и 3,2% в год в 1995–99 гг.) и произошло на фоне снижения внешних доходов. В Иордании доход на душу населения вышел из стагнации лишь после 2000 г., хотя приток внешних ресурсов начал восстанавливаться гораздо раньше – после 1995 г.

3.2. Воздействие реформ на макроэкономические балансы и пропорции экономического роста Египта, Туниса и Иордании

Отвергнув предположение о том, что динамика роста ВВП в Египте, Тунисе и Иордании определялась исключительно колебаниями внешнеэкономической конъюнктуры и, следовательно, допустив, что свою роль здесь сыграли экономические реформы, можно попробовать оценить, как эти преобразования повлияли на фундаментальные факторы экономического роста. Следует начать с нормы сбережений и инвестиций. Для большинства арабских стран, не относящихся к числу крупных экспортёров нефти, характерна слабость внутренних сбережений (а значит и острый дефицит торгового баланса). Главной причиной этого, или, если выразиться точнее, главным условием, которое делает подобное положение дел сравнительно устойчивым, являются внешние сбережения, то есть те самые текущие трансферты (за вычетом чистых факторных доходов), о которых мы столько говорили выше. Переводы от работающих за рубежом членов семей рассматриваются домохозяйствами, а официальная помощь – правительствами как неотъемлемая часть дохода, позволяющая сберегать и тратить больше, чем было заработано внутри страны. Среди рассматриваемых стран ярким примером зависимости от внешних сбережений является Иордания, а также в значительной степени – Египет, в то время как Тунис единственный обладает достаточно высокой нормой внутренних сбережений (см. табл. 3.3).

Таблица 3.3.

**Баланс инвестиций и сбережений
в Египте, Иордании и Тунисе**

	Египет		Тунис		Иордания	
	"До реформ"	"После"	"До реформ"	"После"	"До реформ"	"После"
Инвестиции (1)	29,0	19,4	30,7	25,5	31,1	27,6
Внутренние сбережения (2)	15,0	14,5	24,6	21,9	-9,0	0,6
Внешние сбережения (3)	10,6	7,3	0,9	0,5	35,6	22,0
Национальные сбережения (2+3)	25,6	21,8	25,5	22,4	26,6	22,6
Внутр. сбер. минус инвест.(2-1)	-14,0	-4,9	-6,1	-3,6	-40,1	-27,0
Нац. сбер. минус инвест. (2+3-1)	-3,4	2,4	-5,2	-3,1	-4,5	-5,0
Экспорт	22,3	23,5	34,4	44,3	38,3	50,6
Импорт	36,3	28,5	40,5	47,9	78,4	77,6

Примечания. 1. Внешние сбережения – это сумма чистых текущих трансфертов и чистых факторных доходов. 2. Как и в предыдущих расчетах, мы считаем, что периоды «до реформ» и «после» для Египта составляют 1974–90 гг. и 1991–2008 гг., для Иордании – 1976–89 гг. и 1990–2008 гг. и для Туниса – 1974–85 гг. и 1986–2008 гг.

Рассчитано и составлено по: The World Bank WDI Online Dataset.

Как изменился баланс сбережений и инвестиций после реформ? В рамках программ стабилизации все три рассматриваемые страны пошли на существенное снижение госинвестиций. Одновременно с этим или даже несколько раньше из-за общей нестабильности и пессимистических ожиданий стали резко сокращаться частные инвестиции. В совокупности норма капиталовложений сильнее всего сократилась в Египте (с 29,4% ВВП в среднем до реформ до 19,3% ВВП – после), в Иордании – с 31,1% до 27,6% ВВП, в Тунисе – с 30,7% до 25,5% ВВП. Что касается нормы внутренних сбережений, то в Египте и Тунисе она несколько снизилась, хотя ситуация со сбережениями госсектора должна была улучшиться благодаря стабилизации государственных финансов. Это означает, что сбережения домохозяйств и частных компаний в лучшем случае стагнировали. В Иордании норма внутренних сбережений и вовсе едва-едва перестала быть отрицательной. Однако в целом благодаря снижению инвестиций (в Египте и Тунисе) или как инвестиций, так и потребления (в Иордании) во всех трех странах заметно снизился разрыв между внутренними сбережениями и инвести-

циями: с 6,1% до 3,6% ВВП в Тунисе, с 14,0% до 4,9% ВВП в Египте и с 40,1% до 27,0% ВВП в Иордании. А благодаря притоку трансфертов потребность в иностранном капитале в Египте исчезла (до реформ составляла 3,4% ВВП в год или 10–12% нормы накопления), в Тунисе снизилась с 5,2 до 3,1% ВВП в год (с 16–18% до 12–13% нормы накопления) и только в Иордании увеличилась с 4,5 до 5,0% ВВП в год (с 14–15% до 18–19% нормы накопления).

Таким образом, реформы в целом привели к снижению зависимости от иностранного капитала, однако произошло это в основном за счет снижения инвестиций, а не роста внутренних сбережений (в наименьшей степени это относится к Тунису, где внутренние сбережения и до реформ были на достаточно высоком уровне). А это значит, что в таких странах как Египет и Иордания каждый новый экономический подъем с ростом капиталовложений будет по-прежнему финансироваться за счет внешних трансфертов и иностранного капитала. О том, насколько болезненной может быть коррекция в случае обмеления этих потоков, свидетельствует их собственный и совсем недавний опыт.

Еще одной особенностью данных стран является то, что до самого последнего времени их частный сектор так и не сумел компенсировать резкое сокращение госинвестиций на старте реформ. Действительно, как свидетельствуют имеющиеся у нас и, к сожалению, не самые полные данные по делению инвестиций на государственные и частные, к концу 1990-х – началу 2000-х гг. уровень инвестиций бизнеса в каждой из данных стран в лучшем случае восстановился до уровня благополучной первой половины 1980-х гг. (см. диаграмму 3 в Приложении). В Тунисе и Египте они в настоящее время достигают 10–15% ВВП, в Иордании – около 15% ВВП (резкий скачок частных инвестиций в 1992–95 гг., как мы отмечали выше, был связан с возвращением на родину капиталов примерно 300 тыс. иорданцев, работавших в странах Залива). Это свидетельствует о том, что инвестиционный климат в данных странах далек от идеального, а частный сектор в целом сталкивается с существенными ограничениями в своей развитии.

Во многих исследованиях отмечается невысокая эффективность инвестиций в арабском мире, причем в некоторых из них в качестве основного доказательства указывается на то, что коллапсу экономического роста во второй половине 80-х годов

сопутствовал достаточно высокий уровень вложений в физический капитал.¹¹⁹ Однако такое суждение, видимо, было бы чересчур упрощенным (ведь, как мы указали в самом начале работы, те же самые госинвестиции были эффективны в 1974–85 гг.). Кроме того, оно в наименьшей степени касается выбранных нами трех стран. Если грубо оценить эффективность инвестиций в физический капитал с помощью коэффициента предельной капиталоемкости роста, объединив, как мы делали это раньше, период «нефтяного бума» с последующим периодом спада до запуска реформ, то получится, что во всех трех странах его величина находится на приемлемом уровне, и если и ухудшилась, то совсем немного: в Египте – 4,3 в 1974–90 гг. и 4,3 в 1991–2008 гг., в Иордании – 4,3 в 1976–90 гг. и 4,9 в 1991–2008 гг., в Тунисе – 5,4 в 1974–86 гг. и 5,8 в 1987–2008 гг. Иными словами, снижение нормы инвестиций в этих странах было примерно пропорционально замедлению темпов роста ВВП. Это оставляет место для различных толкований. В принципе, можно говорить о том, что экономические реформы не привели к росту эффективности инвестиций. Но ведь они не привели и к ее падению! А стабильность коэффициента предельной капиталоемкости роста позволяет надеяться на то, что повышение уровня частных инвестиций, о необходимости которого столько говорится в этих странах, позволит им добиться реального ускорения темпов роста ВВП.

Вместе с тем, разговор о низкой эффективности инвестиций в арабском мире оправдан с той точки зрения, что при расчете в международных ценах норма валового накопления оказывается в них, как правило, заметно ниже, чем в ценах национальных (на этот феномен в своих работах указывает В.А. Мельянцев¹²⁰). Это связано с тем, что в небогатых странах, вынужденных импортировать большую часть машин и оборудования, цены на капитальные товары оказываются относительно завышенными из-за их редкости по сравнению с другими компонентами валового продукта. По последним оценкам паритетов покупательной способности Всемирным банком за 2005 г. наиболее сильно завышены цены на машины

¹¹⁹ См. *Sala-i-Martin X., Artadi E. Economic Growth and Investment in the Arab World // World Economic Forum, the Arab World Competitiveness Report 2005.*

¹²⁰ См. Мельянцев В.А. Развитые и развивающиеся страны в эпоху перемен (сравнительная оценка эффективности роста в 1980–2000-е гг.), М., 2009.

и оборудование в Египте (более чем в 3,5 раза по сравнению со средним уровнем цен в экономике), значительно слабее, но тоже значительно – в Тунисе и Иордании (на 55% и 74% соответственно).¹²¹ Очевидно, это связано с меньшей открытостью Египта по сравнению с Тунисом, который обнулил импортные пошлины на промышленные товары из стран ЕС, и маленькой и традиционно импортозависимой Иорданией, которая к тому же начала активно развивать в 2000-х гг. специальные торгово-промышленные зоны с облегченным режимом экспортно-импортных операций. Что касается цен на вторую большую категорию капитальных товаров – здания и сооружения – то они как правило соответствуют среднему уровню цен в экономике или даже несколько ниже его. А это значит, что при пересчете в международных долларах в инвестициях резко падает доля их наиболее продуктивного компонента – машин и оборудования: в Египте с 46,3 до 18,5%, в Иордании с 39,5 до 21,9%, в Тунисе с 28,8 до 20,9% (см. табл. 3.4). Для сравнения: в новых индустриальных странах Восточной и Юго-Восточной Азии (Малайзия, Таиланд, Тайвань) доля расходов на машины и оборудования составляет в среднем 27–30% всех инвестиций. Кроме того, в двух из рассматриваемых нами трех стран существенно снижается сама доля валового накопления в ВВП: в Египте, где она и без того была очень низкой – на треть (с 16,8 до 11,8% ВВП), в Тунисе – на одну пятую (с 22,3 до 17,8% ВВП). Только в Иордании благодаря низким ценам на строительство норма инвестиций в ППС оказывается выше, чем в национальных ценах: 35,7 против 30,6% ВВП. Это очень хороший показатель как по меркам арабских стран, так и по сравнению с быстроразвивающимися странами Азии. Однако здесь стоит отметить, что поскольку Иордания отличается высоким притоком внешних ресурсов, то доля инвестиций в совокупных расходах (потребление плюс инвестиции) как своеобразный показатель «склонности к инвестициям» оказывается заметно более низкой и сравнимой с Египтом и Тунисом: 22,3% в национальных и 23,4% в международных ценах.

С другой стороны, при пересчете компонентов валового продукта в ППС во всех трех странах в разы увеличивается

¹²¹ Рассчитано по результатам последнего раунда международных сопоставлений Всемирного банка за 2005 год. World Bank International Comparison Program, Global Purchasing Power Parities and Real Expenditures Results, 2005.

удельный вес госпотребления (из-за сравнительно низких зарплат госслужащих): в Египте с 10,9 до 40,1% ВВП, в Иордании с 18,9 до 49,1% ВВП и в Тунисе с 14,4 до 28,5% ВВП. На наш взгляд, эти вторые цифры в чем-то лучше отражают степень присутствия государства в данных экономиках (мы не говорим здесь о его силе, роли или эффективности). Ведь государство в них по-прежнему является крупнейшим работодателем, а доля занятых в госаппарате аномально высока по меркам развивающегося мира, хотя вряд ли ей соответствует столь же высокое качество предоставляемых услуг. Таким образом, пересчет структуры ВВП указанных арабских стран в паритетах покупательной способности позволяет говорить об относительной недоинвестированности экономики Египта и, в какой-то степени, Туниса, а также о явном приоритете деятельности по управлению и перераспределению над собственно производственной деятельностью (в Египте объем расходов на госпотребление превосходит инвестиции в 3,4 раза, в Тунисе – в 1,6 раза и в Иордании – в 1,4 раза). На наш взгляд, эта альтернативная картина хозяйственной жизни рассматриваемых стран отнюдь не лишена правдоподобия и позволит в дальнейшем объяснить некоторые их специфические особенности.¹²²

Неотъемлемой частью требований МВФ (а также ВТО и других международных организаций) к развивающимся странам в рамках структурных реформ была и остается либерализация внешней торговли путем снижения тарифов и нетарифных ограничений импорта. С другой стороны, политика поощрения экспорта стала ключевой составляющей успеха первой четверки новых индустриальных стран (Южной Кореи, Тайваня, Гонконга и Сингапура), а впоследствии Малайзии, Таиланда, Индонезии, Китая и ряда других государств Восточной и Юго-Восточной Азии. Как обстояло дело с торговой политикой в рассматриваемых нами трех арабских странах и что изменилось после реформ?

¹²² Одним из возможных следствий этих рассуждений является то, что темпы прироста ВВП в рассматриваемых странах (особенно в Египте) могут быть серьезно завышены, поскольку доля инвестиций – самого динамичного компонента валового продукта – серьезно снижается при пересчете в ППС по сравнению с национальными ценами. Увеличивается же доля госпотребления, которое после реформ расширялось достаточно медленно.

Таблица 3.4.

**Структура ВВП Египта, Туниса и Иордании
в валютных курсах и ППС, млн. долл.**

		ВВП	Потребление домохозяйств	Государств. потребление	Валовое накопление	Машины и оборуд., %
Египет	долл. США 2005 года	98831	72285	10805	16652	46,3
	% ВВП		73,1	10,9	16,8	
Иордания	международные долл.	353409	206548	141859	41551	18,5
	% ВВП		58,4	40,1	11,8	
Иорда- ния	долл. США 2005 года	12611	11089	2380	3856	39,5
	% ВВП		87,9	18,9	30,6 (22,3)	
Тунис	международные долл.	23498	15949	11529	8396	21,9
	% ВВП		67,9	49,1	35,7 (23,4)	
Тунис	долл. США 2005 года	29039	18368	4184	6473,0	28,8
	% ВВП		63,3	14,4	22,3	
	международные долл.	64794	34727	18490	11523	20,9
	% ВВП		53,6	28,5	17,8	

Примечания. 1. Валовое накопление – это валовое накопление основного капитала (без учета изменения запасов). 2. Значения в круглых скобках по валовому накоплению основного капитала в Иордании – это его доля в совокупных расходах (потребление плюс инвестиции).

Рассчитано и составлено по: World Bank International Comparison Program, Global Purchasing Power Parities and Real Expenditures Results, 2005.

Для начала можно отметить, что, как и подавляющее большинство развивающихся стран, все они поначалу после получения независимости активно пользовались высокими таможенными барьерами для защиты зарождающейся национальной промышленности. Однако только Тунис добавил к политике импортозамещения более-менее активные шаги по поддержке экспортных отраслей: начиная с 1972 г., для работающих на экспорт тунисских предприятий был создан режим оффшора с налоговыми преференциями и облегченным доступом к кредиту (подробнее об этом в разделе 2.3 настоящей работы).¹²³ Очевидно, это было связано с тем, что благодаря притоку помощи и

¹²³ Политика инфитаха, которая практически одновременно с этим началась в Египте, была все-таки в большей мере направлена на привлечение иностранного капитала.

переводов от трудовых мигрантов Египет и Иордания могли позволить себе меньше заботиться о поддержании торгового баланса: в десятилетие «нефтяного бума» с 1976 по 1985 г. экспорт товаров и услуг из этих стран покрывал всего 65% и 44% объема импорта соответственно, в то время как в Тунисе этот показатель превышал 80%.¹²⁴

На начальном этапе реформ все три страны помимо унификации валютного курса и либерализации торговых операций стали постепенно снижать импортные тарифы: в Египте средняя ставка таможенного тарифа упала с 42,8% в 1985 г. до 33,5% в 1990 г. и 28,3% в 1995 г., в Иордании средневзвешенный тариф снизился с 16,8% в 1987 г. до 12,3% в 1996 г.¹²⁵, а Тунис в 1995 г. заключил с ЕС соглашение о свободной торговле, по которому обязался за 12 лет обнулить импортные пошлины на промышленные товары из стран Евросоюза. Снижение тарифов происходило и в рамках ВТО: в 1995 г. в эту организацию вступили Египет и Тунис, в 2000 г. за ними последовала Иордания. Тем не менее, как и предсказывали многие экономисты, одного снижения импортных пошлинказалось недостаточно для поощрения экспорта.¹²⁶ В Египте товарный экспорт стагнировал на протяжении целых полутора десятилетий с окончания «нефтяного бума» в 1986 г. и до конца 90-х годов (его объем в 1986–99 гг. сокращался на 0,3% в год после роста на 12,3% в год в 1973–85 гг.). Правда, ситуацию несколько исправил росший опережающими темпами экспорт услуг – Египет именно в это время взялся за развитие индустрии туризма. В Иордании темпы роста товарного экспорта также замедлились в несколько раз после очень «низкого» и, как следствие, быстрого старта в период благоприятной конъюнктуры (с 24,1% в год в 1973–85 гг. до 6,2% в 1986–1999 гг.). И только в Тунисе падение темпов роста экспорта было не столь резким: с 14,1% до 9,1% за те же периоды.¹²⁷

¹²⁴ Рассчитано по: WDI Online Dataset.

¹²⁵ Данные по Египту из Economic Freedom of the World: 2007 Annual Report, the Economic Freedom Network. По Иордании – из World Bank Mideterranean Development Forum, Partners for Development: New Roles for Government and Private Sector in the Middle East & North Africa ed. by Fawzy S. and Galal A., 1999. P. 65.

¹²⁶ Хотя положительный эффект в виде снижения цен на капитальные и промежуточные импортные товары это безусловно имело.

¹²⁷ Рассчитано по данным в текущих долларах: UNCTAD Handbook of Statistics Online.

Однако в 2000-х годах картина резко изменилась. В Египте и Иордании начался настоящий экспортный бум: стоимость вывезенных товаров в 2000–08 гг. увеличивалась в среднем на 24,9% и 17,4% в год соответственно (по сравнению с 14,1% в год в Тунисе).¹²⁸ Всего за эти 9 лет объем экспорта товаров из Египта увеличился в 7,4 раза (без учета углеводородов – в 6,7 раза), из Иордании – в 4,3 раза и Туниса – в 3,3 раза Чем объяснялся этот почти синхронный рывок? С одной стороны, – благоприятной конъюнктурой: экспорт углеводородов из Египта увеличился в разы благодаря очередному скачку цен на нефть после 2003–04 гг.; Иордания столкнулась с повышенным спросом на свой экспорт благодаря новой волне притока нефтедолларов в страны Персидского залива; устойчивый экономический подъем в странах ЕС способствовал расширению экспорта в Тунисе. С другой стороны, Египет и Иордания в 2000-х годах резко активизировали шаги по интеграции в мировую торговлю. Обе страны провели новый раунд снижения импортных пошлин: к 2007 г. средняя ставка тарифа в Египте составила 6,9%, что ниже среднего уровня по Восточной Азии (8,3%) и Латинской Америке (8,9%), а в Иордании – 11,5%, то есть страна стала более открытой, чем Южная Азия (14,2%).¹²⁹

Кроме того, Египет по примеру Туниса начал снижать тарифы на импорт из ЕС, а совсем недавно по примеру Иордании заключил с США соглашение о создании на своей территории промышленной зоны с облегченным доступом на американский рынок для произведенных в ней товаров. Опыт создания подобной зоны в Иордании оказался достаточно успешным – доля иорданского экспорта товаров (в подавляющем большинстве – текстильной продукции), направляемого на американский рынок, увеличилась с 4,9% в 2000 г. до 25% в 2006 г. Однако эта промышленная зона практически не создала рабочих мест для самих иорданцев (2/3 из 46 тыс. занятых в ней работников – иммигранты из Южной Азии), а также оказалась слабо связана с остальной экономикой королевства, поскольку 90% промежуточных товаров импортируются.¹³⁰ А это значит, что рост экспорта

¹²⁸ Эти данные из UNCTAD Handbook of Statistics Online приведены в текущих ценах, то есть включают в себя и увеличение объема экспорта, и рост цен на него.

¹²⁹ World Bank Middle East and North Africa Region Economic Developments and Prospects, 2008. P. 173.

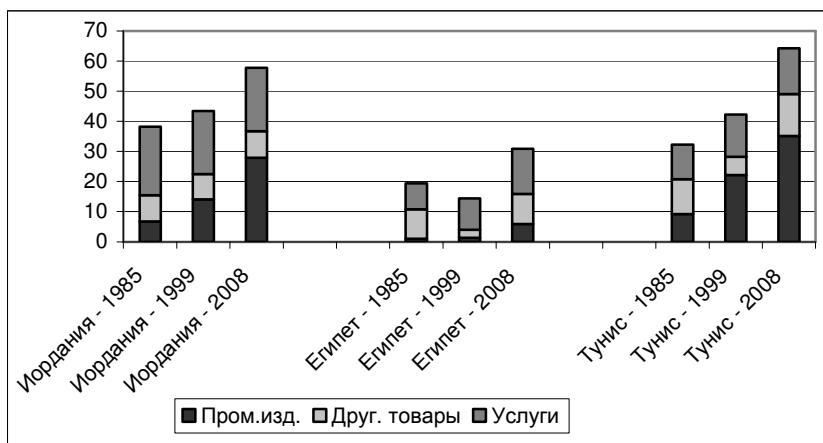
¹³⁰ Economic Reform in Jordan: Where To? The Center for Strategic Studies – University of Jordan & The Carnegie Middle East Centre Workshop published materials, April 30, 2007.

сопровождается почти аналогичным по объему расширением импорта, и дефицит торгового баланса не снижается. На самом деле, в 2000–08 гг. несмотря на стремительное расширение товарного экспорта из Иордании, импорт рос еще быстрее (18,2% против 17,4% в год), при том что в Египте импорт рос намного медленнее экспорта (13,2% против 24,9% в год), а в Тунисе – примерно с той же скоростью (12,6% против 14,1% в год). Кроме того, в иорданском экспорте велика доля реэкспорта – по данным национальной статистики его доля в 2001–08 гг. колебалась в пределах 20–30% стоимости вывезенных товаров. Вместе с тем, нельзя отрицать успехи Иордании в создании ряда достаточно современных экспортных производств, например, в сфере химической промышленности (прежде всего, фармацевтики) – к 2006 г. на «химию» приходилось более четверти всего экспорта промышленной продукции из королевства. Благодаря всем этим шагам Иордания за годы реформ сумела существенно увеличить объем экспорта как в абсолютном выражении, так и по отношению к ВВП (см. диаграмму 3.3), причем этот поступательный рост был обусловлен именно возросшей конкурентоспособностью обрабатывающей промышленности (объем экспорта промышленных изделий в 2008 г. превысил одну четверть ВВП).

Что касается Египта, то, несмотря на заметную положительную динамику, объем вывоза промышленных изделий пока невелик (1,1% ВВП в 1985 г., 1,4% ВВП в 1999 г. и 5,8% ВВП в 2008 г. или 5,6% – 10% – 18,8% совокупного экспорта соответственно). Наибольший вклад в это расширение внесла фармацевтическая отрасль, стальная и алюминиевая промышленность, в то время как доля текстиля и готовой одежды, напротив, несколько снизилась. Таким образом, интеграция Египта в мировую экономику по-прежнему определяется экспортом углеводородов и туризмом – двумя сферами, которые не позволяют Египту в полной мере воспользоваться всеми преимуществами от участия в мировом разделении труда. Во-первых, нефтяные и в некоторой степени туристические доходы весьма нестабильны и подвержены колебаниям конъюнктуры. И во-вторых, нефте- и газодобыча в принципе не может создать большого количества новых рабочих мест, а индустрия туризма, хотя и весьма трудоемка по своей сути, не может обеспечить приток новых технологий и стать ключом к устойчивому повышению производительности труда.

Диаграмма 3.3.

Структура экспорта Египта, Иордании и Туниса, % ВВП

Рассчитано и составлено UNCTAD Handbook of Trade Statistics Online (данные в текущих долларах).

Единственной страной, о которой можно в полной мере сказать, что она поступательно идет к повышению технологического уровня экспорта и пытается подтянуться к уровню более развитых и конкурентоспособных соседей через открытие своей экономики и привлечение технологий (а все это стало своеобразной «лакмусовой бумажкой» для новых индустриальных стран), является Тунис. Начав с экспорта текстильных изделий, тунисская экономика постепенно переключается на вывоз более технологичной и капиталоемкой продукции (на нынешней стадии – это, например, сборочные детали для европейских автомобильных концернов). Прогнозы о том, что снятие барьеров на ввоз промышленных изделий из Европы убьет ту часть тунисской промышленности, которая работает на внутренний рынок, не оправдались, а ориентированные на экспорт компании постепенно подтягиваются по производительности труда к своим европейским конкурентам. Вместе с тем, даже в Тунисе доля по-настоящему высокотехнологичной продукции в экспорте промышленных изделий в 2008 г. не превышала 4,9%, не говоря про Иорданию и Египет (по 0,9%).¹³¹

¹³¹ Данные WDI Online Dataset.

Итак, можно утверждать, что либерализация внешней торговли – это та сфера структурных реформ, в которой все три рассматриваемые страны продвинулись достаточно далеко. Их экономики действительно стали более открытыми и экспорт ориентированными (хотя и в неодинаковой степени, если сравнивать их между собой). По сравнению с последним пиком «нефтяного бума» в 1985 г. доля экспорта товаров и услуг в валовом продукте Египта и Иордании к 2008 г. увеличилась в 1,5–1,6 раза (с 19,4% до 30,9% ВВП и с 38,2% до 57,8% ВВП), в Тунисе, который сумел избежать спада во внешнеторговой сфере в 90-х годах, в том числе, благодаря большей диверсифицированности экспорта – в 2 раза (с 32,2% до 64,3% ВВП). Общий показатель внешней открытости в маленьких Тунисе и Иордании вырос очень значительно (с 72% до 135% ВВП и с 117% до 155% ВВП), а в Египте остался на практически том же уровне (70% после 61% ВВП – как более крупная страна Египет может позволить себе развиваться с опорой на внутренний рынок).¹³²

Как отмечалось выше, стабилизация финансов и некоторая либерализация экономик были объективно необходимыми для Египта, Иордании и Туниса, чтобы найти выход из назревавшего валютно-финансового и долгового кризиса, сделать процесс экономического развития более сбалансированным и менее зависимым от нестабильных внешних факторов и открыть новые источники роста вместо потерявшего эффективность госсектора. Похожая ситуация сложилась и в большинстве других стран региона, не располагавших огромными нефтегазовыми богатствами. Тем не менее, многое указывает на то, что результаты проведенных реформ оказались ниже первоначальных ожиданий. Хотя так называемые «ненефтяные» арабские страны в 1990–2000-х гг. более чем вдвое обогнали своих соседей – экспортёров нефти по темпам роста ВВП на душу населения (в среднем 2,5% в год против 1,1%), однако уровень стран Восточной и Южной Азии оказался для них недостижим (7,5% и 4,3% в год соответственно).¹³³ Даже если оставить в стороне Китай и Индию, то трудно понять, почему такие страны как Египет, Марокко и, в наименьшей степени, Тунис уступают не только Индонезии, Таиланду и Малайзии (средний

¹³² Рассчитано по источникам к диаграмме 3.3.

¹³³ См. табл. 1.1.

темп прироста ВВП на душу населения 3,3%, 3,6% и 4,0% в год), но и Вьетнаму (6,1%) и даже Бангладеш (3,4%). Безусловно, полный развернутый ответ на этот вопрос выходит далеко за рамки данной работы. Тем не менее, можно обозначить несколько фундаментальных факторов (которые могут объяснять относительное отставание «ненефтяных» арабских стран) и попытаться понять, почему рыночные реформы пока не помогли преодолеть их негативное влияние.¹³⁴

Среди этих факторов – демографическая ситуация. Из всех арабских стран только в Тунисе и Марокко темп прироста населения к 1990–2000-м годам снизился до 1–1,5% в год (уровень Таиланда, Индонезии, Вьетнама и Турции). В Алжире, Ливане и Египте он остается в пределах 1,5–2% в год (как в Иране и Бангладеш), в Саудовской Аравии и Омане – от 2% до 2,5% в год (как на Филиппинах, в Малайзии и Пакистане). И наконец, на Бахрейне, в Сирии, Кувейте, Иордании и ОАЭ численность населения в 1990–2008 гг. увеличивалась на 2,5% в год и быстрее – уровень, который трудно найти где-либо еще, кроме стран Тропической Африки. Безусловно, столь быстрый рост населения в монархиях Персидского залива (особенно ОАЭ) во многом объясняется тем, что эти страны жизненно заинтересованы в притоке трудовых мигрантов. Однако арабские страны в целом все равно выделяются более высокими темпами роста населения по сравнению с большинством азиатских государств (исключение составляют лишь некоторые мусульманские страны, например, Пакистан и Малайзия).¹³⁵

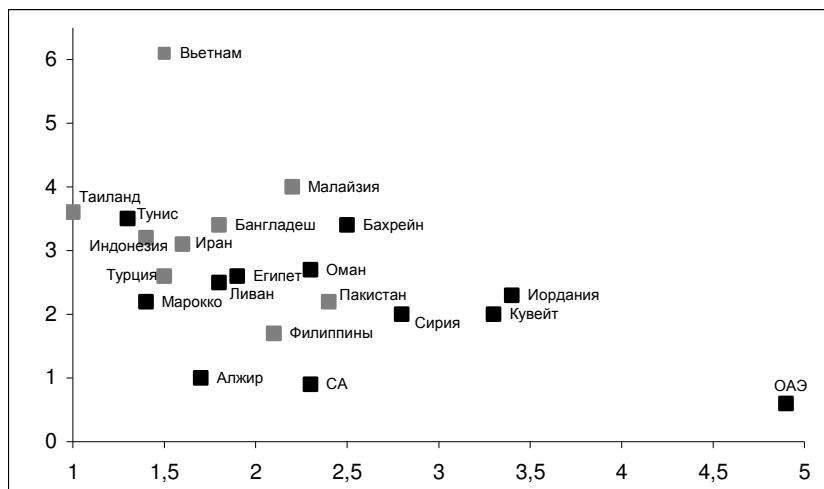
¹³⁴ Многие из этих факторов будут общими для всех стран региона, независимо от того, являются они крупными экспортерами нефти или нет. Тем не менее, в первую очередь интересуют Египет, Иордания и Тунис, а также другие арабские страны, не имеющие больших нефтегазовых богатств (за исключением наименее развитых наподобие Джибути, Мавритании и Сомали). Этому есть две причины: во-первых, именно в этой группе сконцентрирована большая часть населения региона, а во-вторых, значение экспортного углеводородного сырья для нефтедобывающих монархий столь велико, что перевешивает значение всех остальных факторов вместе взятых и превращает их в очевидный «особый случай», который лучше рассматривать по отдельности.

¹³⁵ Вопрос о взаимосвязи темпов роста населения и подушевого дохода уже давно является предметом пристального исследования. В нашем случае подтверждается отрицательный характер этой связи: коэффициент корреляции между средним темпом прироста населения и прироста ВВП на душу населения в 1990–2008 гг. в 21 выбранной стране (см. диаграмму 3.6) составляет -0,51. Если убрать крайние

Причина очевидна: снижающийся, но по-прежнему довольно высокий уровень fertильности, который колеблется от 2–3 детей на одну женщину в Тунисе, Ливане, Алжире и Марокко, а также Кувейте, ОАЭ и Бахрейне до 3–4 в Египте, Иордании, Сирии, Омане и Саудовской Аравии.¹³⁶

Диаграмма 3.4.

Средний темп прироста населения и прироста ВВП на душу населения в выбранных странах в 1990–2008 гг.

Примечания. 1. Средний темп прироста населения отложен по горизонтальной оси, прироста ВВП на душу населения – по вертикальной оси. 2. Значения по арабским странам выделены черным цветом.

Рассчитано по: The World Bank WDI Online Dataset.

точки – Вьетнам и ОАЭ – то значение коэффициента, хотя и снизится, но остается отрицательным: -0,33. Сразу можно отметить, что эта связь может действовать в обоих направлениях: если страна не может обеспечить быстрорастущее население всем необходимым для работы и развития, то это безусловно негативно сказывается на темпах прироста ВВП. И наоборот, более быстрый рост уровня жизни и урбанизация, как правило, способствуют снижению темпов роста населения благодаря повышению женской грамотности, улучшению системы здравоохранения и многим другим факторам.

¹³⁶ UNDP, Regional Bureau for Arab States, Arab Human Development Report 2009. Р. 232.

В настоящее время большинство арабских стран вступили в стадию, когда рост количества рождений начал замедляться или даже снижаться, а многочисленные дети предыдущих лет только взрослеют и пополняют собой ряды рабочей силы. То есть в возрастной структуре населения уменьшается доля детей и подростков и увеличивается доля людей трудоспособного возраста (явление, иногда называемое «демографическим дивиденном»). Как следствие, темп прироста рабочей силы увеличивается и обгоняет темп прироста всего населения. Особенно ярко это проявилось в Тунисе, где население в 1990–2007 гг. увеличивалось всего на 1,3% в год, а рабочая сила – почти в два раза быстрее (на 2,5% в год). В Египте и Иордании темпы прироста рабочей силы превосходили темпы прироста населения на 30–40% (2,4% и 1,8% в год в Египте и 5% и 3,5% в год в Иордании).¹³⁷ В быстро развивающейся экономике, которая создает достаточное количество рабочих мест, это может стать дополнительным источником роста (например, считается, что «демографический дивиденд» помог рывку первых восточноазиатских НИС).¹³⁸ Однако для арабских стран, которые сразу же после окончания «нефтяного бума» попали в полосу стагнации, столь сильное демографическое давление представляет очевидную угрозу. При таком росте рабочей силы Египту, Иордании и Тунису даже в самые благоприятные периоды удавалось несколько смягчить традиционно острую проблему безработицы, но не решить ее. Доля безработных в этих странах только по официальным оценкам не опускается ниже 10–15%, причем наиболее уязвимой категорией являются молодые люди, ищащие первую в своей жизни работу. Естественно, что многочисленная и не имеющая постоянной занятости молодежь является источником постоянного социального напряжения и благодатной почвой для разного рода экстремистских течений.

В том числе по этой причине арабские страны, несмотря на проведенные реформы, по-прежнему самым очевидным образом недоиспользуют свой трудовой потенциал. К 2007 г. даже в рассматриваемых нами относительно благополучных странах региона только 71–72% мужчин трудоспособного возраста име-

¹³⁷ Данные World Bank World Development Indicators 2009.

¹³⁸ Считается, что увеличение удельного веса лиц трудоспособного возраста способствует росту нормы сбережения, помогая тем самым финансировать инвестиции, необходимые для ускоренного развития.

ли работу или активно ее искали, то есть относились к рабочей силе. Причем в Египте данный показатель упал по сравнению с 1990 г. с 74% до 71%, в Тунисе – с 76% до 71%, и только в Иордании вырос с 68% до 72% (а ведь эти значения нужно еще скорректировать на устойчиво высокую безработицу). Это беспрецедентно низкий уровень для азиатских стран: в Иране и Вьетнаме показатель участия мужчин в рабочей силе составляет 75–76%, в Малайзии и Таиланде – 80–81%, в Бангладеш, Индонезии и Пакистане – 85–86%.¹³⁹ Что касается участия женщин в трудовой деятельности, то здесь ситуация еще более плачевная. В Иордании доля работающих или ищущих работу женщин составляет всего 16% (по сравнению с 11% в 1990 г.), в Египте – 24% (столько же, сколько и в 1990 г.) в Тунисе – 26% (в 1990 г. – 21%). Безусловно, главную роль здесь играют традиции ислама, которые отводят женщине роль матери и домохозяйки. Однако, как показывает опыт других преимущественно мусульманских стран Азии, религиозные нормы не являются непреодолимым препятствием для укрепления прав и независимости женщин. Если в Пакистане и Иране показатель участия женщин в рабочей силе находится на сопоставимом уровне (21% и 32% соответственно), то в Малайзии он уже достиг 45%, в Индонезии – 50% и в Бангладеш – 57%.

Неудивительно, что в арабском мире наиболее распространена дискриминация женщин в доступе к образованию. В Марокко уровень грамотности среди женщин составляет лишь 60% от аналогичного показателя среди мужчин, в Египте – 71%, в Алжире – 76%, в Тунисе – 78% и только в Иордании (91%) и большинстве монархий Персидского залива этот показатель достигает отметки 90%. Таким образом, наиболее населенные арабские страны отстают по этому показателю не только от Восточной Азии (99%), но и от Тропической Африки (84%) и Южной Азии (81%).¹⁴⁰ Получается замкнутый круг: отсутствие работы и затрудненный доступ к образованию препятствуют снижению fertильности, а по-прежнему высокие темпы роста населения и особенно рабочей силы ведут к безработице и, следовательно, еще сильнее ограничивают возможности арабских женщин найти работу.

¹³⁹ Данные из World Bank World Development Indicators 2009.

¹⁴⁰ UNDP, Regional Bureau for Arab States, Arab Human Development Report 2009. P. 255.

В результате всех этих особенностей даже в Египте, Иордании и Тунисе в создании валового продукта (естественно, имеется в виду формальный сектор экономики) участвует всего порядка 40% населения старше 15 лет. Причем за годы реформ этот показатель существенно вырос только в Иордании (с 36% в 1990 г. до 39% в 2007 г.), в то время как в Тунисе он увеличился с 41% до 42%, а в Египте снизился с 43% до 42%. Во всех значительных азиатских странах доля занятого населения намного выше: от 48% в Иране и 51% в Пакистане до 61% в Малайзии, 62% в Индонезии и 69% в Бангладеш, 71% во Вьетнаме и 72% в Таиланде.¹⁴¹ А ведь это означает, что при одном и том же уровне производительности труда уровень ВВП на душу населения в арабских странах будет минимум в полтора раза меньше. Кроме того, демографическое давление в виде быстрого роста рабочей силы объясняет, почему правительства небогатых арабских стран готовы всеми способами поддерживать занятость, даже ценой падающей производительности, и весьма осторожно относятся к торговой либерализации, которая может привести к сокращению рабочих мест в менее конкурентоспособных отраслях. В их глазах задачи повышения эффективности экономики и производительности труда могут входить в конфликт (хотя зачастую лишь воображаемый) с политикой поддержки занятости, и это без сомнения накладывает свой отпечаток на экономическое развитие арабских стран.

На самом деле, если представить прирост ВВП на душу населения как сумму прироста выпуска на одного работника и динамики уровня занятости относительно всего населения страны, то получится, что отставание арабских стран по росту продукта на душу населения объясняется именно более низкой динамикой производительности труда.¹⁴² Например, в Египте при среднем темпе прироста ВВП на душу населения в 1992–2008 гг. в 2,8% в год, средний рост производительности труда составлял

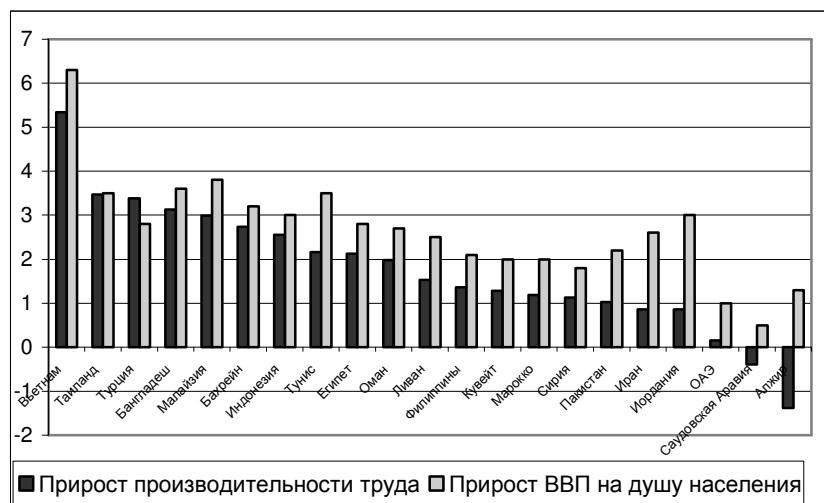
¹⁴¹ Данные World Bank World Development Indicators 2009.

¹⁴² $Y/P = Y/E * E/P$ или в темповой форме $(y-p) = (y-e) + (e-p)$, где Y , P и E обозначают соответственно объем ВВП, численность населения и общего числа занятых, y , p и e – темпы их прироста, $(y-p)$ и $(y-e)$ – темп прироста ВВП на душу населения и производительности труда. Второе слагаемое можно разлагать и дальше, например, на степень использования трудовых ресурсов и долю рабочей силы в населении ($E/L * L/P$). Это позволит отделить эффект «демографического дивиденда», о котором мы говорили выше, от эффекта недоиспользования трудовых ресурсов из-за безработицы.

всего 2,1% в год (см. диаграмму 3.5). В Иордании достаточно высокий прирост ВВП на душу в 3,0% в год более чем на две трети объяснялся ростом удельного веса рабочей силы в населении (в том числе из-за возвращения большого количества трудовых мигрантов из стран Персидского залива в начале 90-х годов), в то время как производительность труда увеличивалась всего на 0,9% в год. Наконец, в Тунисе в 1992–2008 гг. производительность труда росла быстрее, чем в Египте (на 2,2% в год) и очень велик был «демографический дивиденд» (рост занятости обгонял рост населения на 1,3% в год). В результате темп прироста ВВП на душу населения составил рекордные для арабских стран 3,5% в год. Для сравнения: во Вьетнаме производительность труда в тот же период увеличивалась на 5,3% в год, в Турции и Таиланде – на 3,4–3,5% в год, в Малайзии и Бангладеш – на 3,0–3,1% в год, в Индонезии – на 2,6% в год. И только на Филиппинах (1,4% в год), в Иране и Пакистане (0,9–1,0% в год) рост производительности труда был таким же медленным как в большинстве арабских стран.

Диаграмма 3.5.

Темпы прироста производительности труда и ВВП на душу населения в выбранных странах в 1992–2008 гг.

Рассчитано и составлено по: World Bank World Development Indicators 2009.

В самом общем виде, с чем может быть связано отставание арабских стран по наращиванию производительности труда? Во-первых, с большими объемами неэффективной занятости (в частности, в госаппарате, который в арабских странах действительно непропорционально велик). Во-вторых, с тем, что значительная часть накопления капитала в национальном масштабе уходит на то, чтобы просто обеспечить быстрорастущую рабочую силу всем необходимым для труда, а не на повышение капиталовооруженности одного работника. В-третьих, дело может быть в невысоком качестве самих трудовых ресурсов в арабских странах (проблемы с трудовой этикой, неумение работать «60 минут в час», невостребованность знаний и умений, которые дает система образования и т.д.).¹⁴³ В-четвертых, накопленный физический капитал может быть или невысокого качества (устаревшее оборудование и технологии, мало прямых иностранных инвестиций), или его реальный объем может быть сильно переоценен.¹⁴⁴ Все эти проблемы были и остаются актуальными для «ненефтяных» арабских стран, несмотря на определенные сдвиги к лучшему, в частности, некоторому снижению занятости в госсекторе (если не за счет госаппарата, то за счет госпредприятий) и притоку значительных объемов ПИИ.

Однако главной причиной является неэффективность производственных структур стран региона. Как уже неоднократно отмечалось в данной работе, приток «легких» валютных доходов (экспорт нефти и газа, переводы от трудовых мигрантов, официальная помощь и с недавних пор инвестиции из нефтедобывающих монархий) на протяжении долгого времени позволял им импортировать широкий круг потребительских и инвестиционных товаров, не особенно заботясь о поддержке экспорта. Это усилило внутреннюю ориентацию данных стран, которая и без того вытекала из избранной ими

¹⁴³ О том, почему весьма существенные достижения арабских стран в сфере образования не привели к росту эффективности их экономик, *Pritchett L. Has Education Had a Growth Payoff in the MENA Region?* World Bank Discussion Paper, 1999.

¹⁴⁴ О том, что цена капитальных товаров в Египте, Иордании и Тунисе сильно завышена по сравнению с другими компонентами ВВП, свидетельствуют в частности результаты расчета ППС Всемирного банка, приведенные ранее в этом же разделе настоящей работы.

стратегии импортзамещающего развития. Конечно, фримдерские представления о том, что экономика будет максимально эффективной, если полностью откроется мировому рынку и будет производить для него те товары, в которых имеет относительное преимущество, так же далеки от экономической действительности арабских стран, как, например, концепции рынка совершенной конкуренции и экономики без транзакционных издержек. Но реальность такова, что правительства арабских стран были склонны ограничивать не только внешнюю, но и внутреннюю конкуренцию (чего стоят положения тунисских инвестиционных сводов о «насыщении рынка» силами одной или нескольких компаний). В этих условиях экспортные отрасли безусловно имели бы больше стимулов для повышения производительности труда по сравнению с отраслями, работающими на внутренний рынок. А значит слабость экспорта «ненефтяных» арабских стран и их преимущественно внутренняя ориентация – это тоже одна из причин отставания по темпам роста производительности труда. Это, с одной стороны.

С другой, мог ли приток валютных трансфертов привести к возникновению «голландской болезни» в «ненефтяных» арабских странах, то есть к повышению уровня цен в защищенном от внешней конкуренции (так называемом «неторгуемом») секторе экономики и притоку в него капиталов и рабочей силы из «торгуемого» сектора?¹⁴⁵ Конечно, это само по себе тема для отдельного большого исследования, и мы не будем углубляться в нее. Но на наш взгляд, такое вполне могло иметь место, особенно если учесть, что приток валютных ресурсов (переводов от трудовых мигрантов и официальной помощи) в «ненефтяные» арабские страны был зачастую сопоставим по значению с дохо-

¹⁴⁵ К «неторгуемым», или защищенным от иностранной конкуренции секторам экономики, как правило, относят большую часть сферы услуг, строительство и инфраструктурные отрасли промышленности (замещение импортом здесь практически невозможно из-за транспортных издержек, особенностей производимой продукции и т.д.). К «торгуемым секторам», цены на продукцию которых приближены к ценам на мировом рынке, относятся сельское хозяйство, обрабатывающая и добывающая промышленность, а также та часть сферы услуг, которая открыта для внешней конкуренции. Следует отметить, что при помощи высоких таможенных пошлин и других барьеров правительства могут превратить отрасль из «торгуемой» в «неторгуемую».

дами от экспорта нефти и газа в Алжире и некоторых монархиях Персидского залива. Что можно сказать наверняка – это то, что связанные с «нефтяным бумом» валютные доходы в последнюю очередь направлялись в обрабатывающие отрасли. Частный сектор предпочитал инвестировать в строительство, а государство не стремилось расширять обрабатывающую промышленность за пределы, необходимые для насыщения очень небольших внутренних рынков, которые к тому же имели доступ к импорту.¹⁴⁶ В результате в структуре арабских экономик по сей день доминирует или добывающая промышленность (в странах – экспортёрах нефти и газа), или сфера услуг (во всех остальных). Причем как отмечает «Доклад о человеческом развитии в арабском мире за 2009 г.», эти типы услуг отличаются низкой добавленной стоимостью, мало способствуют приобретению новых знаний и обрекают арабские страны на подчиненное положение на мировых рынках.¹⁴⁷ Можно также добавить, что не способствуют также и быстрому росту производительности труда, поскольку третичный сектор, тем более на Востоке, во многом остается сферой применения полутрадиционного ручного труда и мелких и мельчайших предприятий.

Что касается обрабатывающей промышленности, которая как раз наиболее приспособлена для заимствования технологий и создания большого количества сравнительно продуктивных рабочих мест (в отличие, например, от капиталоинтенсивной, но нетрудоемкой нефтегазовой отрасли), то ее роль в экономике арабских стран очень невелика. Невелика настолько, что, по мнению самих арабских экспертов, арабский мир к 2007 г. стал менее индустриализирован, чем был до начала «нефтяного

¹⁴⁶ Этот доступ для частного сектора был ограничен специальным дискриминирующими обменным курсом, а также лицензиями на импорт, что существенно повышало стоимость зарубежных товаров. Однако еще известный арабский экономист Самир Амин отмечал огромную зависимость стран региона от импорта. По его оценкам, в середине 70-х годов доля импорта в потреблении сельскохозяйственной продукции в арабских странах достигала одной трети по сравнению с 10% в среднем по развивающимся странам. В потреблении промышленной продукции доля импорта и вовсе достигала почти трех четвертей. Что касается производства, то арабские страны импортировали не только почти 100% товаров капитального назначения, но и 43% полупроцессоров или товаров промежуточного потребления. *Amin S. The Arab Economy Today. L., 1982. P. 55–56.*

¹⁴⁷ UNDP, Regional Bureau for Arab States, *Arab Human Development Report 2009. P. 9.*

бума» в 1970 г.¹⁴⁸ Действительно, за исключением Иордании и Туниса, а также ряда небольших монархий Персидского залива во главе с ОАЭ, сумевших построить островки современной обрабатывающей промышленности благодаря своим мощнейшим финансовым ресурсам, удельный вес обрабатывающей промышленности в остальных арабских странах остался на прежнем уровне по сравнению с началом 70-х годов или даже упал. Интересно в этой связи, что Иордания и Тунис – это две сравнительно небольшие экономики, которые сумели существенно расширить свою индустриальную базу благодаря экспортной ориентации (Тунис начал активно поддерживать экспорт начиная с 80-х годов, Иордания – намного позже, со второй половины 90-х годов). В то же время Египет и Марокко обладали к 70–80-м годам куда более развитой обрабатывающей промышленностью, но к концу 2000-х годов ее доля в ВВП не только не выросла, но и снизилась. В целом же удельный вес обрабатывающей промышленности даже в наиболее индустриализированных арабских странах – Иордании, Египте, Тунисе и Марокко – сейчас не превышает 15–20% ВВП, что примерно соответствует уровню Турции, Пакистана и Бангладеш и выше, чем в зависимости от экспорта нефти Иране. Но с другой стороны, это меньше, чем во Вьетнаме и на Филиппинах, не говоря уже о НИС: Индонезии, Малайзии и Таиланде.

Низкие темпы роста обрабатывающей промышленности в арабском мире в 80–2000-х годах означали, что высвобождавшаяся в сельском хозяйстве рабочая сила оседала в полу-неформальной сфере услуг в городах. К сожалению, данные по секторному распределению занятости в арабских странах очень отрывочны, но статистика по наиболее населенной стране региона – Египту – подтверждает это предположение. Накануне старта рыночных реформ в 1989 г. доля занятых в сельском хозяйстве этой страны составляла 42,4%, а в 2006 г. – уже 31,2%. За тот же период доля занятых во всем промышленном секторе (включая добывающую и обрабатывающую промышленность, строительство и инфраструктурные отрасли наподобие электро-, газо- и водоснабжения) выросла незначительно: с 20,7% до 22%. Следовательно, произошла ярко выраженная сервисизация

¹⁴⁸ Доклад о человеческом развитии в арабском мире отличается тем, что готовится именно специалистами из стран региона. UNDP, Regional Bureau for Arab States, Arab Human Development Report 2009. Р. 9.

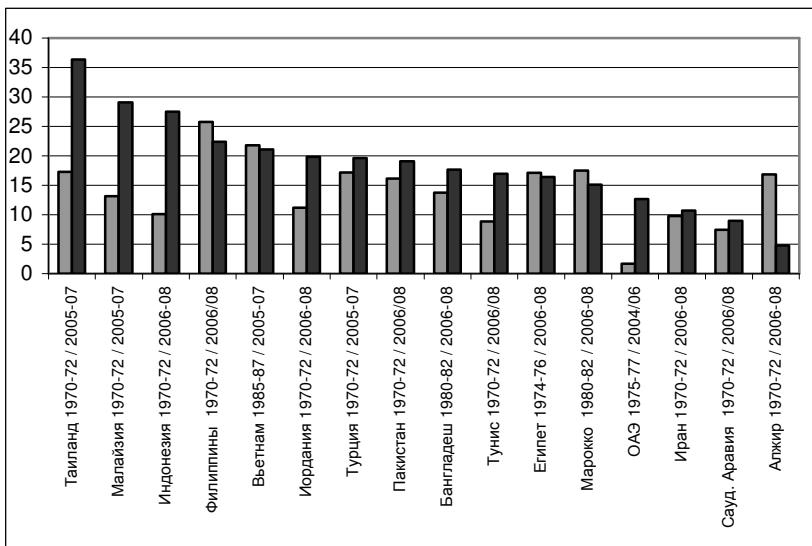
занятости: доля работников сферы услуг выросла с 36,9% до 46,8%. Однако доля третичного сектора в валовой добавленной стоимости в текущих ценах за то же самое время не только не выросла, а снизилась с 52,3% до 47,5%, свидетельствуя о заметном снижении производительности сферы услуг относительно первичного и вторичного сектора.¹⁴⁹ Все это говорит о том, что в 80–2000-х годах для «ненефтяных» арабских стран был закрыт или очень ограничен еще один важнейший канал повышения производительности труда, а именно продолжающийся, хотя и ослабевающий отток рабочей силы из сельского хозяйства в более продуктивные сектора экономики (в данном случае в промышленность).¹⁵⁰

¹⁴⁹ Рассчитано по данным: World Bank World Development Indicators 2009. Удельный вес сельского хозяйства в ВВП в текущих ценах снизился пропорционально сокращению занятости (с 19,7% в 1989 году до 14,1% в 2006 г.), а промышленность была единственным сектором, удельный вес которого в экономике Египта существенно увеличился (с 28 до 38,4% ВВП). Правда, это объяснялось исключительно расширением нефте- и газодобычи на волне роста цен на нефть в середине 2000-х годов, и не сопровождалось существенным ростом занятости.

¹⁵⁰ По оценкам В.А. Мельянцева, на предыдущем этапе в 1960–80 гг. среднегодовой темп прироста производительности труда в арабских странах (4,3–4,4%) почти наполовину (2 проц. пункта) определялся ростом производительности в основных секторах экономики, но в еще большей степени (2,4 пункта) – передислокацией ресурсов труда из аграрного в несельскохозяйственные секторы с их более высокой капиталовооруженностью и эффективностью труда. Мельянцев В.А. Арабо-исламский мир в контексте глобальной экономики. М., 2003, С. 18. В то же время, А.О. Филоник указывает на непосредственную связь между замедлившейся трансформацией структур производства и занятости и слабостью экспорта арабских стран: «Опыт становления целых регионов развивающегося мира, в том числе, отчасти, и арабского, показывает, что традиционные структуры производства и занятости могут изменяться достаточно быстро. Это происходит в тех случаях, когда экономика переводится на рельсы расширения экспорта и поощрения внутреннего спроса за счет национальной товарной продукции. Между тем, в арабском мире возможности этого сильно ограничены. Продукция ненефтяных государств мало востребована на мировых рынках, а их экономики не являются особо притягательным объектом для операций иностранного капитала. Это обусловливает низкую долю внешних источников финансирования инвестиций при слабости внутренних источников накопления». Филоник А.О. Арабский мир и развитие в условиях глобализации // Арабские страны Западной Азии и Северной Африки (новейшая история, экономика и политика), №6, 2007. С. 254–255.

Диаграмма 3.6.

**Удельный вес обрабатывающей промышленности
в выбранных странах в 1970–80-х
и второй половине 2000-х гг.**

Примечание. Сравниваются средние значения за 1970–72 гг. и 2005–07 гг. или, в случае неполноты статистики, – за три первых и три последних года, по которым есть соответствующие данные.

Составлено по World Bank World Development Indicators 2009.

Итак, рыночные реформы в арабских странах стартовали в период высокого демографического давления, вызванного быстрым расширением рабочей силы. Увеличение удельного веса трудоспособного населения открыло перед странами региона новые возможности, которые однако не могли быть в полной мере использованы из-за структурной слабости их экономик. «Ненефтяные» арабские страны получили довольно существенную прибавку к темпам роста ВВП на душу населения в 90–2000-х годах за счет роста доли занятых в населении (так называемого «демографического дивиденда»), но при этом они очень сильно отстали от большинства значительных азиатских экономик по темпам наращивания производительности труда. Выше обозначены несколько причин того, почему продуктивность

труда в арабских странах растет так медленно, несмотря на проведенные реформы. Помимо такой, видимо, объективной, но с трудом формализуемой причины как низкая трудовая этика и невысокое качество трудовых ресурсов, это безусловно связано с тем, что быстрое расширение рабочей силы замедляет рост капиталовооруженности труда. Кроме того, в попытке справиться с постоянной угрозой безработицы правительства «ненефтяных» арабских стран склонны поддерживать даже неэффективную занятость, в том числе ценой ограничения внешнеторговой открытости. В большинстве этих стран только в самое последнее время возник консенсус по поводу необходимости интеграции в мировой рынок за счет снятия барьеров в торговле с ЕС, США и другими ключевыми партнерами. Тем самым они пытаются преодолеть последствия долгих лет внутренней ориентации и зависимости от импорта, финансировавшихся за счет перераспределения потока «нефтедолларов» по странам региона. Именно доступность валютных ресурсов обусловила то, что обрабатывающая промышленность в большинстве «ненефтяных» арабских стран осталась в зачаточном состоянии или даже деградировала по сравнению с началом «нефтяного бума» в 1970-х гг. А ведь именно эта отрасль могла бы вместить высвобождающуюся в сельском хозяйстве рабочую силу, которая вместо этого пополняет ряды занятых в полутрадиционной и низкопроизводительной городской сфере услуг. В то же время стоит отметить, что из-за ограниченного размера внутреннего рынка в большинстве арабских стран задача развития и диверсификации обрабатывающей промышленности требует выхода на внешние рынки, а это выглядит все более сложной задачей из-за господства производителей из Восточной и Юго-Восточной Азии.

3.3. Структурные реформы, сокращение государственного вмешательства и социальная стабильность

Важнейшей целью структурных реформ было создание экономики с ведущей ролью частного сектора, частных инвестиций и частной предпринимательской инициативы. Это предполагало коренное переосмысление роли государства, которое до реформ регулировало цены на большинство товаров, напрямую

контролировало многие отрасли и поддерживало их кредитами госбанков, а также выступало в роли крупнейшего работодателя, аккумулируя избыточную занятость в госаппарате. Эти черты были в разной степени характерны для всех рассматриваемых стран. По прошествии двадцати лет реформ можно утверждать, что их экономические системы проделали большую часть пути к рыночной экономике, а производители и потребители в 90-х и 2000-х годов сталкиваются с намного более рациональной и менее искаженной системой стимулов, чем раньше. Практика установления цен применяется только по отношению к ряду основных товаров потребительской корзины (хлеб, топливо и счета за электроэнергию), чтобы защитить беднейшие слои населения от роста цен. Египет и Иордания применяют эту практику шире, чем Тунис, очевидно, из-за более низкого уровня жизни населения. Особенно актуальными эти меры стали в последние несколько лет из-за роста цен на нефть и скачка продовольственной инфляции. Например, Иордания в 2007 году потратила 2,7% ВВП на субсидирование топлива и 1,8% ВВП на субсидирование продуктов питания. В Египте расходы на эти статьи в 2007/08 г. оказались еще больше: 6,7 и 1,8% ВВП. В Тунисе объем субсидий намного меньше и не превышает 1–2% ВВП.¹⁵¹

После начала реформ все три страны начали очень неспешно и осторожно приватизировать госпредприятия. Однако по-настоящему крупные сделки начались лишь в последние годы, например, Иордания к 2003 году в общей сложности получила от приватизации немногим больше 1 млрд. долл., причем почти 700 млн. из них – от продажи в частные руки единственной компании – Jordan Telecom.¹⁵² Не углубляясь в подробности приватизационных сделок, отметим, что за время реформ удельный вес госсектора во всех трех странах значительно сократился, а частного сектора – возрос. В Египте доля частного сектора увеличилась с 61–62% ВВП в начале 90-х годов до 66–67% в первой половине 2000-х годов, в Иордании – с тех же 61–62% ВВП до 65% ВВП в 2002 г., в Тунисе, где реформы начались раньше – с 57,7% ВВП

¹⁵¹ IMF Country Report. Jordan: 2007 Article IV Consultation. P.5. IMF Country Report, Arab Republic of Egypt: 2008 Article IV Consultation. P.19. IMF Country Report, Tunisia: 2007 Article IV Consultation. P. 22.

¹⁵² Kanaan T. The Changing Role of the Public Sector in the Jordanian Economy, Center for Development Research, University of Bonn Working Paper, 2005. P. 39.

в 1983–86 гг. до 64,6% ВВП в 1996 г.¹⁵³ Если опуститься на уровень отраслей, то в Египте государство по сей день сохраняет контроль над добывающей промышленностью (84,3% продукции в 2006/07 г.), электро- и водоснабжением (на 85,9 и 100 %), Суэцким каналом (на 100%). Приватизация почти не затронула сектор финансовых услуг и страхования (доля госбанков в произведенной стоимости составляла 70,6% в 1991/92 г. и 65,1% в 2006/07 г.). Зато государство практически полностью ушло из обрабатывающей промышленности (всего 12,7% продукции в 2006/07 г.) и транспорта и связи (52,1% продукции в 1991/92 г. и 15,6% в 2006/07 г.).¹⁵⁴ Похожая картина наблюдается и в Иордании (хотя классификация отраслей здесь заметно отличается): государство сохранило контроль над добывающей промышленностью (преимущественно, фосфаты; 91,7% продукции в 2002 г.), а также электро- и водоснабжением (73,5%). Больше всего приватизация затронула сектор транспорта и связи (доля государства снизилась с 57,5% продукции в 1992 г. до 39,7% в 2002 г.). В остальных секторах, включая обрабатывающую промышленность, строительство, финансовые услуги и недвижимость, туризм и торговлю, если верить иорданской статистике, государство и так практически не было представлено.¹⁵⁵

Увеличение удельного веса частного сектора в экономике происходило не только благодаря приватизации, но и благодаря тому, что он стал главной движущей силой экономического роста. К сожалению, из всех стран мы обладаем подробной информацией по вкладу частного и государственного сектора в прирост ВВП только по Египту.¹⁵⁶ Мы рассмотрели два периода ускорения египетской экономики: в 1994/95–1999/2000 гг. и в 2003/04–2008/09 гг. Сразу бросается в глаза, что те сектора, которые выступали локомотивами подъема в первом случае – про-

¹⁵³ Данные Central Bank of Egypt Time Series; Kanaan T. The Changing Role of the Public Sector in the Jordanian Economy, University of Bonn Working Paper, 2005, P. 26; World Bank, Partners for Development: New Roles for Government and Private Sector in the Middle East and North Africa ed. by Fawzy S., Galal A., 1999, P. 40.

¹⁵⁴ Рассчитано по: Central Bank of Egypt Time Series.

¹⁵⁵ Kanaan T. The Changing Role of the Public Sector in the Jordanian Economy, Center for Development Research, University of Bonn Working Paper, 2005. P. 24–26.

¹⁵⁶ Можно лишь отметить еще, что в 1992–2002 гг. вклад частного сектора в экономический рост в Иордании (в среднем 6,4% в год) составлял порядка 70%. Рассчитано по: Kanaan T. The Changing Role of the Public Sector in the Jordanian Economy, Center for Development Research, University of Bonn Working Paper, 2005.

Таблица 3.5.

**Вклад частного и госсектора
в прирост добавленной стоимости в Египте**

Отрасль	1994/95–1995/96		
	Госсектор	Частный сектор	Всего
Вся экономика	1,0	3,8	4,8
Добыч. и обраб. пром.-ть (без нефти)	0,2	1,1	1,3
Торговля	-0,1	1,0	0,9
Сельское хозяйство	0,0	0,5	0,5
Транспорт и связь	0,2	0,3	0,4
		1997/98–1999/2000	
Вся экономика	-0,4	5,5	5,1
Добыч. и обраб. пром.-ть (без нефти)	-0,5	2,0	1,5
Торговля	-0,1	1,1	1,1
Сельское хозяйство	0,0	0,6	0,6
Транспорт и связь	-0,4	0,8	0,4
Госуслуги	0,4	0,0	0,4
		2003/04–2006/07	
Вся экономика	1,8	3,9	5,7
Обрабатывающая пром.-ть	0,1	0,8	0,9
Добывающая пром.-ть	0,4	0,1	0,6
Торговля	0,0	0,6	0,6
Сельское хозяйство	0,0	0,5	0,5
Рестораны и отели	0,0	0,5	0,5
Строительство	0,0	0,4	0,4
Суэцкий канал	0,4	0,0	0,4
		2007/08–2008/09	
Вся экономика	2,0	3,9	5,9
Обрабатывающая пром.-ть	0,1	0,9	0,9
Добывающая пром.-ть	0,5	0,2	0,7
Строительство	0,1	0,5	0,6
Сельское хозяйство	0,0	0,5	0,5
Рестораны и отели	0,0	0,5	0,5
Связь	0,1	0,4	0,5
Торговля	0,0	0,4	0,4
Правительственные услуги	0,4	0,0	0,4

Примечания. 1. Указаны только те отрасли, вклад которых в прирост ВВП превышает 0,4 проц. пункта. 2. После 2001/02 г. была введена новая классификация отраслей (в частности, стала отдельно выделяться обрабатывающая промышленность), поэтому они не полностью соответствуют друг другу между периодами. 3. Первый эпизод подъема египетской экономики (1994/95–1999/2000 гг.) разбит на две части из-за того, что ряды данных в постоянных ценах прерываются в 1996/97 г. До этого значения идут в ценах 1991/92 г., потом – 1996/97 г. Второй период разбит на две части по той же причине: в 2003/04–2006/07 гг. ВВП измерен в ценах 2001/02 г., в 2007/08 – 2008/09 гг. – в ценах 2006/07 г.

Рассчитано и составлено по: Central Bank of Egypt Time Series.

мышленность без нефтедобычи и нефтепереработки, торговля, сельское хозяйство – получили ускоренное развитие именно благодаря частным компаниям. Совокупный вклад предприятий госсектора в прирост ВВП был очень небольшим или в некоторых случаях даже отрицательным (вероятно, из-за приватизации). Во время второго эпизода роста госсектор играл уже большую роль, потому что стали расти доходы от экспорта нефти и газа и эксплуатации Суэцкого канала. В результате его вклад в прирост ВВП достиг примерно одной трети. Несколько настораживает то, что даже при столь благоприятной конъюнктуре вклад частного сектора в экономический рост в целом уменьшился по сравнению с первым периодом. С другой стороны, положительным знаком можно считать то, что самый большой вклад в прирост ВВП по-прежнему вносит частная обрабатывающая промышленность – сектор, который больше всего открыт для конкуренции с иностранными компаниями и притока новых технологий.

Подъем частного сектора был поддержан расширением банковского кредита – особенно наглядно это видно на примере Египта и, в меньшей степени, Иордании. До реформ большая часть ресурсов египетской банковской системы уходила на финансирование бюджетного дефицита и поддержку госпредприятий. Например, в 1991 г. совокупный объем кредита частным компаниям более чем в два раза уступал кредиту, полученному правительством и госсектором вкупе приобретенными долговыми обязательствами государства. Однако уже с 1994–95 гг. в стране начался кредитный бум: кредит частным компаниям более чем удвоился с 21,2% ВВП в 1993 г. до 47,7% ВВП в 2000 г. – и в 1,7 раза превысил долю заимствований госсектора (см. диаграмму 4 в Приложении). Это стало одним из важнейших факторов первого послереформенного эпизода роста в Египте. Начавшееся вслед за этим трехлетнее замедление в 2001–03 гг. в свою очередь не в последнюю очередь было связано со свертыванием банковского кредита в результате жесткой монетарной политики, увеличения количества «плохих долгов» и ряда финансовых скандалов. Интересно, что стартовавшая после скачка цен на нефть вторая волна экономического роста в гораздо меньшей степени связана с банковским кредитованием: доля кредита частному сектору в 2007 г. снизилась до уровня десятилетней давности – и все это на фоне роста заимствований правительства.

В отличие от Египта в Иордании и особенно в Тунисе банковская система еще до реформ была ориентирована на кредитование именно частного сектора. Накануне падения цен на нефть в 1985 г. объем кредита частным компаниям в этих двух странах составлял порядка 50–60% ВВП (в два раза больше, чем в Египте), а заимствования госсектора составляли менее 20% ВВП в Иордании и менее 10% ВВП в Тунисе. В Иордании еще произошел всплеск заимствований госсектора во время кризиса 1988–89 гг., но впоследствии кредит частным компаниям рос намного быстрее и на фоне подъема последних лет приблизился к 90% ВВП. К сожалению, мы не обладаем самой последней статистикой по Тунису, но те цифры, которые есть в нашем распоряжении, свидетельствуют о том, что государство здесь в наименьшей степени прибегает к банковским заимствованиям (что неудивительно, если вспомнить, что в этой стране самый низкий бюджетный дефицит), а кредит частному сектору в 90-х годах находился на уровне 50–60% ВВП.

На снижение роли государства в экономиках рассматриваемых стран указывает заметное сокращение доли государственного потребления в ВВП.¹⁵⁷ Что интересно, по этому показателю самым большим реформатором оказался Египет, в котором удельный вес госпотребления снизился с 17–18% ВВП в середине 80-х годов до 10–11% ВВП в настоящее время. В Тунисе доля госпотребления снизилась гораздо слабее: с тех же 17–18% ВВП до 14–15% ВВП. Самым высоким уровень вмешательства государства был и остается в Иордании (26–27% ВВП в середине 80-х годов и 21–22% ВВП в настоя-

¹⁵⁷ Конечно, не следует слепо верить в то, что, чем ниже уровень госрасходов и вообще чем меньше в экономике государства, тем лучше. Гораздо важнее то, способно ли оно осуществлять благоприятную для роста экономическую политику и обеспечивать адекватный набор стимулов и институтов. А ведь такие идеи по-прежнему поднимаются некоторыми ультралиберальными экономистами, в том числе в нашей стране (см. например статью бывшего экономического советника российского президента А. Илларионова «Цена социализма», опубликованную 12 апреля 1999 г. на сайте http://www.libertarium.ru/l_lib_socprice) и ответ на нее Бельчука А.И. и Фридмана Л.А. Либеральный фундаментализм // Независимая газета, номер от 13 мая 2000 года. Доступно в интернете по ссылке http://www.ng.ru/polemics/2000-05-13/8_fundamental.html. А также статью Мельянцева В.А., Фридмана Л.А. и Видясова М.В. Госрасходы и экономический рост, МЭИМО, М., 1999, № 11.

щее время).¹⁵⁸ Это объясняется, прежде всего тем, что королевство является обладателем пожалуй самого раздутого госаппарата: на 2002 г. в секторе государственных услуг было занято 306,6 тыс. человек, или 30,3% всей рабочей силы.¹⁵⁹ Вместе с тем, как мы отмечали выше, при пересчете в паритетах покупательной способности доля госпотребления в валовом продукте всех трех стран возрастает в разы и, в частности, Египет приближается по этому показателю к Иордании, а страной с наименьшим вмешательством государства оказывается Тунис. Показатель госпотребления к ВВП занижает степень государственного вмешательства в экономику еще и потому, что не учитывает продовольственные и топливные субсидии. Зато они учитываются в показателе удельного веса госрасходов в ВВП. Мы рассмотрим эту, а также некоторые другие характеристики бюджетов данных стран, которые могут дать представление о размере, эффективности и приоритетах государства в Египте, Тунисе и Иордании.

Итак, показатель доли госрасходов в ВВП указывает на то, что самым низким вмешательство государства в экономику является в Тунисе (26,8% ВВП в 2004–05 гг.), а самым высоким – в Иордании (38,3% ВВП). Несмотря на это, вмешательство государства именно в Тунисе при прочих равных условиях является наиболее продуктивным, потому что в госрасходах этой страны выше всего доля инвестиционной составляющей (25% по сравнению с 20,6% в Иордании и 14,3% в Египте) – а о значении для экономики государственных инвестиций в инфраструктуру лишний раз можно не говорить. В то же время Тунис получает самый высокий доход от налогов (21% ВВП), а по доле покрываемых им госрасходов находится просто вне конкуренции (79% против 49% в Иордании и 44% в Египте)!¹⁶⁰

¹⁵⁸ Данные в текущих ценах Central Bank of Egypt Time Series, Central Bank of Jordan Yearly Statistical Series, Tunisia National Institute of Statistics, WDI 2003 CD-Rom.

¹⁵⁹ Kanaan T. The Changing Role of the Public Sector in the Jordanian Economy, Center for Development Research, University of Bonn Working Paper, 2005. Р. 9. Причем, что характерно и для Иордании, и для Египта, и для Туниса при снижающейся занятости на госпредприятиях доля работающих в госаппарate практически не падает.

¹⁶⁰ Помимо всех рассуждений о «ресурсном проклятии» (экспорт нефти в Египте) и нестабильности притока трансфертов (в Иордании), эти показатели зачастую рассматриваются как свидетельство силы государства и доверия к нему граждан,

Таблица 3.6.

Некоторые показатели силы и ответственности государства в Египте, Тунисе и Иордании, 2004–05 гг.

	Тунис	Иордания	Египет
Госрасходы, % ВВП (1)	26,8	38,3	31,8
Госинвестиции, % ВВП (2)	6,7	7,9	4,6
Доля инвестиционных расходов (1) / (2)	25,0	20,6	14,3
Налоги, % ВВП	21,0	18,7	14,0
Баланс бюджета с грантами, % ВВП	-3,0	-3,4	-9,3
Баланс бюджета без грантов, % ВВП	-3,0	-11,4	-10,0
Госдолг, % ВВП	58,9	86,3	81,5
Доля кредита правительству в совокупном кредите	12,6	19,3	31,0
Доля госинвестиций в валовом накоплении	28,8	25,7	26,1
Сбережения правительства, % ВВП (3)	3,9	4,6	-2,0
Баланс сбережений и инвестиций государства (3) – (2)	-2,8	-3,4	-6,6

Примечание. Чтобы добиться максимально полной сопоставимости данных, использовались только однотипные отчеты МВФ, которые предполагают соблюдение определенных стандартов при подборе и обработке информации.

Рассчитано и составлено по: IMF Country Report, Arab Republic of Egypt: 2007 Article IV Consultation, P. 23–24; IMF Country Report, Jordan: 2008 Article IV Consultation, P. 23; IMF Country Report, Tunisia: 2007 Article IV Consultation, P. 22.

В добавок ко всему вышесказанному в Тунисе самый низкий дефицит бюджета (3% ВВП). Рядом с ним стоит Иордания (3,4% ВВП), но без учета официальных трансфертов дефицит бюджета королевства трудно охарактеризовать как устойчивый (11,4% ВВП). То же самое можно сказать и про Египет (дефицит около 9–10% ВВП). Неудивительно, что в Тунисе самая низкая величина госдолга (58,9% ВВП по сравнению с 86,3% ВВП в Иордании и 81,5% ВВП в Египте), а также меньше всего банковских кредитных ресурсов уходят на нужды госсектора (12,6% совокупного кредита по сравнению с 19,3% в Иордании и 30,1% в Египте). Интересно, что доля госинвестиций в валовом накоплении основного капи-

которые, отдав значительную часть своего дохода в виде налогов, в большей степени склонны требовать от властей соблюдения их прав и интересов. Крайний случай здесь – это нефтяные монархии, которые не обременяют своих подданных налогами, но и практически не подотчетны им. Luciani G. The Oil Rent, the Fiscal Crisis of the State and Democratization // The Renewal of Politics in the Muslim World ed. by Salame G., London, 2001. P. 87.

тала во всех трех странах примерно одинакова и находится в пределах 25–29%, но если Тунис и Иордания (а без учета трансфертов – только Тунис) хотя бы частично финансируют госинвестиции из собственных сбережений (разница между текущими доходами и расходами бюджета), то Египет – целиком за счет средств, привлеченных у той же банковской системы. А это неизбежно ведет к росту ставки процента и удорожанию кредитных ресурсов для частного сектора. Если же распределение кредита осуществляется не вполне рыночными методами, то результат тот же самый: затрудненный доступ к кредиту для частных компаний.

Вместе с тем, об эффективности госрасходов можно косвенно судить по достигнутым показателям человеческого развития (хотя речь здесь, конечно, может идти только об очень длительном промежутке времени, поскольку эффект от инвестиций в здравоохранение и образование полностью проявляется только спустя годы или даже десятилетия). В случае ненефтяных арабских стран подобный критерий выглядит тем более оправданным, что после получения независимости именно государство взяло в них роль главного, если не единственного борца с неграмотностью и другими социальными проблемами. К 2008 г. на этом поприще сложилась следующая картина: Тунис опережал Иорданию и Египет по средней ожидаемой продолжительности жизни (74,3 года против 72,7 и 70,1 лет соответственно), а по уровню грамотности среди взрослых (78%) уступал Иордании (92,2%), но заметно опережал Египет (66,4%).¹⁶¹ При этом следует учесть, что более высокая грамотность в Иордании во многом объясняется более высоким уровнем урбанизации: по состоянию на 2005 год 82,3% иорданцев проживали в городах по сравнению с 65,3% тунисцев и всего 42,8% египтян.¹⁶² Таким образом, Тунис при не самых больших совокупных госрасходах сумел добиться наиболее заметных успехов в человеческом развитии.

Вместе с тем, говоря о роли государства в рассматриваемых странах, нельзя забывать о том, что оно вынуждено брать на себя многие дополнительные функции. Например, Египет и Иордания вынуждены много инвестировать, чтобы как-то спра-

¹⁶¹ Данные World Bank World Development Indicators Online Dataset. В статистике Всемирного банка взрослыми считаются лица старше 15 лет.

¹⁶² Arab Human Development Report 2009. Р. 232.

виться с острым дефицитом площадей, пригодных для сельского хозяйства и просто для нормального проживания. Однако еще большее значение имеет сложная социальная и демографическая ситуация. Как мы уже отмечали в предыдущем разделе, Египту, Иордании и Тунису характерен очень быстрый рост рабочей силы, поэтому правительства этих стран пытаются всячески поддерживать занятость, зачастую используя при этом не самые эффективные методы наподобие создания рабочих мест в и без того раздутом госаппарате. Несмотря на это, во всех из них существует хронически высокая безработица, которая только по официальным и, скорее всего, сильно заниженным данным достигала в 2008 г. в Египте 8,7%, в Иордании – 12,7% и в Тунисе в 2005 г. – 14,2%.¹⁶³ Причем более высокий уровень безработицы в Тунисе, вполне возможно, отражает именно наибольшую полноту и объективность статистических данных.

Такая острая социальная проблема, как бедность, тоже остается актуальной для рассматриваемых стран. Данные, основывающиеся на одном из международных критериев бедности – потребление менее 2 долл. в ППС в день на человека – свидетельствуют о том, что в 2005 г. 18,5% населения Египта, то есть практически каждый пятый или порядка 14–15 миллионов человек, существовали в условиях крайней нужды. По сравнению с 1991 г. есть некоторая положительная динамика (тогда данный показатель составлял 27,6%, или 16–17 млн. чел.), но это по-прежнему недопустимо много для того, чтобы поддерживать социальный мир в столь плотно заселенной стране, как Египет. В Иордании положение на первый взгляд вполне благоприятное: доля бедных по данному критерию в 1987 г. составляла всего 2% населения, а к 2006 г. выросла, но незначительно – до 3,5%. Но за тот же период она достигала 14,9% в 1992 г. и 11% в 2003 г., а значит социальная ситуация в стране только-только выправилась до уровня, существовавшего до финансово-экономического кризиса 1987–88 гг. Наконец, в Тунисе доля населения с потреблением меньше 2 долл. в день хотя и снизилась почти вдвое (с 25,1% в 1985 г. до 12,8% в 2000 г.), но по-прежнему остается достаточно высокой.

Национальные данные по уровню бедности в Египте, Иордании и Тунисе, хотя и весьма разрозненные, также свидетельствуют о том, что до окончательного преодоления этой проблемы еще

¹⁶³ Данные World Bank World Development Indicators Online Dataset.

далеко. В Египте за чертой бедности по внутренним критериям в 1999/2000 г. проживало 16,7% населения по сравнению с 25% в 1990/91 г., в Иордании в 2002 г. – 14,2% населения по сравнению с 21,3% в 1997 г. и в Тунисе в 1995 г. – 7,6% населения по сравнению с 11,2% в 1985 г.¹⁶⁴ То, что достигнутые успехи являются достаточно хрупкими, было еще раз продемонстрировано в 2007–08 гг., когда скачок мировых цен на топливо и продовольствие поставил на грани выживания миллионы людей в этих трех странах и вынудил правительства снова прибегнуть к такому инструменту, как прямое субсидирование цен из бюджета.

Есть несколько причин, почему за годы реформ не произошло кардинального улучшения ситуации с бедностью. Помимо не самых высоких темпов роста ВВП это объясняется тем, что рыночные преобразования в целом не привели к более справедливому распределению общественного продукта, чем это было раньше. Единственная страна, где степень неравенства в распределении доходов, измеренная коэффициентом Джини, снизилась – это Тунис. Правда, именно в этой стране неравенство изначально было самым высоким: 0,434 в 1985 г. и 0,408 в 2000 г. В Египте и Иордании острота неравенства за годы рыночных преобразований выросла: в Египте коэффициент Джини увеличился с 0,320 в 1991 г. до 0,321 в 2005 г., в Иордании – с 0,361 в 1987 г. до 0,377 в 2006 г. Тем не менее, увеличение коэффициента в обеих странах было не очень значительным, и он остался в пределах 0,3–0,4, которые, как считается, свидетельствуют о сравнительно равномерном распределении дохода.¹⁶⁵

Расчеты по другому, более простому показателю неравенства – отношению доли 10% самых богатых граждан в доходах общества к доле 10% самых бедных – дают похожие результаты. В Тунисе неравенство снизилось (отношение доходов самых

¹⁶⁴ Данные World Bank World Development Indicators 2009, World Bank Development Policy Review, Jordan: a Reforming State in a Volatile Region, 2002. Национальные критерии бедности, видимо, лучше отражают специфику отдельных стран, чем международные (потребление на душу населения менее 1,25 или 2 долл. в ППС в день). Однако полученные таким образом значения, как правило, достаточно разрознены и хуже сопоставимы между собой.

¹⁶⁵ Коэффициент Джини измеряет степень, в которой распределение дохода (или, в некоторых случаях, потребления) среди индивидов или домохозяйств отличается от совершенно равногого распределения. Значение коэффициента, равное 0 соответствует абсолютно равному распределению, а значение, равное 1 – абсолютному неравенству, когда все богатство сосредоточено в руках единственной группы.

богатых 10% к самым бедным 10% снизилось с 15,5 в 1985 г. до 13,2 в 2000 г.), в Иордании выросло (с 9,1 в 1987 г. до 10,2 в 2006 г.) и в Египте осталось на прежнем уровне (7,1 в 1991 г. и 7,1 в 2005 г.). При этом в Тунисе уменьшилась доля самых богатых (с 34,1% до 31,6% общественного дохода) и выросла доля самых бедных (с 2,2% до 2,4%). В то же время в Египте богаче стали как самые богатые (27,6% по сравнению с 26,3%), так и самые бедные (3,9% по сравнению с 3,7%), а в Иордании богатые стали еще богаче (30,7% по сравнению с 28,2%), а бедные – еще беднее (3,0% по сравнению с 3,1%).¹⁶⁶

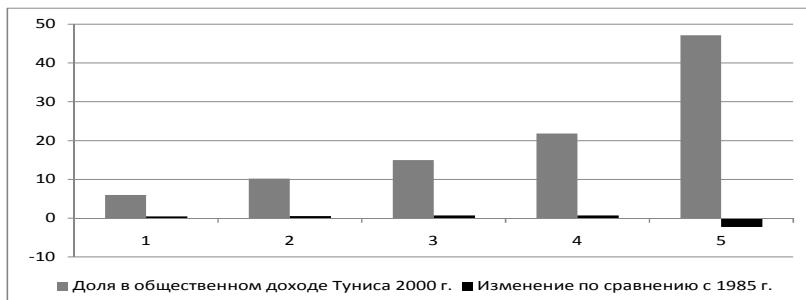
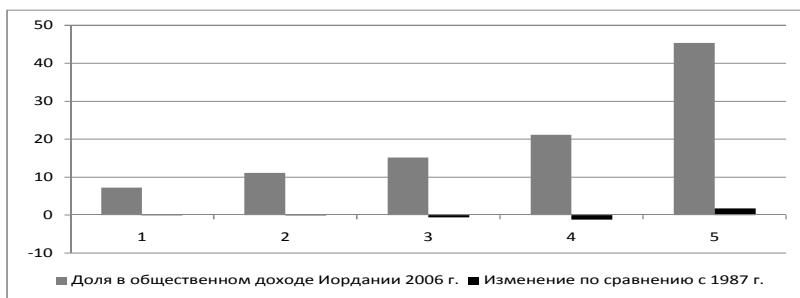
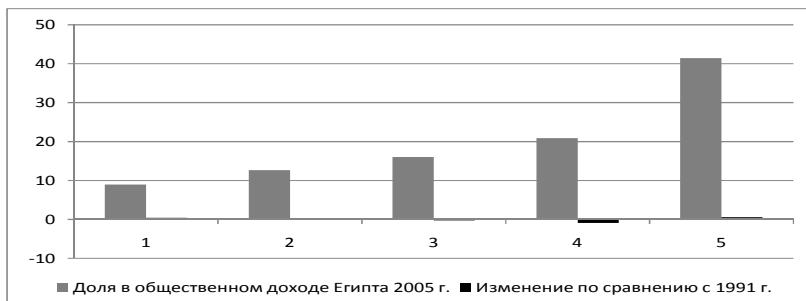
Как оказались рыночные реформы на положении тех, кого можно условно назвать неким «средним классом», а именно средних 60% населения по доходам? В Египте и Иордании их доля в общественном доходе снизилась с 50,6% в 1991 г. до 49,6% в 2005 г. и с 49,2% в 1987 г. до 47,4% в 2006 году соответственно. Тунис – единственная страна, где удельный вес этой прослойки в общественном доходе вырос: с 45% в 1985 г. до 46,9% в 2000 г. Но этот рост изначально происходил с самого низкого среди трех стран уровня и пока не позволил «среднему классу» Туниса достичь такого же положения, как в Египте и Иордании.

Итак, говоря о социальных итогах рыночных реформ, можно утверждать, что ни в одной из трех рассматриваемых странах они не привели к искоренению бедности и переломным успехам в борьбе с безработицей. Что касается перераспределения общественного дохода, то оно было не столь масштабным, как того можно было ожидать, исходя из опыта бывших социалистических стран. Но хотя большого роста неравенства не произошло, настораживает то, что в Египте и Иордании главными бенефициарами реформ стали самые богатые слои населения. В то же время условный «средний класс» остался в относительном проигрыше, а положение самых бедных значительно не улучшилось. Без всякого сомнения, это снижает поддержку рыночных реформ населением и дополнительно осложняет и без того напряженную социальную обстановку. В Тунисе, напротив, общественный продукт оказался распределен более равномерно, однако уровень неравенства остается выше, чем в Египте и Иордании (вероятно, это, является следствием более раннего отхода от плановой экономики и целенаправленного стимулирования частного предпринимательства).

¹⁶⁶ Данные из World Bank World Development Indicators Online Dataset.

Диаграмма 3.7.

**Распределение общественного дохода
по квинтильным (20-процентным) группам
в Египте (вверху), Иордании (в середине) и Тунисе (внизу)**

Рассчитано и составлено по: World Bank WDI Online Dataset.

Примечание: Квинтильные (20-процентные) доли населения рассматриваемых стран расположены в порядке возрастания от самой бедной (1) к самой богатой (5).

До сих пор в качестве показателей прогресса структурных реформ рассматривались, главным образом, макроэкономические индикаторы. Однако их очевидный недостаток заключается в том, что они мало говорят о жесткости тех ограничений, с которыми сталкиваются главные «агенты» рыночных преобразований – частные компании и предприниматели. Чтобы заполнить этот пробел необходимо воспользоваться данными ежегодного исследовательского отчета Всемирного банка, призванного оценить легкость ведения бизнеса в разных странах мира (*Yearly Doing Business Report*).¹⁶⁷ Нас привлекла в нем относительная прозрачность и простота методики расчета индексов, а также то, что они опираются исключительно на «твёрдые» и максимально стандартизованные показатели (наподобие количества процедур, которые нужно совершить, чтобы зарегистрировать свой бизнес, или объема требуемого стартового капитала в процентах от среднего дохода на душу населения в стране).¹⁶⁸ Нет сомнений, что индекс легкости ведения бизнеса еще шире использовался бы в качестве мерила структурных реформ, если бы не его относительно недавняя история (доклад 2009 г. только шестой по счету). Конечно, он имеет свои недостатки. В частности, значимость некоторых его компонентов, очевидно, неодинакова для стран, находящихся на разных стадиях развития. Например, очень низкое место Вьетнама по защите прав инвесторов (здесь имеются в виду права акционеров-миноритариев) вряд ли сейчас имеет большое значение для этой страны, в которой финансирование компаний через фондовый рынок имеет явно второстепенное значение по сравнению с банковским кредитованием.

¹⁶⁷ Его главный аналитический инструмент – генеральный индекс «легкости ведения бизнеса» (*The Ease of Doing Business Index*) – представляет собой среднее невзвешенное десяти компонентов, измеряющих легкость осуществления десяти стандартных бизнес-операций в различных странах с точки зрения потраченного времени и денег: открытия бизнеса (*starting business*), получения разрешения на застройку (*dealing with construction permits*), найма и увольнения сотрудников (*employing workers*), регистрации имущества (*registering property*), получения банковского кредита (*getting credit*), защиты прав инвесторов (*protecting investors*), уплаты налогов (*paying taxes*), осуществления торговых операций с заграницей (*trading across borders*), принуждения к исполнению контрактов (*enforcing contracts*) и, наконец, закрытия бизнеса (*closing business*).

¹⁶⁸ Например, Мировой экономический форум использует в своем «индексе конкурентоспособности роста» (*Growth Competitiveness Index*) помимо «твёрдых» показателей еще и данные опроса предпринимателей.

И хотя по легкости процедур, необходимых для получения кредита, тот же Вьетнам в 2009 г. занял высокую 59-ю строчку, оба этих места учитываются одинаково при определении его итоговой позиции (только 94-я). Точно так же легкость «принуждения к исполнению контракта», во многом характеризующая эффективность судебной системы, имеет для небогатых стран очевидно большее значение, чем некоторые другие компоненты индекса. Вместе с тем, если бы для более развитых и менее развитых стран были установлены разные веса субиндексов, то это могло бы вызвать еще больше вопросов. Поэтому следует обращать большее внимание не на итоговое значение индекса по Египту, Тунису и Иордании, а на их позиции по его отдельным составляющим.

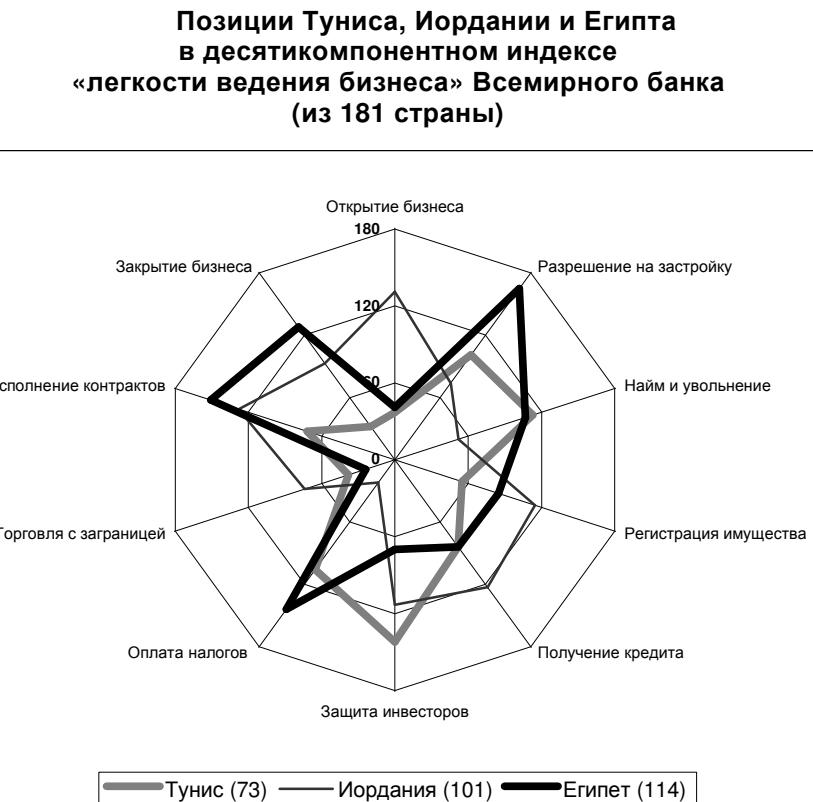
Из рассматриваемых трех стран самая высокая позиция по легкости ведения бизнеса у Туниса – 73-я, причем он занимает самую высокую строчку среди всех арабских стран, не являющихся крупными экспортерами нефти. Иордания находится на 101-й позиции из 181, Египет – на 114-й. По отдельным позициям Иордания и Египет опережают Тунис: например, по легкости торговли с заграницей Египет занимает 24-ю строчку, а Тунис – 38-ю; Иордания находится на 22-м месте по легкости оплаты налогов, а Тунис – на 106-м. В Иордании легче получить разрешение на строительство, а также нанять и уволить сотрудников, чем в двух других странах. В Египте лучше всего обстоит дело с защитой интересов инвесторов. Но по всем на наш взгляд ключевым компонентам Тунис опережает Иорданию и Египет, а это:

- легкость регистрации имущества (Тунис – 55-й, Египет – 85-й, Иордания – 115-я). По оценкам Всемирного банка в 2005 году только 7% из 25 миллионов единиц недвижимости в городах Египта были официально зарегистрированы. А ведь известный латиноамериканский экономист Эрнандо де Сото считает неопределенность прав собственности и, как следствие, «смертьование капитала» важнейшим препятствием на пути развития капиталистических отношений в странах Востока и Юга и, возможно, главной причиной их отсталости;¹⁶⁹

- легкость получения кредита (Тунис делит с Египтом 84-ю позицию, Иордания – на 123-й). Это одно из относительно слабых мест рассматриваемых стран, хотя доступ к кредиту является необходимым условием развития частных фирм;

¹⁶⁹ *De Soto Э. Загадка капитала. Почему капитал торжествует на Западе и терпит поражение во всем остальном мире.* М., 2004.

Диаграмма 3.8.

Составлено по: World Bank and the International Financial Corporation (IFC), Doing Business Report, 2009.

	Тунис	Иордания	Египет
Открытие бизнеса	37	131	41
Разрешение на застройку	101	74	165
Найм и увольнение	113	52	107
Регистрация имущества	55	115	85
Получение кредита	84	123	84
Защита инвесторов	142	113	70
Оплата налогов	106	22	144
Торговля с заграницей	38	74	24
Принуждение к исполнению контрактов	72	128	151
Закрытие бизнеса	32	93	128
Общее	73	101	114

- принуждение к исполнению контрактов (Тунис – 72-й, Иордания – 128-я, Египет – 151-й). Как и с кредитом, с эффективностью судебных систем в рассматриваемых странах дело обстоит не лучшим образом. Эти две сферы объединяет то, что в отличие, например, от либерализации внешнеторговых операций, реформа судебной и банковской системы – это намного более трудоемкий процесс, в который прямо или косвенно вовлечено множество людей и который требует изменения целой системы сложившихся норм и институтов (а не подготовки одного или двух новых законов). Поскольку в патерналистской экономике, яркий образчик которой до недавнего времени являли собой рассматриваемые страны, банки выполняют ограниченные функции и, в частности, неохотно работают с частным сектором, а роль судов как инструмента решения хозяйственных споров очень невелика, то неудивительно, что в этих сферах успехи Туниса, Иордании и Египта пока весьма скромны. Тем не менее, внушает оптимизм и то, что у каждой из рассматриваемых стран есть сферы (причем различные), в которых они уже вошли в число 50 лидирующих стран мира по легкости ведения бизнеса. У Египта – это открытие бизнеса и торговля с заграницей, у Иордании – оплата налогов, у Туниса – открытие и закрытие бизнеса и торговля с заграницей.

3.4. Перед лицом мирового экономического кризиса

По прогнозам Международного валютного фонда в 2012 и 2013 гг. мировой ВВП увеличится соответственно на 3,3% и 3,9%, продолжая тенденцию к замедлению мировой экономики после достаточного быстрого выхода из кризисной рецессии (в 2010 г. рост составил 5,2%, а уже в 2011 г. – всего 3,8%).¹⁷⁰ Причем более интенсивный рост наблюдается в ряде развивающихся стран, известных как «формирующиеся экономики» (emerging economies), в то время как большинству развитых государств только предстоит *полностью* очистить финансовые балансы и обуздеть рост госдолга, за счет которого «тушился» полыхавший финансовый пожар.

¹⁷⁰ IMF World Economic Outlook Update January 2012, P.2. По оценкам МВФ, прирост ВВП в развитых странах составит 2,7% в 2010 году и 2,2% в 2011 году после падения на 3% в 2009 году. В развивающихся странах темп прироста ВВП в 2010–2011 гг. составит 6,5–7,0% после увеличения на 2,5% в 2009 году.

Экономики Ближнего Востока и Северной Африки, как ожидается, будут расти практически синхронно с мировой экономикой (на 3,2% в 2012 г. и 3,6% в 2013 г.), также замедлившись по сравнению с 2010 г. (рост на 4,3%). Это соответствует уровню также сильно зависящей от нефтегазового экспорта России (3,3% в 2012 г. и 3,5% в 2013 г.), а также стран Латинской Америки (соответственно 3,6% и 3,9%), но медленнее, чем в странах СНГ за исключением РФ (4,4% и 4,7%) и Тропической Африке (5,5% и 5,3%), не говоря уже о странах АСЕАН, Индии и Китае.¹⁷¹ Кроме того, это меньше, чем было на самом Ближнем Востоке и в Северной Африке в благополучных 2003–07 гг., когда темпы прироста ВВП региона составляли от 5% до 7% в год.¹⁷²

Оживление экономической активности на Ближнем Востоке поддерживалось, по крайней мере, двумя факторами – это восстановление мировых цен и спроса на сырье и государственные программы поддержки совокупного спроса. Совокупный профицит счета текущих операций стран Ближнего Востока и Северной Африки должен вырасти с 2,4% ВВП в 2009 г. и 7,7% ВВП в 2010 г. до 11,2% ВВП в 2011 г. и 9% ВВП в 2012 г., свидетельствуя о новом внешнем импульсе развитию региона.¹⁷³ В то же время страны – экспортёры нефти, в частности, Саудовская Аравия и Кувейт развернули масштабные программы инфраструктурного строительства и другие стимулирующие меры, что привело к оживлению инвестиций и трансфертов из стран Персидского залива и сыграло стимулирующую роль для остальных государств региона. С другой стороны, экономический рост в регионе сдерживается медленным подъемом стран ЕС и других развитых стран, который ограничивает рост экспорта, доходов от туризма и трансфертов в странах Северной Африки.

Насколько сильно мировой экономический кризис повлиял на Египет, Тунис и Иорданию, и каковы перспективы этих экономик в ближайшем будущем? Прежде чем ответить на этот вопрос, мы рассмотрим, насколько расширился финансовый сектор

¹⁷¹ IMF World Economic Outlook January 2012, P. 2. По классификации МВФ, Ближний Восток и Северная Африка включают в себя все арабские страны плюс Иран.

¹⁷² IMF World Economic Outlook September 2011, P. 178. Послерекордный экономический подъем на Ближнем Востоке будет выглядеть еще менее динамичным, если учесть стремительный рост населения входящих в него стран.

¹⁷³ IMF World Economic Outlook September 2011. P. 196.

в рассматриваемых странах в последние годы перед глобальным кризисом и насколько увеличилась их интеграция в мировую торговлю и финансы. Если рассматривать финансовую сферу, то безусловным лидером будет Иордания: отношение банковского кредита к ВВП этой страны еще в 2005 г. превысило 100%, что лишь немногого уступает уровню Восточной Азии, а фондовая капитализация иорданских компаний в том же году почти втрое превысила объем ВВП. Египет также втянулся в гонку биржевых котировок: с 2004 г. по 2007 г. капитализация фондового рынка в этой стране удвоилась, увеличившись с 48,9% до 106,8% ВВП. Что касается банковской системы Египта, то объем совокупного банковского кредита задолго до начала мирового экономического кризиса достиг отметки 100% ВВП.

В Тунисе единственном из трех рассматриваемых страны фондовый рынок является относительно неразвитым: его капитализация в 2007–08 гг. составляла всего 15–16% ВВП, а число зарегистрированных компаний не превышает 55 по сравнению с 219 компаниями в Египте и 275 компаниями в Иордании (кстати, по этому показателю Амманская биржа лидирует в списке всех арабских фондовых рынков).¹⁷⁴ Благодаря этому, Тунис в отличие от Египта и Иордании сумел избежать значительных финансовых потерь, когда на фондовых рынках развитых, а затем и развивающихся стран начали лопаться надувавшиеся в последние годы перед мировым экономическим кризисом пузыри. Если объем фондового рынка Египта всего за один год сократился наполовину (со 106,8% ВВП в 2007 г. до 52,9% ВВП в 2008 г.), а Иордании – на треть (с 242,4% ВВП до 168,8% ВВП), то в Тунисе капитализация фондового рынка даже немного выросла с 15,3% до 15,8% ВВП. Падение тунисских биржевых индексов в 2008 г. продолжалось всего два месяца, и после этого они вновь вернулись к росту. Напротив, в Египте за шесть месяцев 2008 г. фондовые котировки упали втрое и лишь в последнее время восстановились уровня четырех-пяти летней давности. В Иордании биржевые индексы снизились примерно вдвое, но с тех пор долго не могли нащупать дно и продолжали снижаться.

¹⁷⁴ Данные о количестве зарегистрированных компаний с сайта Арабского валютного фонда http://www.arabmonetaryfund.org/sites/default/files/econ/amdb/AMDB%20Performance/Daily%20Performance/ar/cur_daily_summary.htm

Стоит отметить, что по глубине банковской системы Тунис не так сильно отстает от Египта и Иордании: объем банковского кредита в этой стране находится на уровне 70% ВВП. Это отставание тем более условно, что значительная часть кредитных ресурсов в Египте и Иордании уходит на финансирование бюджетного дефицита, отражая не столько уровень развития и глубину банковской системы, сколько потребность государства в заемных ресурсах.

Таблица 3.7.

**Некоторые показатели интеграции
Египта, Туниса и Иордании в глобальный рынок
накануне мирового экономического кризиса**

		2003	2004	2005	2006	2007	2008
Банковский кредит, % ВВП	Египет	112,4	111,6	104,6	99,3	89,5	78,0
	Иордания	83,9	90,7	109,4	110,7	115,0	114,9
	Тунис	71,8	71,1	70,8	70,8	71,5	73,0
	Вост. Азия	135,4	126,0	121,4	119,6	118,4	116,4
Капитализация фондового рынка	Египет	32,6	48,9	88,8	87,0	106,8	52,9
	Иордания	107,5	161,1	298,0	200,3	242,4	168,8
	Тунис	9,9	9,4	9,9	14,4	15,3	15,8
	Вост. Азия	46,7	40,2	40,5	84,6	158,5	58,0
Приток прямых иностранных инвестиций, % ВВП	Египет	0,3	1,6	6,0	9,3	8,9	5,8
	Иордания	5,4	8,2	15,7	23,9	15,4	13,3
	Тунис	2,4	2,3	2,5	10,6	4,3	6,5
	Вост. Азия	2,5	2,7	3,4	2,9	3,8	3,2
Объем внешнеторгового оборота	Египет	46,2	57,8	63,0	61,5	65,1	71,9
	Иордания	115,7	134,6	146,4	143,8	146,1	148,8
	Тунис	91,5	96,8	99,8	103,1	110,7	126,3
	Вост. Азия	73,1	81,6	86,3	87,2	84,5	75,0

Примечание. Объем внешнеторгового оборота представлен как сумма экспорта и импорта товаров и услуг в % ВВП.

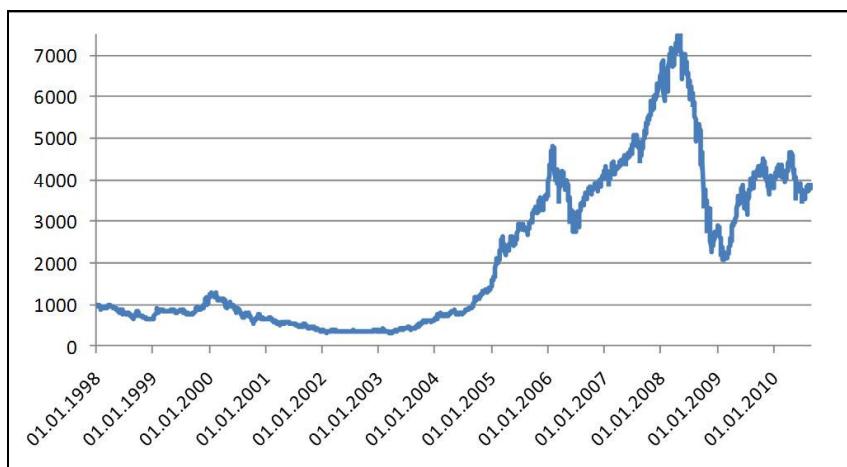
Рассчитано и составлено по World Bank WDI Online Dataset.

Весьма показательно то, что стремительный рост фондовых котировок в Египте и Иордании происходил на фоне обильного притока иностранного капитала. Как показывает динамика индекса EGX 30 Каирско-Александрийской биржи, пузырь на египетском фондовом рынке начал формироваться еще в 2005 г., когда приток прямых иностранных инвестиций подскочил почти в 4 раза (с 1,6% ВВП в 2004 году до 6% ВВП). На Амманской фондовой бирже волна роста котировок началась примерно в то

же время – со второй половины 2004 г. – на фоне еще более впечатляющего скачка в притоке ПИИ (в 2003 г. он составил 5,4% ВВП, в 2004 г. – 8,6% ВВП и в 2005 г. – 15,2% ВВП). В Тунисе рост фондового рынка был более сглаженным и поступательным, и не случайно, что он проходил на фоне более равномерного притока иностранного капитала.¹⁷⁵

Диаграмма 3.9.

**Динамика индекса EGX 30
Каирско-Александрийской биржи в Египте**

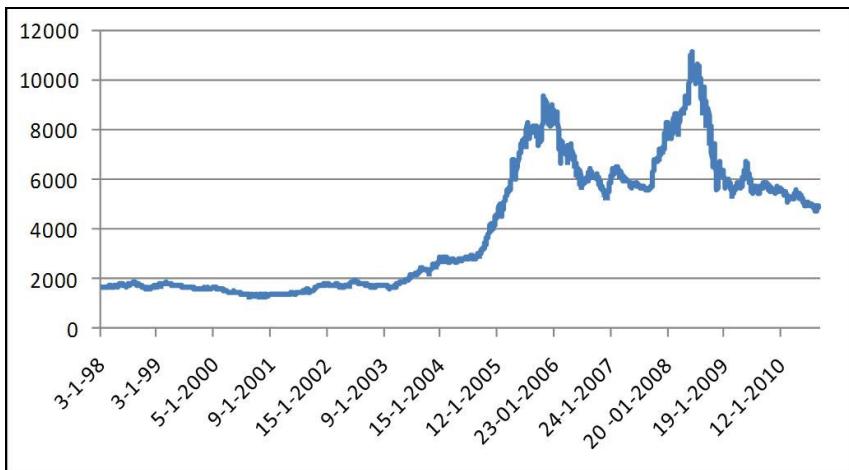
Примечание. Индекс EGX 30 (ранее называвшийся CASE 30) начал рассчитываться 2 января 1998 г. со значения 1000 пунктов. Он объединяет котировки 30 наиболее капитализированных и активно торгуемых египетских компаний (так называемый «фри-флоат» или доля акций в свободном обращении должна быть не ниже 15%).

Рассчитано и составлено по данным с сайта Каирско-Александрийской биржи <http://www.egyptse.com/arabic/indexData.aspx?type=6&Nav=1>

¹⁷⁵ Скачок 2006 г., когда объем прямых иностранных инвестиций в Тунис превысил 10% ВВП, объяснялся единственной крупной сделкой по продаже 35% акций компании Тунис Телеком иностранному инвестору. Покупателем пакета акций тунисского монополиста в области фиксированной связи и лидера в области мобильной связи стал консорциум двух компаний из Дубая: TECOM Investments и Dubai Investment Group (TECOM-DIG). Сумма сделки составила 2,25 млрд. долл., или более 2/3 притока ПИИ в Тунис в 2006 г.

Диаграмма 3.10.

**Динамика взвешенного индекса рыночной капитализации
Амманской фондовой биржи в Иордании**

Примечание. Взвешенный индекс рыночной капитализации Амманской биржи начал рассчитываться в 1992 г. Тогда он включал в себя котировки 50 иорданских компаний. В 1994 г. их количество было увеличено до 60, в 2001 г. – до 70 и в 2007 г. – до 100. Как это следует из названия индекса, удельный вес отдельных компаний рассчитывается на основе их рыночной капитализации.

Рассчитано и составлено по данным с сайта Амманской биржи
<http://www.ase.com.jo/en/weighted-index>

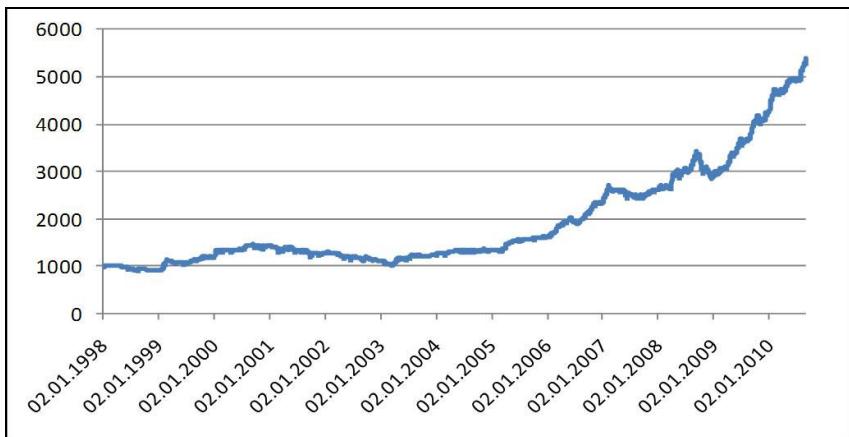
Помимо финансовых рынков вторая сфера, через которую мировой кризис мог повлиять на экономики рассматриваемых стран, – это внешняя торговля. В этом отношении более уязвимыми были относительно небольшие и открытые экономики Иордании и Туниса. Действительно, накануне кризиса открытость этих двух стран внешней торговле была намного больше, чем у Египта: в Иордании отношение экспорта и импорта товаров и услуг к ВВП приблизилось к 150%, а в Тунисе – превысило 100% (по сравнению с 60–70% ВВП в Египте).

Таким образом, по совокупности показателей наиболее подверженной влиянию кризиса являлась Иордания, которая, будучи по определению крайне зависимой от внешней торговли, проводила политику финансовой открытости и пыталась стать

одним из важнейших финансовых центров Ближнего Востока. Из двух оставшихся стран Египет был более уязвим в финансовом отношении (перегретый фондовый рынок, большой приток иностранного капитала), а Тунис – со стороны внешней торговли, поскольку экспорт этой страны сильно зависит от деловой активности в странах ЕС.

Диаграмма 3.11.

Динамика индекса TUNINDEX Тунисской фондовой биржи

Примечание. Индекс TUNINDEX начал рассчитываться 31 декабря 1997 года со значения 1000 пунктов. Первоначально удельный вес котировок 45 включенных в индекс компаний рассчитывался только на основе их рыночной капитализации, но с 2 января 2009 г. в расчет берется еще и доля акций компаний, находящихся в свободном обращении.

Рассчитано и составлено по данным с сайта Тунисской биржи
<http://www.bvmt.com.tn/publications/?view=histo-indicesSect>

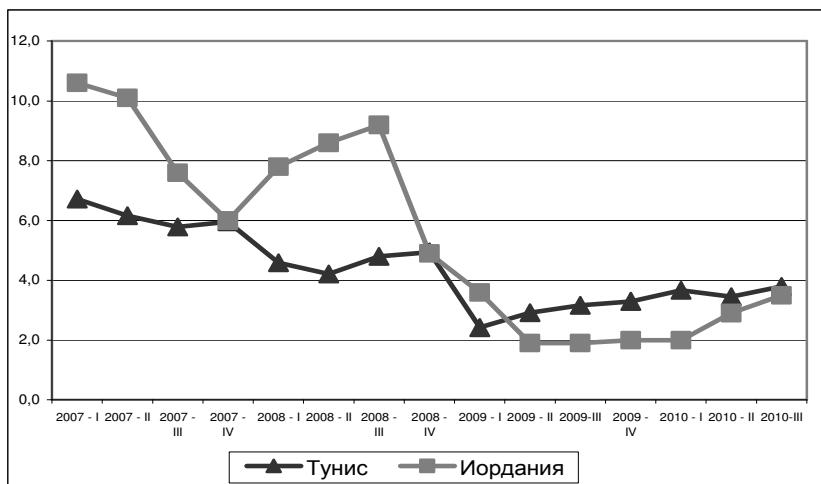
А как мировой кризис повлиял на эти экономики в действительности?

К моменту начала «арабской весны» экономический рост во всех трех рассматриваемых странах уже достаточно сильно замедлился. По оценкам Центрального банка Иордании, прирост ВВП королевства в 2009 г. составил всего 2,8% по сравнению с 7,8% в 2008 г., 8,8% в 2007 г., 8,1% в 2005–06 гг. (в первом–втором–третьем квартале 2010 г. он также не превысил 2,0%, 2,9% и 3,5% соответственно). В Тунисе падение было не столь

резким: прирост ВВП в 2009 г. замедлился до 3,1% по сравнению с 4,6% в 2008 г., 6,3% в 2007 г. и 5,5% в 2006 г. (в первом-третьем квартале 2010 г. он колебался в пределах 3,4–3,8% – см. диаграмму 3.12).¹⁷⁶ Тем не менее, из всех трех стран самые высокие темпы прироста ВВП удалось сохранить Египту: в 2008/09 г. ВВП вырос на 4,7%, а в 2009/10 г. – на 5,1% по сравнению с 7,1–7,2% в 2006/07 – 2007/08 гг. и 6,8% в 2005/06 гг. (в первом квартале 2010/11 г. темп прироста ВВП еще ускорился и составил 5,5%).¹⁷⁷

Диаграмма 3.12.

**Квартальные темпы прироста ВВП
в Иордании и Тунисе в 2007–10 гг.**

Рассчитано и составлено по: Central Bank of Jordan Monthly Statistical Bulletin, Tunisia National Institute of Statistics Economic Data.

Интересно, произошло ли это замедление за счет сжатия внутреннего или внешнего спроса? К сожалению, отсутствуют необходимые данные по Иордании, но те, которые имеются по Тунису и Египту, свидетельствуют о двух разных типах влия-

¹⁷⁶ Объем ВВП по кварталам сравнивается с аналогичными периодами предыдущего года.

¹⁷⁷ Данные из Central Bank of Egypt Monthly Statistical Bulletin.

ния кризиса на экономику. В намного более ориентированном на внешнюю торговлю Тунисе замедление роста ВВП в 2008 г. по сравнению с 2007 г. полностью объясняется сокращением внешнего спроса (вклад чистого экспорта снизился с 1,6 проц. п. до -2 проц. п.), что однако было на две трети компенсировано ускоренным расширением внутреннего спроса, прежде всего инвестиций и отчасти потребления домохозяйств. В Египте, напротив, вклад чистого экспорта в прирост ВВП в 2008/09 г. был положительным (хотя и чисто технически: экспорт сократился меньше, чем импорт, упавший из-за снижения притока ПИИ, трансфертов и других валютных доходов), а замедление полностью объясняется обвалом инвестиций, которые сократились на 9,1% после роста на 15,5% в 2007/08 г. Частично это было компенсировано увеличением госпотребления (египетское правительство запустило свой пакет стимулирующих мер), в то время как прирост потребления домохозяйств незначительно сократился (с 5,7% в 2007/08 г. до 4,5% в 2008/09 г.). Некоторое ускорение прироста ВВП в 2009/10 г. по сравнению с 2008/09 г. (с 4,7% до 5,1%) объяснялось исключительно тем, что инвестиции перестали сокращаться и увеличились на 4,2%, в то время как эффект от более быстрого сжатия экспорта по сравнению с импортом иссяк.

Наконец, какие отрасли оказались ответственными за начавшееся замедление экономической динамики? В Иордании замедление в наибольшей степени коснулось финансов, страхования и недвижимости (королевство традиционно остро реагирует на колебания деловой активности в регионе), сектора туризма и торговли, а также обрабатывающей промышленности, продукция которой после экспортного бума 2000-х годов стала все больше идти за рубеж. Высокие темпы роста выпуска сохранило строительство, в меньшей степени – транспорт и коммуникации. В Египте падение темпов оказалось достаточно широко распространено и затронуло, в первую очередь, сектор туризма и поступления от Суэцкого канала, а также перерабатывающую промышленность (особенно, нефтепереработку), финансовые услуги и торговлю. Быстрый рост выпуска продолжился в сфере коммуникаций и строительстве, почти не пострадали инфраструктурные отрасли (транспорт, электро- и водоснабжение), а выпуск в нефтегазовой отрасли и вовсе вырос благодаря восстановлению цен на нефть. Наконец, в Тунисе, который в наибольшей степени пострадал от сжатия спроса

в странах ЕС, больше всего пострадали экспортные отрасли обрабатывающей промышленности (текстильная и машиностроительные и электротехнические производства), а сфера услуг и, в частности, транспорт и коммуникации остались фактически единственным локомотивом экономики.

Таким образом, рассматриваемым арабским странам удалось преодолеть самую опасную фазу мирового экономического кризиса без серьезных потрясений. Они сумели избежать серьезных проблем с торговым балансом благодаря тому, что сокращение экспорта было компенсировано падением импорта, в том числе, резко подешевевшей нефти. Что касается доходов от туризма и трансфертов от занятых за рубежом работников, то они вопреки ожиданиям не только не упали из-за кризиса, но и показали некоторый рост.¹⁷⁸ Вместе с тем, хотя приток иностранного капитала в Египет, Иорданию и Тунис значительно сократился по сравнению с предыдущими годами, однако его объема оказалось достаточно, чтобы финансировать дефицит счета текущих операций и даже наращивать золотовалютные резервы. Причем большая часть этого притока (хотя и несколько уменьшившаяся) по-прежнему обеспечивается за счет прямых иностранных инвестиций, то есть не ведет к увеличению внешнего долга.¹⁷⁹

Влияние кризиса на реальный сектор экономики в данных странах определялось степенью их зависимости от внешней торговли и от притока иностранного капитала (следствием которого в частности являлась «перегретость» фондовых рынков). Поэтому в наибольшей степени темпы экономического роста сократились в Иордании, которая традиционно полагается на инвестиции из монархий Персидского залива, а в последнее время сделала ставку на развитие экспорта через создание зон свободной торговли с некоторыми развитыми странами. Гораздо слабее темпы прироста ВВП сократились в Тунисе, который не мог не пострадать от сокращения внешнего спроса со стороны

¹⁷⁸ Влияние мирового экономического кризиса на платежный баланс рассматриваемых стран рассматривалось в разделах 2.1, 2.2 и 2.3 настоящей работы. Здесь приведены лишь обобщающие выводы.

¹⁷⁹ Все три страны использовали благополучные годы перед кризисом, чтобы рассчитаться по долгам, и в итоге вступили в него, имея вполне приемлемый уровень внешней задолженности (в 2009 г. в Египте она достигала 16,8% ВВП, в Иордании – 23,4% ВВП, в Тунисе – 54% ВВП).

своего ключевого торгового партнера – стран Европейского союза, зато в наименьшей степени зависел от нестабильного притока иностранного капитала и трансфертов. Самые высокие темпы экономического роста удалось сохранить Египту, который опирается в большей степени не на внешний, а достаточно емкий внутренний рынок и сумел компенсировать сокращение прямых иностранных инвестиций за счет других источников дохода (туризм, переводы от работников, Суэцкий канал).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итоги либеральных рыночных реформ в Египте, Иордании и Тунисе в последнем десятилетии XX – первом десятилетии XXI века оказались весьма неоднозначными. Ускорения экономического роста ни в одной из трех рассматриваемых стран не произошло: в Тунисе темпы прироста ВВП на душу населения упали на 10–15% (с 3,2% в 1974–85 гг. до 2,8% в год в 1986–2009 гг.), в Египте и Иордании – на 35–40% (с 4,3% в 1974–90 гг. до 2,6% в год в 1991–2009 гг. и с 3,5% в 1976–89 гг. до 2,3% в год в 1990–2009 гг.). И объяснялось это, в первую очередь, еще более низкими темпами роста производительности труда из-за стремительного расширения рабочей силы, стагнации обрабатывающих отраслей и нехватки конкурентоспособных экспортных производств.

Стали ли эти страны меньше зависеть от внешних ресурсов после реформ? В целом – да, хотя следует учесть, что изначально степень зависимости была различной: крайне высокой в Иордании (трансферты от трудовых мигрантов и официальная помощь), высокой в Египте (то же самое плюс доходы от экспорта нефти и эксплуатации Суэцкого канала) и сравнительно низкой в Тунисе. Можно привести лишь один показатель: после реформ уровень достаточности внутренних сбережений для финансирования капиталовложений в Египте увеличился с 51–52% до 74–75%, в Тунисе – с 80–81% до 85–86%, а в Иордании внутренние сбережения едва-едва вышли в положительную область после (-8)–(-9)% ВВП в среднем до реформ.¹⁸⁰ Вместе с тем, во всех трех странах частный сектор до сих пор не сумел компенсировать масштабное сжатие госинвестиций, которое произошло на начальном этапе реформ. Это значит, что не все в порядке с инвестиционным климатом и что развитие частного бизнеса по-прежнему сталкивается с серьезными ограничениями (например, в доступе к кредиту).

Большинство рассмотренных показателей свидетельствуют, с одной стороны, о том, что Тунис продвинулся дальше Египта и

¹⁸⁰ Рассчитано по данным из таблицы 3.3.

Иордании в осуществлении структурных реформ и построении открытой рыночной экономики, а с другой, – что именно в Тунисе государство является более сильным и ответственным. Тунисское правительство изначально намного меньше зависело от притока внешних ресурсов и, возможно, поэтому начало диверсифицировать экспорт и поддерживать частный сектор еще до того, как иссяк дождь из нефтедолларов. Как следствие, эта страна не только имеет самую высокую долю инвестиций в госрасходах и самый низкий дефицит бюджета, а также наиболее устойчивый торговый баланс, но и опережает Египет и Иорданию в индексе легкости ведения бизнеса Всемирного банка, который оценивает условия работы частного сектора и инвестиционный климат.

Все это подтверждает тезис о том, что к реформам более склонны те страны, которые имеют ограниченный доступ к «легким» внутренним и внешним ресурсам (так называемое «ресурсное проклятие»). При этом, видимо, неправильно было бы утверждать, что Тунис является неким исключением для этого региона (например, благодаря своим тесным историческим связям с Еропой и географической близости к ней). И лучшее доказательство тому, что некоторые его шаги, например, по более тесной торговой интеграции с Евросоюзом состоит в том, что активно копируются другими арабскими странами.

Безусловно, на пути экономического развития Египта, Иордании и Туниса, как и всех ненефтяных арабских стран, остается целый комплекс проблем: помимо порожденной арабскими революциями политической и социальной нестабильности, это – по-прежнему стремительное расширение рабочей силы и высокая безработица, ограниченный объем внутреннего рынка и неэффективность экономических структур, заключающаяся в низкоС производительной сервисизации и вполне осозаемой деиндустриализации и т.д. Не говоря уже о том, что конкуренция в производстве низко- и среднетехнологичной продукции на мировом рынке крайне обострилась вместе со становлением Китая как крупнейшей индустриальной державы. А предлагать новые инновационные продукты арабские страны пока вряд ли готовы, – помимо прочего, это требует перестройки их все еще во многом традиционных обществ.

Рыночные реформы обеспечили Египту, Иордании и Тунису примерно двадцать лет сравнительно устойчивого бескризисного развития. За это время они выработали более ответственную

макроэкономическую политику, снизили зависимость от внешних ресурсов, заслужили доверие иностранных инвесторов и высокие оценки МВФ. В то же время достигнутые темпы роста ВВП на душу населения от 2 до 3% в год оказались гораздо ниже, чем в динамичных азиатских странах. Более того, рост производства был, в лучшем случае, достаточен для того, чтобы не допустить роста безработицы, но не для того, чтобы решить эту острую проблему. Многие признаки указывают на то, что правительства в Египте, Иордании и Тунисе не слишком заботились о равномерном распределении выгод от рыночных реформ, и в результате больше всего от них выиграл крупный бизнес, зачастую тесно связанный с властью.

Общественное неравенство в рассматриваемых странах если и не выросло в результате реформ (хотя имеющаяся на этот счет статистика вызывает много вопросов), то уж точно стало сильнее бросаться в глаза из-за распространения западных стандартов потребления среди высших слоев населения. К тому же, на фоне завышенных ожиданий, как правило, сопутствующих любым реформам, само по себе отсутствие прогресса психологически воспринимается людьми как ухудшение своего положения. Дополнительно обстановку накаляло то, что из-за ряда демографических факторов рабочая сила в Египте, Иордании и Тунисе в последние двадцать лет росла в 1,5–2 раза быстрее, чем все население, и это породило огромное количество безработных и зачастую хорошо образованных молодых людей. Если добавить к этому по-прежнему высокий уровень бедности (в Египте в 2009 году только по официальным данным каждый пятый житель находился ниже уровня бедности, а это порядка 15–16 млн. чел.), то становится понятно, почему в рассматриваемых странах накопился мощный заряд недовольства экономической политикой правительства.

Однако в отличие от предыдущих выступлений в этих и других арабских государствах, вызванных, как правило, отменой госсубсидий на ключевые потребительские товары, движущей силой антиправительственных демонстраций на этот раз стала не городская беднота, а те, кого можно условно назвать новым городским средним классом, выросшим и укрепившимся как раз благодаря рыночным реформам. Не случайно, одним из символов египетских демонстраций стал молодой менеджер компании Google, а многие популярные интернет-блогеры превратились в политических активистов. Отсутствие политических свобод,

бессменное правление президентов, коррумпированность чиновников и жестокость органов госбезопасности – вот против чего протестовали эти слои населения в Тунисе и Египте. Получив, благодаря интернету и телевидению, окно в мир и средство самоорганизации, они на какое-то время отодвинули на задний план традиционные политические партии и оппозиционные движения и зарекомендовали себя как влиятельная сила, с которой придется считаться уже всем арабским режимам. Другое дело, что плодами арабских революций со всей очевидностью воспользуются не те, кто их совершил, а именно более близкие и понятные большинству и к тому же более организованные и сплоченные исламисты.

Это наблюдение подталкивает к тому, что уличные восстания в Египте и Тунисе не могут быть объяснены одними социально-экономическими факторами. И тем более несостоительны попытки объяснить всплеск народных выступлений в этих странах влиянием мирового экономического кризиса. Ведь в действительности сильнее всего от глобального кризиса пострадала Иордания, в которой, тем не менее, ситуация остается сравнительно спокойной, в то время как в Тунисе и особенно Египте произошло лишь замедление экономического роста при весьма ограниченном росте безработицы.¹⁸¹ Что касается скачка мировых цен на продовольствие, то он уже происходил накануне мирового экономического кризиса в 2008 г., причем в гораздо больших масштабах, чем сейчас, но никаких сопоставимых по размаху волнений в арабском мире отмечено не было. Таким образом, напряженный социальный фон в рассматриваемых странах, безусловно, присутствовал, и вызван он был, в том числе, низкой отдачей от рыночных реформ для широких масс населения. Но это никоим образом не объясняет, почему взрыв недовольства произошел именно в наиболее богатой и модернизирующейся из ненефтяных стран региона – в Тунисе, – и именно тогда, когда и без того некатастрофичный для арабских стран мировой экономический кризис прошел свою наиболее острую фазу.

По мнению автора, ответ на этот вопрос имеет непосредственное отношение к часто обсуждаемой взаимосвязи между экономической и политической либерализацией. Очевидно, что

¹⁸¹ По данным МВФ безработица в Тунисе за 2008–09 гг. увеличилась всего с 12,6% до 13,3%. IMF Country Report, Tunisia: 2010 Article IV Consultation. P. 20.

в Тунисе и Египте разрыв между трансформирующейся (в большой степени благодаря рыночным реформам) социально-экономической структурой общества и застывшими авторитарными политическими системами в некий момент достиг критического значения. После этого всплеск протестов стал лишь делом времени, поскольку власти в этих странах не были готовы даже на малейшее расширение политических свобод, чтобы выпустить пар из котла. В этой связи Иордания отличается от Египта и Туниса, во-первых, тем, что авторитет королевской семьи весьма высок, и ее легитимность мало у кого вызывает сомнения, а во-вторых, более архаичной и раздробленной структурой общества, состоящего из палестинцев и привилегированного меньшинства – коренных иорданцев – с сильными клановыми связями. В таких условиях массовое протестное движение, подобного египетскому и тунисскому, зародиться просто не могло. Все это подтверждает тезис о том, что экономическая либерализация без расширения политических свобод, безусловно, возможна, но при этом она ведет к возрастающему давлению на государство со стороны общества (или некоего условного «среднего класса»), которое начинает требовать прозрачности и подотчетности властей. И чем более экономически независимым, образованным и организованным будет это общество, тем активнее оно будет выступать в защиту своего права выбирать представителей власти, контролировать их, иметь возможность обратиться в справедливый суд и т.д.

Естественно, все это не означает, что Тунис и Египет теперь ждет безоблачное демократическое будущее. Насколько долгим и трудным будет их путь к созданию эффективных демократических институтов сейчас можно только гадать. Первые, по-настоящему свободные, парламентские выборы в обеих странах закончились победой исламистов, и особенно убедительной она была в Египте, где второе место после «Братьев-мусульман» заняла более радикальная салафитская партия «Нур» («Свет»). И если в Тунисе исламистская партия «Нахда» («Возрождение») уже продемонстрировала способность к диалогу и даже созданию коалиции со светскими оппонентами, что позволило в сравнительно короткий срок сформировать правительство и выбрать президента, то в Египте «Братьям-мусульманам» еще предстоит экзамен на умение находить общий язык с политическими противниками. Терпимость и способность к компромиссу – это то, без чего построить желанную демократию практически невоз-

можно, но именно этого, как представляется, сейчас не хватает не только египетским политикам и военным, но и всему египетскому обществу. Недавние революционеры практически непрерывно устраивают беспорядки в центре Каира, чтобы приблизить президентские выборы и заставить генералов передать власть гражданскому правительству, силы безопасности получают приказ не стрелять по демонстрантам, но в итоге число жертв растет и с той, и с другой стороны, а коптское христианское меньшинство небезосновательно видит угрозу своему существованию из-за экстремистских исламских группировок салафитского толка.

В отличие от Египта, где свержение Х. Мубарака не поколебало многие (возможно, главные) основы прежнего режима, прежде всего, политическую роль армии, в Тунисе протестующие смогли добиться ухода всех высокопоставленных представителей эпохи Бен Али и запрета наиболее одиозных политических институтов. Кроме того, тунисское общество не только является более светским, чем египетское, в котором в последние десятилетия произошла частичная исламизация, но в нем еще и выше охват образованием, заметно ниже уровень бедности и нет значительных религиозных меньшинств наподобие коптов в Египте. Это во многом объясняет то, почему позиции исламистов в Тунисе слабее, чем в Египте (ни для кого не секрет, что за партии исламского толка на прошедших выборах голосовали преимущественно не города, а более бедная провинция), и почему сама их активизация не вызывает такой напряженности в обществе.

Выход военных на авансцену политической жизни в Египте заставил многих наблюдателей говорить о повторении «турецкой модели», при которой армия выступает в роли хранителя светского характера государства и смешает переходящих границы политиков с помощью переворотов. Видимо, условий для того, чтобы египетская армия сыграла для страны такую же стабилизирующую роль, как турецкая, очень немного. Ведь для этого необходимо, чтобы военные, во-первых, защищали определенный набор ценностей и исторических достижений (наследие Кемаля Ататюрка в Турции не ограничивается одним только светским характером государства), и, во-вторых, пользовались бы поддержкой большей части населения. Очевидно, что в Египте у военных такой программы нет (все, что связано с наследием эпохи Мубарака, будет еще долго вызывать у боль-

шинства египтян стойкую антипатию), а их популярность в народе таёт буквально на глазах, и последний шанс спасти ее – скорее передать власть законно избранному президенту и правительству. Тем более не стоит забывать о том, что той же Турции понадобилось не одно десятилетие, чтобы появилась одна, настолько мощная и одновременно ответственная политическая сила, как умеренные исламисты, которая сумела демократическими методами ограничить влияние сыгравших свою роль военных.

Еще один фактор, который заставляет полагать, что положение в Египте и Тунисе в ближайшие годы будет далеко от стабильного, – это завышенные ожидания улицы. Естественно, что значительная часть из тех, кто выходил на улицы свергать ненавистные им режимы, искренне полагает, что после избавления от коррумпированных чиновников и бизнесменов их собственное благосостояние заметно улучшится. Между тем, доходы от туризма еще только предстоит вывести на прежний уровень, а неясные перспективы мировой экономики и цен на нефть негативно влияют как на экспорт указанных стран, так и на приток переводов из-за рубежа и прямых иностранных инвестиций. Это значит, что для нового экономического рывка нужны внутренние факторы, которые, в свою очередь, требуют проведения болезненных реформ, например, отказа от чрезвычайно неэффективной системы топливных субсидий в Египте, которая обходится государству ежегодно в 5–6% ВВП и является главной причиной бюджетного дефицита. Однако переходные правительства в Египте и Тунисе уже продемонстрировали свое нежелание предпринимать непопулярные шаги с прицелом на длительную перспективу, а только что избранные политики тем более вряд ли будут готовы рисковать народной поддержкой, предпринимая болезненные экономические меры.

Что все это означает для арабского мира? И если экономическая либерализация по достижении определенного уровня развития неминуемо ведет к политической нестабильности и протестам против правящих режимов, а жизнеспособность демократии в арабских странах вызывает сомнения, значит, рыночные реформы не стоит даже начинать? Ответ на этот вопрос во многом определяется личными убеждениями и пристрастиями конкретного наблюдателя, поскольку примеров успешной демократической государственности в арабском мире пока что и не было. Не считать же таковыми глубоко разделенный по кон-

фессиональному признаку Ливан, в котором демократия является гаранцией хрупкого мира, или во многом похожий на него Ирак, где политические силы с огромным трудом находят компромисс между собой при помощи демократических институтов. Можно лишь напомнить настоящим и будущим арабским реформаторам о том, что либерализация, проводимая в интересах крупного бизнеса и не приносящая ощутимых выгод простым людям, либерализация потребления без создания рабочих мест и постоянного улучшения инфраструктуры, либерализация экономики без расширения политических свобод, – такая либерализация грозит социальным взрывом, тем более в таком неспокойном регионе, как Ближний Восток.

БИБЛИОГРАФИЯ

Статистические материалы и официальные документы

- 1) Central Bank of Tunisia Annual Report 2007, 2008.
- 2) Central Bank of Tunisia Balance des payments de la Tunisie 2009.
- 3) IMF Country Report, Arab Republic of Egypt: Selected Issues, 2005.
- 4) IMF Country Report, Arab Republic of Egypt: 2005, 2007, 2008 Article IV Consultation—Staff Report; Staff Statement; Public Information Notice on the Executive Board Discussion; and Statement by the Executive Director for the Arab Republic of Egypt.
- 5) IMF Country Report, Jordan: Selected Issues and Statistical Appendix, 2004.
- 6) IMF Country Report. Jordan: 2007, 2008, 2009 Article IV Consultation—Staff Report; Staff Statement; Public Information Notice on the Executive Board Discussion; and Statement by the Executive Director for Tunisia.
- 7) IMF Country Report, Tunisia: 2007, 2008 Article IV Consultation – Staff Report; Staff Statement; Public Information Notice on the Executive Board Discussion; and Statement by the Executive Director for Tunisia.
- 8) IMF Occasional Paper, Jordan: Strategy for Adjustment and Growth ed. by Maciejewski E., Mansur A., 1996.
- 9) IMF Regional Economic Outlook, Middle East and Central Asia, 2009, 2010, 2011.
- 10) IMF World Economic Outlook 2008, 2009, 2010, 2011.
- 11) UNDP, Regional Bureau for Arab States, Arab Human Development Report 2009.
- 12) World Bank World Development Report 2007, 2008, 2009.
- 13) World Bank and the International Financial Corporation (IFC), Doing Business Report, 2009.
- 14) World Bank and Islamic Development Bank Evaluation Report, Jordan: Supporting Stable Development in a Challenging Region, 1994.
- 15) World Bank International Comparison Program, Global Purchasing Power Parities and Real Expenditures Results, 2005.

- 16) World Bank MENA Economic Studies, Egypt in the Global Economy: Strategic Choices for Savings, Investment and Long-Term Growth, 1998.
- 17) World Bank MENA Economic Studies, Jordan: Consolidating Economic Adjustment and Establishing the Base for Sustainable Growth, New York, 1994.
- 18) World Bank MENA Economic Studies, Republic of Tunisia: Towards the 21st Century, 1995.
- 19) World Bank MENA Economic Studies, Tunisia's Global Integration and Sustainable Development: Strategic Choices for the 21st Century, 1996.
- 20) World Bank Middle East and North Africa Region Economic Developments and Prospects 2006, 2007, 2008.
- 21) World Bank Midemitteranean Development Forum, Partners for Development: New Roles for Government and Private Sector in the Middle East & North Africa ed. by *Fawzy S. and Galal A.*, 1999.
- 22) World Bank Social and Economic Development Sector Unit Middle East and North Africa Region, Export Diversification in Egypt, Lebanon, Jordan, Morocco and Tunisia, 2007.
- 23) World Bank Social and Economic Development Sector Unit Middle East and North Africa Region, Tunisia's Global Integration: Second Generation of Reforms to Boost Growth and Employment, 2008.
- 24) World Bank World Development Indicators 2009.
- 25) World Bank World Development Indicators CD-Rom, 2003.
- 26) World Bank Development Policy Review, Jordan: a Reforming State in a Volatile Region, 2002.
- 27) World Bank Development Policy Review, Republic of Tunisia: Making Deeper Trade Integration Work for Growth and Jobs, 2004.

Интернет-источники

- 28) Amman Stock Exchange <http://www.ase.com.jo>
- 29) Arab Monetary Fund <http://www.arabmonetaryfund.org>
- 30) Central Bank of Egypt Monthly Statistical Bulletin available at <http://www.cbe.org.eg/lastyearBulletin.asp>
- 31) Central Bank of Egypt Time Series available at <http://www.cbe.org.eg/timeSeries.htm>
- 32) Central Bank of Jordan External Sector Statistics available at http://www.cbj.gov.jo/pages.php?menu_id=195&local_type=0&local_id=0&local_details=0&local_details1=0&localsite_branchname=CBJ

- 33) Central Bank of Jordan Monthly Statistical Bulletin available at http://www.cbj.gov.jo/pages.php?menu_id=11&local_type=0&local_id=0&local_details=0&local_details1=0&localsite_branchname=CBJ
- 34) Central Bank of Jordan Yearly Statistical Series available at http://www.cbj.gov.jo/pages.php?menu_id=136&local_type=0&local_id=0&local_details=0&local_details1=0&localsite_branchname=CBJ
- 35) The Egyptian Exchange <http://www.egyptse.com>
- 36) *Heston A., Summers R., Aten B.*, Penn World Table Version 6.2, Center for International Comparisons of Production, Income and Prices at the University of Pennsylvania, 2006, available at http://pwt.econ.upenn.edu/php_site/pwt62/pwt62_form.php
- 37) *Rajan R.* Foreign Capital and Economic Growth, IMF, Presentation at a Conference Organized by the Federal Reserve Bank of Kansas City, Jackson Hole, Wyoming, 2006. Available at <http://www.imf.org/external/np/speeches/2006/082506.htm>
- 38) *Ramo J.* China Has Discovered It's Own Consensus, The Foreign Policy Center, London, 2004, available at <http://fpc.org.uk/fsblob/240.pdf>.
- 39) Tunisia National Institute of Statistics Economic Data available at <http://www.ins.nat.tn/indexen.php>
- 40) Tunis Stock Exchange <http://www.bvmt.com.tn>
- 41) UN National Accounts Main Aggregates Database available at <http://unstats.un.org/unsd/snaama/dnlList.asp>
- 42) UNCTAD Handbook of Trade Statistics Online Database available at <http://www.unctad.org/Templates/Page.asp?intItemID=1890&lang=1>
- 43) U.S. Energy Information Administration (EIA) Monthly Energy Review available at <http://www.eia.doe.gov/emeu/mer/petro.html>
- 44) World Bank, Global Development Network Growth Database available at <http://econ.worldbank.org/WBSITE/EXTERNAL/EXTDEC/EXTRESEARCH/0,,contentMDK:20701055~pagePK:64214825~piPK:64214943~theSitePK:469382,00.html>
- 45) World Bank World Development Indicators Online Dataset available at <http://databank.worldbank.org/ddp/home.do?Step=12&id=4&CNO=2>

Монографии и статьи на русском языке

- 46) Абрамова И. О. Арабский город на рубеже тысячелетий (на примере Египта). М., 2005.
- 47) Акимов А.В. Долгосрочный прогноз численности народонаселения и перспективы цивилизационного взаимодействия // Восток (Oriens), №4, 2009.

- 48) *Бельчук А.И., Фридман Л.А.* Либеральный фундаментализм // Независимая газета, 13 мая 2000 г. Доступно в интернете по ссылке http://www.ng.ru/polemics/2000-05-13/8_fundamental.html.
- 49) *Бхагвати Дж.* В защиту глобализации. М., 2005.
- 50) *Видясова М.Ф.* Джихад без войны. Тунисский опыт модернизации и политическое наследие Хабиба Бургибы (1903–2000). Том I, книга 2. М., 2005.
- 51) *Видясова М.Ф., Умеров М.Ш.* Египет в последней трети XX века: опыт либерализации экономики и политической системы. М., 2002.
- 52) *Гайдар Е.Т.* Гибель империи. Уроки для современной России. М., 2007.
- 53) *Гашев Б.Н.* Египет: свободные экономические зоны как фактор ускорения развития. // Ближний Восток и современность, вып. 23, 2004.
- 54) *Гусаров В.И.* Арабский мир: новые перспективы, старые проблемы // Ближний Восток и современность, вып. 13, 2002.
- 55) *Закария Ф.* Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами. М., 2004.
- 56) *Иванова И.П.* Особенности воспроизведения общественного продукта в арабских странах. М., 1987.
- 57) *Иванова И.П.* Рыночные реформы и экономический рост в арабских странах в 90-е годы // Арабские страны Западной Азии и Северной Африки (новейшая история, экономика и политика), вып. 3, 1998.
- 58) *Иванова И.П.* Предпосылки экономической либерализации в аравийских монархиях // Ближний Восток и современность, вып. 7, 1999.
- 59) *Илларионов А.* Цена социализма. Текст статьи опубликован 12 апреля 1999 года на сайте http://www.libertarium.ru/l_lib_socprice
- 60) *Исаев В.А.* Арабские страны в международном разделении труда: итоги, проблемы, перспективы (1961–90 гг.), М. 1996.
- 61) *Исаев В.А.* Ближний Восток и вызовы глобализации // Арабские страны Западной Азии и Северной Африки (новейшая история, экономика и политика), вып. 6, 2007.
- 62) *Истерли У.* В поисках роста: приключения и злоключения экономистов в тропиках. М., 2006.
- 63) *Каражас О.В.* Экономический рост в Египте в 1950–80-е годы (структурные реформы и социальные последствия), М., 1998.
- 64) *Кругман П.* Возвращение Великой депрессии, М. 2009.

- 65) Мельянцев В.А. Арабо-исламский мир в контексте глобальной экономики. М., 2003.
- 66) Мельянцев В.А. Восток и запад во втором тысячелетии: экономика, история, современность. М., 1996.
- 67) Мельянцев В.А. Развивающиеся страны: рост, дифференциация и экономические вызовы // Вестник Московского университета, серия Востоковедение, №2, 2006.
- 68) Мельянцев В.А. Развитые и развивающиеся страны в эпоху перемен (сравнительная оценка эффективности роста в 1980–2000-е гг.), М., 2009.
- 69) Мельянцев В.А., Фридман Л.А. и Видясов М.В. Госрасходы и экономический рост // МЭиМО, N 11, 1999.
- 70) де Сото Э. Загадка капитала. Почему капитал торжествует на Западе и терпит поражение во всем остальном мире. М., 2004.
- 71) Руденко Л.Н. Экономические реформы в Египте (2000-е годы) // Ближний Восток и современность, вып. 38, 2009.
- 72) Руденко Л.Н. Сдвиги в системе регулирования иностранных инвестиций в арабских странах (90-е годы) // Ближний Восток и современность, вып. 23, 2004.
- 73) Селитринникова Н.В. Влияние внешнеэкономических связей Иордании на хозяйственное развитие страны в 1990-е гг. Диссертация кандидата экономических наук. М., ИВ РАН, 2003.
- 74) Соловьева З.А. Роль государства в либерализации экономики в Иордании и Марокко // Ближний Восток и современность, вып. 32, 2007.
- 75) Стиглиц Дж. Глобализация: тревожные тенденции. М., 2003.
- 76) Стоклицкий С.Л., Фридман Л.А., Андрукович П.Ф. Экономические структуры арабских стран, М., 1985.
- 77) Ткаченко А.А. Арабский Восток: ислам и реформы. Институт изучения Израиля и Ближнего Востока. М., 2000.
- 78) Ткаченко А.А. Проблемы модернизации арабского мира // Азия и Африка сегодня, №4, 2004.
- 79) Тодаро М. Экономическое развитие. М., 1997.
- 80) Федорченко А.В., Филоник А.О., Исаев В.А. и др. Финансовые структуры Ближнего Востока, М., 1996.
- 81) Филоник А.О. Арабский мир и развитие в условиях глобализации // Арабские страны Западной Азии и Северной Африки (новейшая история, экономика и политика), №6, 2007.
- 82) Филоник А.О. Глобализация и арабский мир // Ближний Восток и современность, вып. 11, 2001.

- 83) Филоник А.О. Египет в тисках экополитики // Азия и Африка сегодня, №8, 2009.
- 84) Фитуни Л.Л. Международное движение капитала в условиях глобализации. М., 2000.
- 85) Фридман Л.А. Глобализация: развитые и развивающиеся страны, М. 2000.
- 86) Фридман Л.А. Капиталистическое развитие Египта (1882–1939). М., 1963.
- 87) Фукуяма Ф. Сильное государство. Управление и мировой порядок в XXI веке. М., 2006.

Монографии и статьи на иностранных языках

- 88) *Abdel-Kader Kh.* Private Sector Access to Credit in Egypt: Evidence from Survey Data, The Egyptian Center for Economic Studies (ECES) Working Paper, 2006.
- 89) *Amin S.* The Arab Economy Today. L., 1982.
- 90) *Bechri M., Naccache S.* The Political Economy of Development Policy in Tunisia, the University of Tunisia Working Paper, 2003.
- 91) *Bisat A., El-Erian M., Helbling T.* Growth, Investment and Saving in the Arab Economies, IMF Working Paper, 1997.
- 92) *Bellin E.* Stalled Democracy: Capital, Labour and the Paradox of State-Sponsored Development. Ithaca, Cornell University Press, 2002.
- 93) *Bosworth B., Collins S., Yu-Chin Chen.* Accounting for Differences in Economic Growth. Paper for conference on “Structural Adjustment Policies in the 1990-s: Experience and Prospects”, organized by the Institute of Developing Economies, Tokyo, Japan, 1995.
- 94) *Bosworth B., Collins S.* The Empirics of Growth: an Update, Brookings Institution Working Paper, 2003.
- 95) *Casero P.A., Varoudakis A.* Growth, Private Investment and the Cost of Doing Business in Tunisia, World Bank MENA Working Paper Series, 1994.
- 96) *Choucair J.* Illusive Reform: Jordan’s Stubborn Stability, Middle East Series, Carnegie Papers, 2006.
- 97) *Dasgupta D., Keller J., Srinivasan T.* Reform and Elusive Growth in the Middle East – What Has Happened in the 1990s? Paper for MEEA Conference on Global Change and Regional Integration: The Redrawing of the Economic Boundaries in the Middle East and North Africa, London, 2001.

- 98) *Diwan I., Squire L., Underwood J.*, External Finance in the Middle East: Trends and Prospects, World Bank Discussion Paper, 1993.
- 99) *Dobronogov A., Iqbal F.* Economic Growth in Egypt: Constraints and Determinants, World Bank Middle East and North Africa Working Paper, 2004.
- 100) *Dollar D.* Outward-Oriented Developing Economies Really Do Grow More Rapidly: Evidence from 95 LDCs, 1976–1985 in Economic Development and Cultural Change Vol.40, No.3, Chicago, 1992.
- 101) *Dunne M., Ottaway M.* Incumbent Regimes and the “King’s Dilemma” in the Arab World: Promise and Threat of Managed Reform, Middle East Program, Carnegie Papers, 2007.
- 102) *Easterly W.* The Lost Decades: Developing Countries’ Stagnation in Spite of Policy Reform 1980–1998, World Bank Working Paper, 2001.
- 103) *Easterly, W., Levine, R.* It’s not factor accumulation: stylized facts and growth models, Mimeo, World Bank and U. of Minnesota, September 1999
- 104) Economic Reform in Jordan: Where To? The Center for Strategic Studies – University of Jordan & The Carnegie Middle East Centre Workshop published materials, April 30, 2007.
- 105) *El-Laithy H., Kheir-el-Din H.* An Assessment of Growth, Distribution and Poverty in Egypt: 1990/91 – 2004/05, The Egyptian Center for Economic Studies (ECES) Working Paper, 2006.
- 106) *El-Megharbel N.* The Impact of Recent Macro and Labor Market Policies on Job Creation in Egypt, The Egyptian Center for Economic Studies (ECES) Working Paper, 2007.
- 107) *Elbadawi I.* Reviving Growth in the Arab World, World Bank Working Paper, 2003.
- 108) *Enders K.* Egypt – Searching for Binding Constraints on Growth, IMF Working Paper, 2007.
- 109) *Everhart S., Sumlinski M.* Trends in Private Investment in Developing Countries (1970–2000) and the Impact on Private Investment of Corruption and the Quality of Public Investment, IFC Discussion Paper № 44, 2001.
- 110) *Fawzy S.* Investment Policies and the Unemployment Problem in Egypt, The Egyptian Center for Economic Studies (ECES) Working Paper, 2002.
- 111) *Gelos G.* Investment Efficiency, Human Capital and Migration: a Productivity Analysis of the Jordanian Economy, World Bank Discussion Series, 1995.

- 112) *Gressani D. Kouame A.* The Global Financial & Economic Crisis: Transmission Channels & Policy Response in the Arab World, MNA Knowledge and Learning Fast Brief, World Bank, 2009.
- 113) *Helmy O.* The Impact of Budget Deficit on Inflation in Egypt, The Egyptian Center for Economic Studies (ECES) Working Paper, 2008.
- 114) *Handoussa H., El Oraby N.* Civil Service Wages and Reform: the Case of Egypt, The Egyptian Center for Economic Studies (ECES) Working Paper, 2004.
- 115) *Kanaan T.* The Changing Role of the Public Sector in the Jordanian Economy, Center for Development Research, University of Bonn Working Paper, 2005.
- 116) *Kanaan T., Kardoosh M.* The Story of Economic Growth in Jordan: 1950–2000, Amman, 2002.
- 117) *Kardoosh M.* A Story of Qualified Success? Qualifying Industrial Zones, Economic Policy Making & Governance in Jordan. Jordan Center for Public Policy Research & Dialogue, Amman, 2006.
- 118) *Kouame A.* Achieving Faster Economic Growth in Tunisia, World Bank Middle East and North Africa Working Paper, 2000.
- 119) *Krueger A.* The Political Economy of the Rent-Seeking Society in the American Economic Review, № 64 (3), 1974.
- 120) *Luciani G.* The Oil Rent, the Fiscal Crisis of the State and Democratization // The Renewal of Politics in the Muslim World ed. by *Salame G.*, London, 2001.
- 121) *Makdisi S., Fattach Z., Limam I.* Determinants of Growth in the Arab Countries, the Arab Planning Institute, 2000.
- 122) *Mazur M.* Economic Growth and Development in Jordan, London, 1979.
- 123) *Nabli M. and Al.*, Trade, Finance and Competitiveness in Tunisia, paper prepared for the project Trade, Competitiveness, and Finance, International Development Research Center, 1999.
- 124) *Nabli M., Keller J., Nassif C., Silva-Jauregui C.* The Political Economy of Industrial Policy in the Middle East and North Africa, The Egyptian Center for Economic Studies (ECES) Working Paper, 2006.
- 125) *Nabli M., Veganzones-Varoudakis M.* Reforms and Growth in MENA Countries: New Empirical Evidence, World Bank MENA Working Papers, 2004. 126) *Nehru, V., Dhareshwar, A.* A new database on physical capital stock: sources, methodology, and results, Revista de Analisis Economico 8 (1), pp. 37–59, 1993.

- 127) *Noland M., Pack H.* The Arab Economies in a Changing World, Peterson Institute for International Economics, 2007.
- 128) *Panizza U.* Macroeconomic Policies in Egypt: An Interpretation of the Past and Options for the Future, The Egyptian Center for Economic Studies (ECES) Working Paper, 2001.
- 129) *Pritchett L.* Has Education Had a Growth Payoff in the MENA Region? World Bank Discussion Paper, 1999.
- 130) *Radwan S.* Capital Formation in Egyptian Agriculture and Industry, 1882–1967. L., 1974.
- 131) *Radwan S.* Employment and Unemployment in Egypt: Conventional Problems, Unconventional Remedies, The Egyptian Center for Economic Studies (ECES) Working Paper, 2002.
- 132) *Rodrik D.* Development Strategies for the Next Century. Harvard University Working Paper, 2001.
- 133) *Saif I.* Changing the Rules of the Game: Understanding the Reform Process in Jordan, Global Development Network, Amman, 2005.
- 134) *Saif I., Tabbaa Y.* Economic Growth, Income Distribution and the Middle Class in Jordan (2002–2006), Center for Strategic Studies University of Jordan Working Paper, 2008.
- 135) *Sala-i-Martin X., Artadi E.* Economic Growth and Investment in the Arab World // World Economic Forum, the Arab World Competitiveness Report 2005.
- 136) *Srinivasan T.* Challenges of Economic Reform in Egypt, Stanford Center for International Development Working Paper, 2005.
- 137) *Subramanian A.* The Egyptian Stabilization Experience: An Analytical Retrospective, IMF Working Paper, 1997.
- 138) *Sufyan A.* Rethinking Economic Reform in Jordan: Confronting Socioeconomic Realities, Carnegie Middle East Center, Carnegie Papers, 2007.
- 139) *Sufyan A.* The Challenge of Economic Reform in the Arab World: Toward More Productive Economies, Carnegie Middle East Center, Carnegie Papers, 2007.
- 140) *Sufyan A.* The Political Economy of Reform in Egypt: Understanding the Role of Institutions, Carnegie Middle East Center, Carnegie Papers, 2007.
- 141) *Waterbury J.* Democracy Without Democrats: the potential for political liberalization in the Middle East in Democracy Without Democrats? // The Renewal of Politics in the Muslim World ed. by *Salame G.*, London, 2001.

- 142) Williamson J. A Short History of the Washington Consensus. Paper presented at a conference “From the Washington Consensus towards a new Global Governance”, Barcelona, 2004.
- 143) Williamson J. Exchange Rate Economics, Peterson Institute for International Economics Working Paper, 2008.
- 144) Woolcock M., Pritchett L. Solutions When the Solution is the Problem: Arraying the Disarray in Development. Washington, Center for Global Development Paper, 2002.
- 145) Zettelmeyer J. Growth and Reforms in Latin America: A Survey of Facts and Arguments, IMF Working Paper, 2006.

Периодические издания

- 146) The Economist, London.
- 147) Аль-Ахрам аль-Иктисадий, Каир.
- 148) Ар-Рай, Амман.
- 149) Ас-Сабах, Тунис.

Таблица 1.

Рост реального ВВП в Египте, Иордании и Тунисе

	1961	1962	1963	1964	1965	1966	1967	1968	1969	1970	1971	1972	1973	1974	1975	1976
Египет	4,4	6,9	9,1	8,1	9,2	1,1	0,6	2,7	6,8	5,6	3,4	2,0	0,7	2,5	8,9	14,6
Иордания																24,3
Тунис	4,8	12,0	4,9	2,6	3,5	0,2	10,4	4,7	4,7	10,6	17,7	-0,7	8,1	7,2	7,9	

	1977	1978	1979	1980	1981	1982	1983	1984	1985	1986	1987	1988	1989	1990	1991	1992
Египет	12,8	5,8	6,0	10,0	3,8	9,9	7,4	6,1	6,6	2,6	2,5	5,3	5,0	5,7	1,1	4,4
Иордания	6,5	21,0	9,1	19,0	4,7	7,4	2,0	8,6	3,5	7,0	2,9	-1,9	-13,5	1,0	1,8	18,7
Тунис	3,4	6,4	6,6	7,4	5,5	-0,5	4,7	5,7	5,6	-1,4	6,7	0,1	1,7	7,9	3,9	7,8

	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Египет	2,9	4,0	4,6	5,0	5,5	4,0	6,1	5,4	3,5	2,4	3,2	4,1	4,5	6,8	7,1	7,2	4,7
Иордания	4,6	5,0	6,2	2,1	3,3	3,0	3,4	4,2	5,3	5,8	4,2	8,6	8,1	8,0	8,9	7,9	2,8
Тунис	2,2	3,2	2,4	7,1	5,4	4,8	6,1	4,7	4,9	1,7	5,6	6,0	4,0	5,7	6,3	4,6	3,1

Рассчитано и составлено по данным The World Bank WDI On-line Dataset.

Таблица 2.

Рост реального ВВП на душу населения в Египте, Иордании и Тунисе

	1961	1962	1963	1964	1965	1966	1967	1968	1969	1970	1971	1972	1973	1974	1975	1976
Египет	1,8	4,3	6,5	5,6	6,7	-1,4	-1,8	0,3	4,5	3,3	1,2	-0,1	-1,4	0,4	6,8	12,4
Иордания																20,7
Тунис	3,1	10,1	2,8	0,4	1,3	-2,0	8,4	2,8	2,8	9,0	16,1	-2,4	6,1	5,0	5,6	

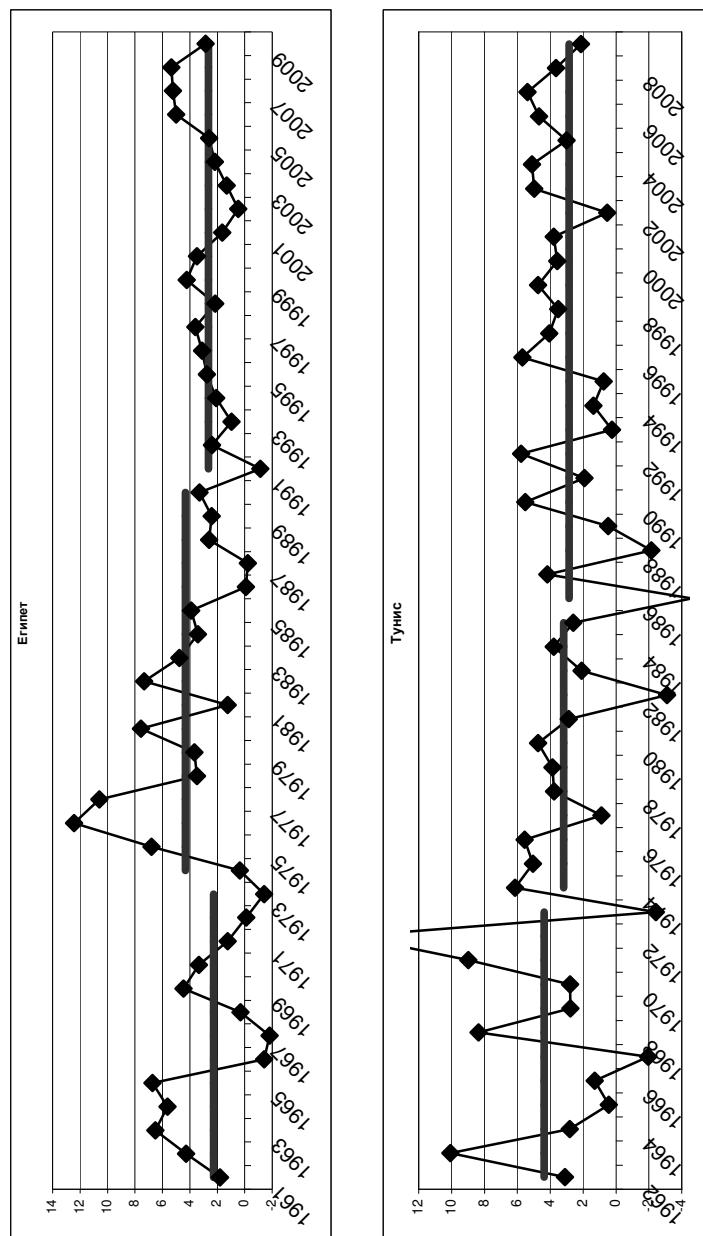
	1977	1978	1979	1980	1981	1982	1983	1984	1985	1986	1987	1988	1989	1990	1991	1992
Египет	10,6	3,5	3,7	7,6	1,2	7,3	4,8	3,4	3,9	-0,1	-0,2	2,6	2,4	3,3	-1,1	2,4
Иордания	2,8	17,2	5,3	15,2	0,8	3,4	-2,0	4,8	-0,1	3,3	-0,8	-5,4	-17,1	-2,7	-9,4	13,5
Тунис	0,9	3,8	3,9	4,7	2,9	-3,1	2,1	3,8	2,6	-4,6	4,2	-2,2	0,5	5,5	1,9	5,8

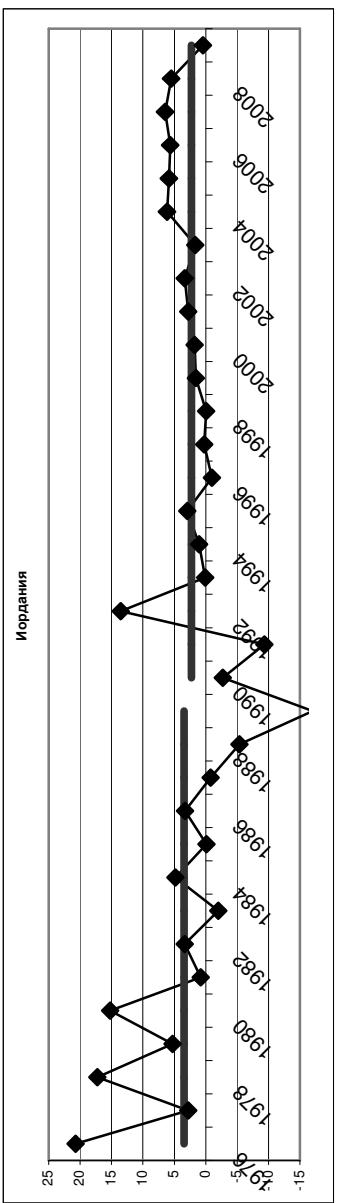
	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Египет	1,0	2,1	2,8	3,1	3,6	2,2	4,2	3,5	1,6	0,5	1,3	2,2	2,6	5,0	5,2	5,3	2,9
Иордания	0,1	1,1	2,9	-1,0	0,3	0,0	1,6	1,8	2,8	3,4	1,7	6,1	5,9	5,6	6,5	5,5	0,5
Тунис	0,2	1,4	0,8	5,7	4,1	3,5	4,7	3,6	3,8	0,5	5,0	5,1	3,0	4,7	5,4	3,6	2,1

Рассчитано и составлено по данным The World Bank WDI On-line Dataset.

Диаграмма 1.

Рост ВВП на душу населения в Египте, Тунисе и Иордании

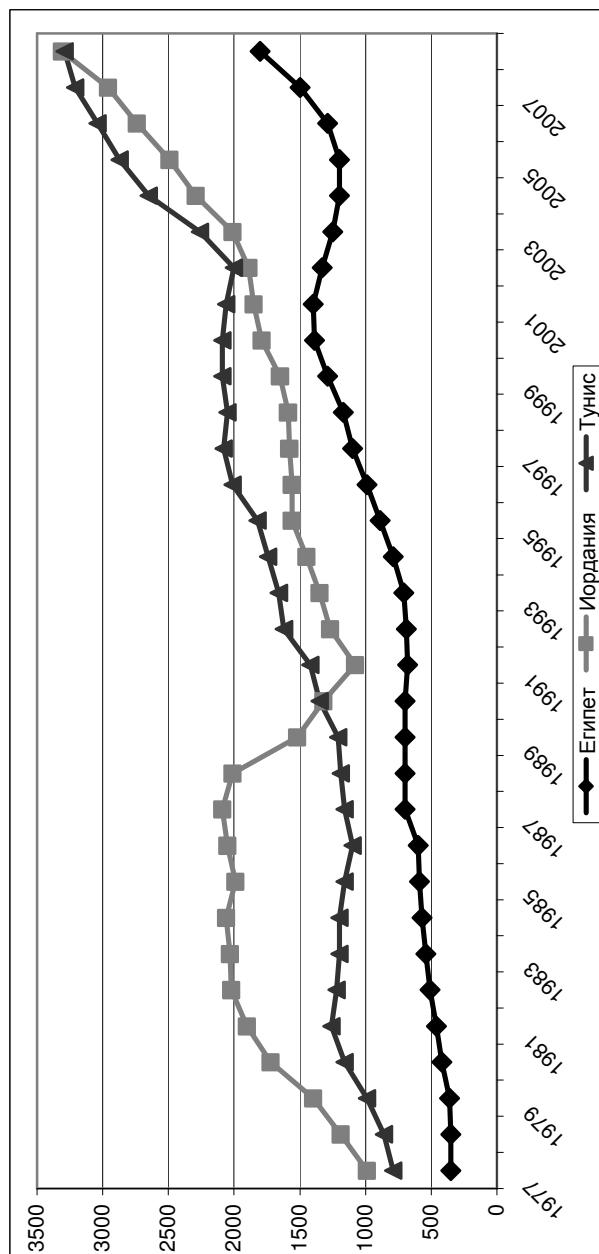

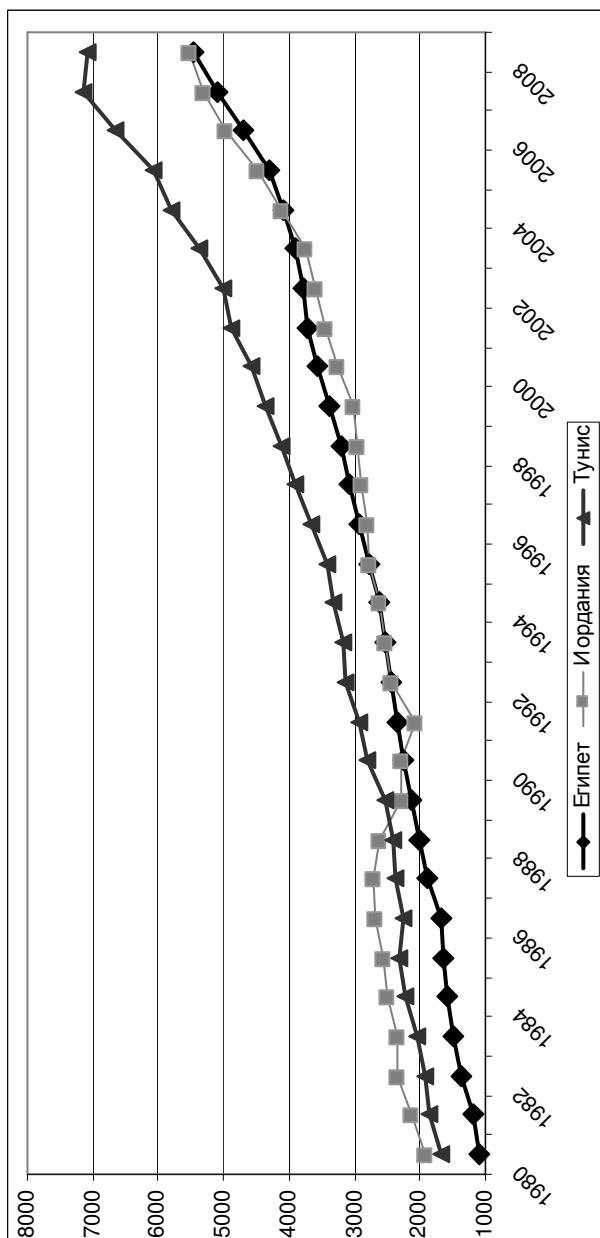

Примечание. Горизонтальной линией показан средний темп роста за период.
Рассчитано и составлено по данным из таблицы 1.

Диаграмма 2.

Динамика ВВП на душу населения в валютных курсах (вверху) и в ППС (внизу)
в Египте, Тунисе и Иордании, долл. США

Рассчитано и составлено по данным The World Bank WDI On-line Dataset.

Таблица 3.

Баланс сбережений и инвестиций в Египте, Иордании и Тунисе
по данным Всемирного банка

Египет	1961	1962	1963	1964	1965	1966	1967	1968	1969	1970	1971	1972	1973	1974	1975	1976	
Валовое накопление	15,2	16,3	18	17,9	17,7	16,8	14,4	12,6	13	13,9	13,2	12,3	13,1	22,5	33,4	28,4	
Конечное потребление	88,3	88,6	88,6	86,7	86,1	86,1	88,7	91,2	90,3	90,7	91,9	93,5	92,1	94,2	87,7	83,3	
Совокупные расходы	103,5	105,9	106,6	104,6	103,8	102,9	103,1	103,8	103,3	104,6	105,1	105,8	105,2	116,7	121,1	111,7	
Сбережения	11,7	10,4	11,4	13,3	13,9	13,9	11,3	8,8	9,7	9,3	8,1	6,5	7,9	5,8	12,3	16,7	
Баланс сбережений и инвестиций	-3,5	-5,9	-6,6	-4,6	-3,8	-2,9	-3,1	-3,8	-3,3	-4,6	-5,1	-5,8	-5,2	-16,7	-21,1	-11,7	
Египет	1977	1978	1979	1980	1981	1982	1983	1984	1985	1986	1987	1988	1989	1990	1991	1992	
Валовое накопление	29,2	31,7	32,8	27,5	29,5	30,1	28,7	27,5	26,7	23,7	26,1	34,9	31,8	28,8	21,2	19,5	
Конечное потребление	81,5	83,6	85,8	84,9	85,9	84,9	82,2	86,0	85,4	86,2	84,1	82,9	82,7	83,9	86,8	83,0	
Совокупные расходы	110,7	115,3	118,6	112,4	115,4	114,9	110,9	113,5	112,1	109,9	110,2	117,8	114,5	112,7	108,0	102,5	
Сбережения	18,5	16,4	14,2	15,1	14,1	15,2	17,8	14,0	14,6	13,8	15,9	17,1	17,3	16,1	13,2	17,0	
Баланс сбережений и инвестиций	-10,7	-15,3	-18,6	-12,4	-15,4	-14,9	-10,9	-13,5	-12,1	-9,9	-10,2	-17,8	-14,5	-12,7	-8,0	-2,5	
Египет	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	
Валовое накопление	19,8	20,6	20,1	18,1	17,6	21,5	21,6	19,6	18,3	18,3	16,9	16,9	18	18,7	20,9	23,7	
Конечное потребление	84,5	84,9	85,0	87,3	88,5	88,0	86,7	87,0	86,6	86,1	85,7	84,5	84,3	82,9	83,7	82,9	
Совокупные расходы	104,3	105,5	105,1	105,4	106,1	109,5	108,3	106,6	104,9	104,4	102,6	101,4	102,3	101,6	104,6	106,6	
Сбережения	15,5	15,1	15,0	12,7	11,5	12,0	13,3	13,0	13,4	13,9	14,3	15,5	15,7	17,1	16,3	17,1	
Баланс сбережений и инвестиций	-4,3	-5,5	-5,1	-5,4	-6,1	-9,5	-8,3	-6,6	-4,9	-4,4	-2,6	-1,4	-2,3	-1,6	-4,6	-6,6	
Иордания	1976	1977	1978	1979	1980	1981	1982	1983	1984	1985	1986	1987	1988	1989	1990	1991	1992
Валовое накопление	35,3	41,1	33,8	31,6	36,7	45,4	38,3	32,3	28,8	20,5	20,5	23,3	23,5	23,7	31,9	25,9	33,5
Конечное потребление	113,8	109,7	113,5	120,5	107,6	108,7	113,8	112,2	110,2	115,2	105,6	102,2	98,5	95,1	98,9	97,4	97,7
Совокупные расходы	149,1	150,8	147,3	152,1	144,3	154,1	152,1	144,5	139,0	135,7	126,1	125,5	122,0	118,8	130,8	123,3	131,2
Сбережения	-13,8	-9,7	-13,5	-20,5	-7,6	-8,7	-13,8	-12,2	-10,2	-15,2	-5,6	-2,2	1,5	4,9	1,1	2,6	2,3
Баланс сбережений и инвестиций	-49,1	-50,8	-47,3	-52,1	-44,3	-54,1	-52,1	-44,5	-39,0	-35,7	-26,1	-25,5	-22,0	-18,8	-30,8	-23,3	-31,2

...окончание таблицы 3.

Иордания	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Валовое накопление	36,6	33,3	33,0	30,5	25,7	21,8	21,6	22,4	21,0	20,1	20,7	27,4	24,6	25,5	26,2	19,1
Конечное потребление	93,2	89,3	88,1	94,8	96,5	97,7	96,2	104,3	104,0	99,1	100,3	102,8	116,8	109,0	113,5	126,0
Совокупные расходы	129,8	122,6	121,1	125,3	122,2	119,5	117,8	126,7	125,0	119,2	121,0	130,2	141,4	134,5	139,7	145,1
Сбережения	6,8	10,7	11,9	5,2	3,5	2,3	3,8	-4,3	-4,0	0,9	-0,3	-2,8	-16,8	-9,0	-13,5	-26,0
Баланс сбережений и инвестиций	-29,8	-22,6	-21,1	-25,3	-22,2	-19,5	-17,8	-26,7	-25,0	-19,2	-21,0	-30,2	-41,4	-34,5	-39,7	-45,1

Тунис	1961	1962	1963	1964	1965	1966	1967	1968	1969	1970	1971	1972	1973	1974	1975	1976
Валовое накопление	17,3	24,1	24,1	25,3	27,9	25,3	25,2	22,9	22,4	21,1	21,5	22,7	21,3	25,8	28,0	30,7
Конечное потребление	75,8	70,2	69,3	67,4	67,1	68,1	67,0	68,1	81,7	78,8	76,7	79,1	71,0	73,9	74,2	
Совокупные расходы	93,1	94,3	94,1	94,6	95,3	92,4	93,3	89,9	90,5	102,8	100,3	99,4	100,4	96,8	101,9	104,9
Сбережения	24,2	29,8	30,0	30,7	32,6	32,9	33,0	31,9	33,0	18,3	21,2	23,3	20,9	29,0	26,1	25,8
Баланс сбережений и инвестиций	6,9	5,7	5,9	5,4	4,7	7,6	6,7	10,1	9,5	-2,8	-0,3	0,6	-0,4	3,2	-1,9	-4,9

Тунис	1977	1978	1979	1980	1981	1982	1983	1984	1985	1986	1987	1988	1989	1990	1991	1992
Валовое накопление	30,5	30,8	29,4	29,4	32,3	31,7	33,5	35,9	30,2	26,6	23,5	20,7	23,9	27,1	26,0	29,2
Конечное потребление	77,9	77,0	73,6	76,0	76,2	78,8	74,9	75,5	75,8	80,5	77,5	78,9	79,4	79,9	79,0	77,7
Совокупные расходы	108,4	107,8	103,0	105,4	108,5	110,5	108,4	111,4	106,0	107,1	101,0	99,6	103,3	107,0	105,0	106,9
Сбережения	22,1	23,0	26,4	24,0	23,8	21,2	25,1	24,5	24,2	19,5	22,5	21,1	20,6	20,1	21,0	22,3
Баланс сбережений и инвестиций	-8,4	-7,8	-3,0	-5,4	-8,5	-10,5	-8,4	-11,4	-6,0	-7,1	-1,0	0,4	-3,3	-7,0	-5,0	-6,9

Тунис	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Валовое накопление	29,2	24,6	24,7	25,0	26,4	26,9	26,3	27,3	27,9	25,7	25,1	24,2	21,8	23,9	24,8	25,1
Конечное потребление	78,3	78,3	79,2	76,5	76,1	76,4	76,0	76,3	76,7	78,6	78,8	78,7	78,6	78,4	77,6	78,0
Совокупные расходы	107,5	102,9	103,9	101,5	102,5	103,3	102,3	103,6	104,6	104,3	103,9	102,9	100,4	102,3	102,4	103,1
Сбережения	21,7	21,7	20,8	23,5	23,9	23,6	24,0	23,7	23,3	21,4	21,2	21,3	21,4	21,6	22,4	22,0
Баланс сбережений и инвестиций	-7,5	-2,9	-3,9	-1,5	-2,5	-3,3	-2,3	-3,6	-4,6	-4,3	-3,9	-2,9	-0,4	-2,3	-2,4	-3,1

Рассчитано и составлено по The World Bank WDI On-line Dataset (данные в текущих ценах).

Таблица 4.

Баланс сбережений и инвестиций в Египте, Иордании и Тунисе
по данным местной статистики

Египет	1991/92	1992/93	1993/94	1994/95	1995/96	1996/97	1997/98	1998/99	1999/00
Госпотребление	10,4	10,3	10,3	10,5	10,4	11,3	11,3	11,6	11,2
Частное потребление	72,6	74,1	74,6	74,5	76,9	77,2	76,7	75,0	75,9
Валовое накопление	19,5	19,8	20,6	20,1	18,1	17,6	21,5	21,6	19,6
Сбережения	17,0	15,6	15,1	15,0	12,7	11,5	12,0	13,4	12,9
Баланс сбережений и инвестиций	-2,5	-4,3	-5,5	-5,1	-5,4	-6,1	-9,5	-8,3	-6,6

Египет	2000/01	2001/02	2002/03	2003/04	2004/05	2005/06	2006/07	2007/08	2008/09
Госпотребление	11,3	12,6	12,7	12,8	12,7	12,3	11,3	10,9	11,4
Частное потребление	75,3	73,8	73,0	71,7	71,6	70,6	72,4	72,3	76,2
Валовое накопление	18,3	18,0	16,9	16,9	18,0	18,7	20,9	22,4	19,3
Сбережения	13,4	13,6	14,3	15,6	15,7	17,1	16,3	16,8	12,4
Баланс сбережений и инвестиций	-4,9	-4,4	-2,6	-1,4	-2,3	-1,6	-4,6	-5,6	-6,8

Иордания	1976	1977	1978	1979	1980	1981	1982	1983	1984	1985	1986	1987	1988	1989	1990	1991
Госпотребление	33,5	27,1	29,5	34,3	29,2	31,5	29,0	26,5	28,0	27,0	25,3	25,7	25,7	25,5	24,0	25,1
Частное потребление	79,8	82,4	83,8	86,2	78,5	77,4	85,3	86,0	82,6	88,6	80,1	76,4	72,9	69,6	74,9	72,4
Валовое накопление	34,1	40,3	33,1	31,5	37,2	46,0	39,4	33,0	29,9	21,1	19,8	22,6	22,7	23,2	30,8	25,0
Сбережения	-13,3	-9,5	-13,3	-20,5	-7,7	-8,9	-14,2	-12,5	-10,6	-15,5	-5,4	-2,1	-1,4	-4,9	-1,0	2,5
Баланс сбережений и инвестиций	-47,4	-49,8	-46,4	-52,0	-44,9	-54,9	-53,7	-45,5	-40,5	-36,6	-25,2	-24,6	-21,2	-18,3	-29,8	-22,5

Иордания	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006
Госпотребление	21,9	22,1	22,6	23,6	24,5	25,5	24,4	24,0	23,7	22,9	22,7	23,2	21,3	19,5	22,3
Частное потребление	76,6	71,9	67,4	64,6	70,3	71,0	73,3	72,3	80,2	80,6	75,9	76,4	81,0	87,3	80,1
Валовое накопление	33,5	36,6	33,3	33,0	30,5	25,7	21,8	21,6	22,4	21,1	20,1	20,8	27,4	34,0	31,2
Сбережения	1,5	6,0	10,0	11,8	5,2	3,5	2,3	3,7	-3,9	-3,5	1,4	0,4	-2,3	-6,8	-2,5
Баланс сбережений и инвестиций	-32,0	-30,6	-23,3	-21,1	-25,3	-22,3	-19,5	-17,9	-26,3	-24,6	-18,7	-20,5	-29,7	-40,8	-33,7

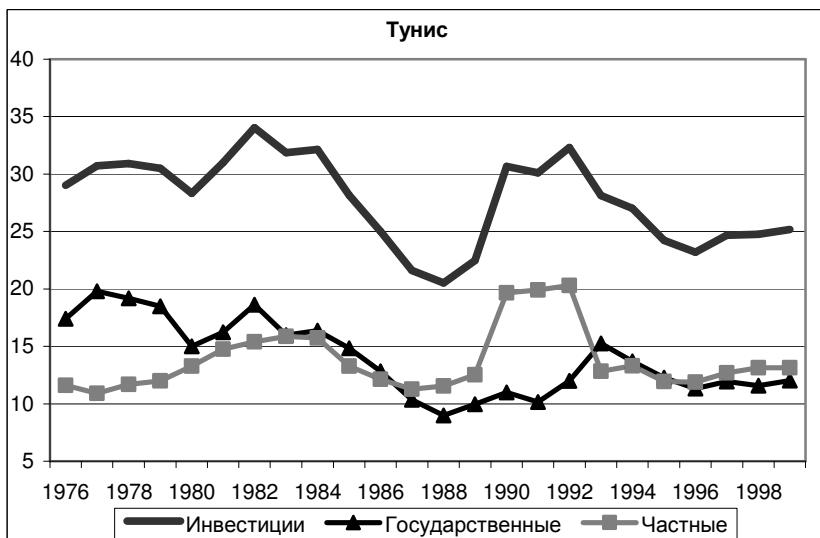
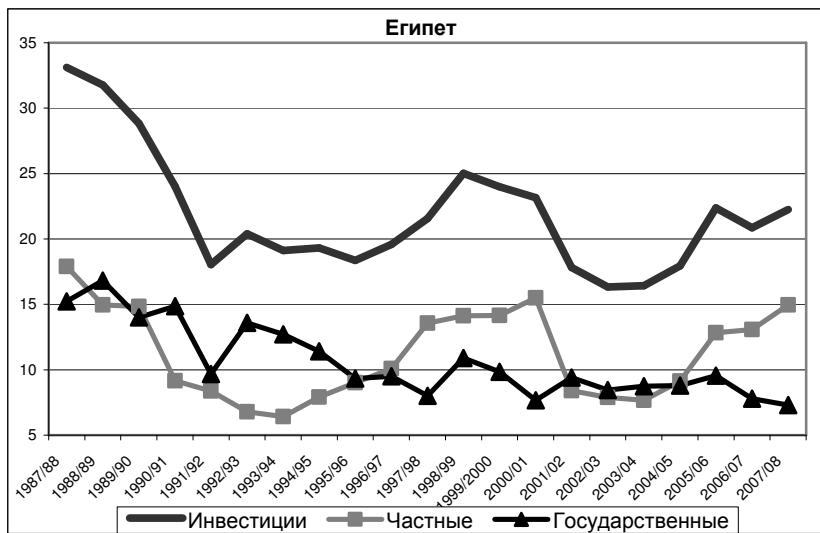
...окончание таблицы 4.

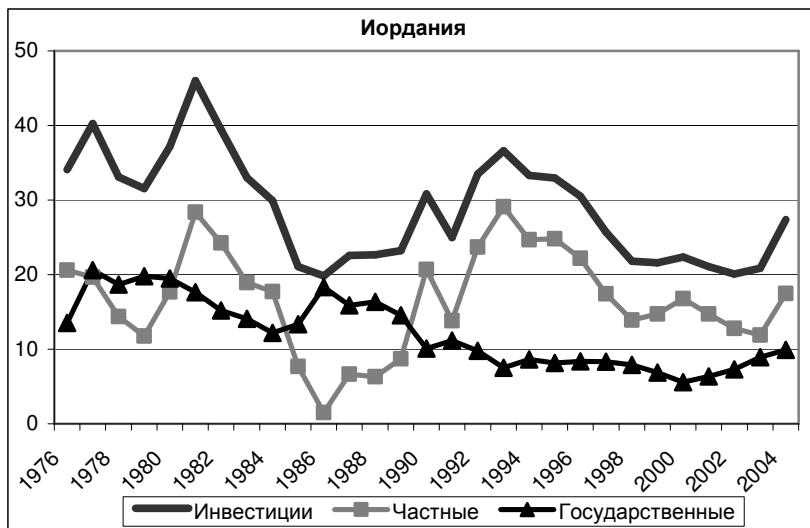
	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999
	Тунис									
Госпотребление	16,4	16,6	16,0	16,3	16,3	15,6	15,8	15,6	15,5	
Частное потребление	63,6	62,4	61,7	62,0	62,0	62,9	60,9	60,2	60,8	60,4
Валовое накопление	27,1	26,0	29,2	29,2	24,6	24,7	25,0	26,4	26,9	26,3
Сбережения	20,0	21,0	22,3	21,7	21,7	20,8	23,5	24,0	23,6	24,1
Баланс сбережений и инвестиций	-7,0	-4,9	-6,9	-7,5	-2,9	-3,9	-1,5	-2,5	-3,3	-2,3
	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	
Госпотребление	15,6	15,6	15,9	15,5	15,3	15,3	15,0	14,5	14,2	
Частное потребление	60,7	61,1	62,7	63,3	63,0	62,9	62,8	62,1	61,2	
Валовое накопление	27,3	27,9	25,7	25,0	24,2	22,3	24,4	25,6	27,4	
Сбережения	23,7	23,3	21,4	21,2	21,7	21,8	22,2	23,4	24,6	
Баланс сбережений и инвестиций	-3,6	-4,6	-4,3	-3,9	-2,6	-0,5	-2,2	-2,2	-2,7	

Рассчитано и составлено по Central Bank of Egypt Time Series, Central Bank of Jordan Yearly Statistical Series, Tunisia National Institute of Statistics Economic Data (данные в текущих ценах).

Диаграмма 3.

Частные и госинвестиции в Египте, Иордании и Тунисе

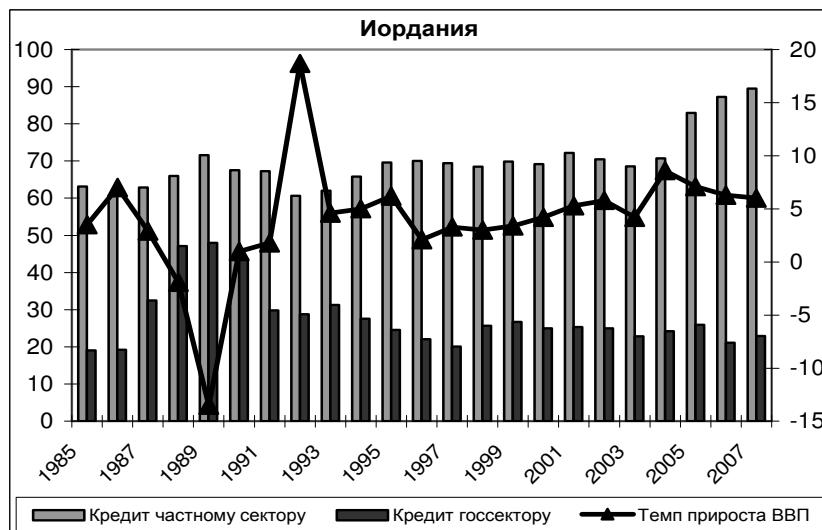
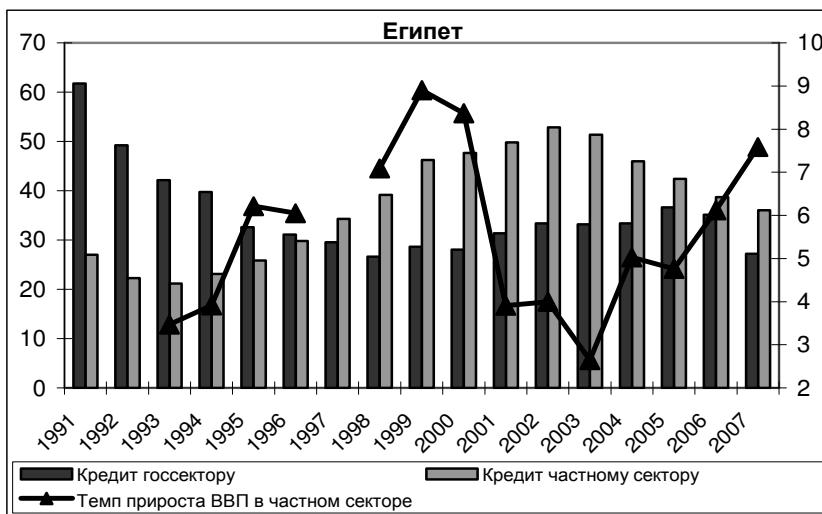

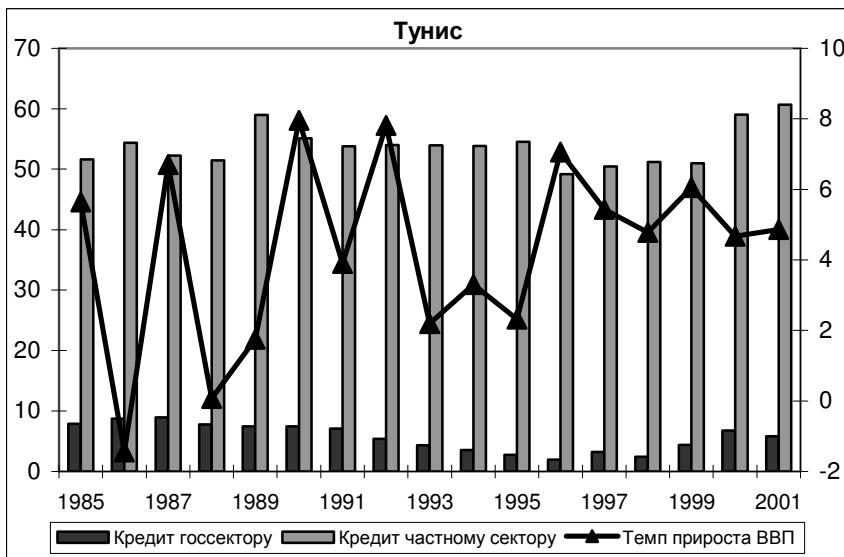

Составлено по: Central Bank of Egypt Time Series, Central Bank of Jordan Yearly Statistical Series. По Тунису мы не сумели обнаружить данных национальной статистики на этот счет, поэтому воспользовались оценками из Everhart S., Sumlinski M. Trends in Private Investment in Developing Countries (Statistics for 1970-2000) and the Impact on Private Investment of Corruption and the Quality of Public Investment, IFC Discussion Paper № 44, 2001.

Диаграмма 4.

Динамика кредита правительству и частному сектору, % ВВП

Примечания. 1. Данные по кредиту госсектору включают в себя кредит правительству, очищенный от величины его депозитов на счетах коммерческих банков, а также кредит госпредприятиям и муниципальным образованиям. 2. Кредит частному сектору по Иордании и Египту включает в себя займы частных компаний, по Тунису – еще и домохозяйств.

Рассчитано и составлено по Central Bank of Egypt Time Series, Central Bank of Jordan Yearly Statistical Series, The World Bank WDI 2003 CD-Rom (Тунис), все данные в текущих ценах.

Таблица 5.

Структура бюджета в Египте по данным местной статистики

	1990/91	1991/92	1992/93	1993/94	1994/95	1995/96	1996/97	1997/98	1998/99	1999/2000
Госрасходы, % ВВП	40,9	34,2	33,2	32,2	28,4	27,9	26,1	24,6	28,0	28,0
Капитальные расходы	14,2	8,2	6,9	5,8	5,2	5,2	5,2	5,3	8,1	7,3
Текущие расходы	26,7	26,0	26,3	23,2	22,7	20,8	19,4	19,9	20,6	20,6
Доля капитальных расходов, %	34,8	23,9	20,9	18,1	18,2	18,7	20,0	21,3	28,9	26,2
Доходы, % ВВП	25,7	29,8	29,7	30,0	27,2	26,5	25,2	23,6	23,8	23,3
в т.ч. гранты										
Дефицит бюджета	-15,2	-4,4	-3,5	-2,1	-1,2	-1,3	-0,9	-1,0	-4,1	-4,6
Дефицит без грантов										

	1998/99	1999/2000	2000/01	2001/02
Госрасходы, % ВВП	25,6	27,6	I 25,4	II 26,7
Капитальные расходы	5,7	5,7	4,9	4,2
Текущие расходы	19,9	21,9	20,5	22,4
Доля капитальных расходов, %	22,3	20,7	19,3	18,0
Доходы, % ВВП	23,1	29,8	22,2	15,7
в т.ч. гранты	0,5	0,5	0,5	14,4
Дефицит бюджета	-2,5	2,2	-3,3	1,4
Дефицит без грантов	-3,0	1,7	-3,8	0,9
			-5,5	-1,1
			-6,0	-1,6
			-5,7	-0,7
			-6,7	-1,6

...окончание таблицы 5.

	2001/02	2002/03	2003/04	2004/05	2005/06	2006/07	2007/08
	I	II	I	II	I	II	I
Госрасходы, % ВВП	30,5	32,5	30,5	32,2	30,1	31,6	30,0
Капитальные расходы	5,2	5,2	4,9	4,9	4,7	4,7	4,3
Текущие расходы	25,3	27,2	25,6	27,3	25,4	26,9	25,7
Доля капитальных расходов, %	17,1	16,1	15,9	15,1	15,7	14,4	14,9
Доходы, % ВВП	20,7	25,4	21,4	26,1	21,0	25,5	20,6
в т.ч. гранты	1,1	1,1	0,8	0,8	1,0	1,0	0,5
Дефицит бюджета	-9,8	-7,1	-9,1	-6,1	-9,1	-6,1	-9,4
Дефицит без грантов	-10,9	-8,2	-9,9	-6,9	-10,1	-7,1	-10,0
					-7,6	-9,5	-8,1
					-7,1	-9,5	-8,1
					-10,0	-9,5	-8,1
					-7,0	-5,7	-7,0
						-6,1	-6,1
						-5,7	-6,5

Примечание. Ряды данных разделены на три части в соответствии с различными форматами финансовой отчетности, которые действовали в Египте в разное время. Отсюда – несогласия в «стыковых» годах. В первой таблице приведены данные по доходам и расходам только бюджетного сектора, во второй и третьей – как бюджетного сектора (столбики под римской цифрой I), так и расширенного правительства (столбики под римской II), включающего в себя также различные внебюджетные фонды наподобие пенсионного фонда и Национального инвестиционного банка Египта. Кроме того, до 1998/99 года Центральный банк Египта не дает отдельных данных об объеме полученных грантов, сразу включая их в общую величину доходов бюджета. Классификация многих статей доходов и расходов также различается между вторым и третьим рядами данных (например, вместо строки «капитальные расходы» появилась «расходы на приобретение нефинансовых активов», стало шире само понятие совокупных расходов, были внесены и многие другие изменения, о которых из соображений краткости речь здесь вестись не будет). Наконец, начиная с 2005/06 года расширенное правительство стало включать и Египетскую государственную топливную компанию, и соответственно к доходной части прибавились ее доходы, а к расходной – топливные субсидии, что объясняет заметный скачок в величине бюджетных параметров.

Составлено по Central Bank of Egypt Time Series.

Структура бюджета в Тунисе по данным местной статистики

Таблица 6.

	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999
Госрасходы, % ВВП	32,7	30,0	31,0	30,6	30,6	29,4	29,1	28,3	28,4
Капитальные расходы	9,7	8,2	8,8	8,5	8,5	8,2	7,9	7,5	7,7
Текущие расходы	22,9	21,8	22,2	22,0	22,1	21,3	21,2	20,8	20,7
Доходы	26,4	26,8	27,6	27,6	26,3	25,2	24,9	27,0	24,9
Сальдо бюджета	-6,3	-3,2	-3,4	-3,0	-4,4	-4,3	-4,2	-1,3	-3,5

	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Госрасходы, % ВВП	28,8	28,1	28,2	27,5	27,0	27,2	26,9	27,1	25,5
Капитальные расходы	8,4	8,7	7,8	7,5	7,2	6,7	6,4	6,1	6,2
Текущие расходы	20,4	19,4	20,4	20,0	19,8	20,5	20,4	20,9	19,4
Доходы	25,8	24,7	26,2	24,3	24,8	24,6	25,5	25,0	23,1
Сальдо бюджета	-3,0	-3,5	-1,9	-3,2	-2,3	-2,6	-1,4	-2,0	-2,4

Примечание. Данные по центральному правительству Туниса.
Составлено по Tunisia National Institute of Statistics Economic Data.

Таблица 7.

Структура бюджета в Иордании по данным местной статистики

	1966	1967	1968	1969	1970	1971	1972	1973	1974	1975	1976	1977	1978	1979
Госрасходы, % ВВП	16,4	30,2	40,2	35,4	35,3	34,4	36,0	38,5	38,0	47,0	46,3	48,9	45,4	52,5
Капитальные расходы	4,4	10,4	11,6	9,3	9,5	9,3	11,0	13,2	11,1	18,2	13,5	20,6	18,7	19,8
Текущие расходы	12,0	19,8	28,5	26,1	25,8	25,1	25,0	25,3	26,9	28,8	32,8	28,3	26,8	32,7
Доходы, % ВВП	14,1	29,1	33,2	28,4	28,8	29,4	30,9	29,6	32,3	42,0	30,6	38,3	30,2	40,5
В т.ч. гранты	4,2	17,9	20,1	15,4	15,5	14,6	15,8	14,7	15,2	23,1	11,7	17,7	10,3	21,4
Дефицит бюджета	-2,3	-1,1	-7,0	-7,0	-6,6	-5,0	-5,1	-8,9	-5,7	-5,0	-15,6	-10,6	-15,3	-11,9
Дефицит без грантов	-6,5	-19,0	-27,0	-22,4	-22,1	-19,6	-20,9	-23,6	-20,9	-28,1	-27,3	-28,3	-25,5	-33,4
Госрасходы, % ВВП	48,4	44,7	42,0	39,5	37,7	40,9	43,8	42,2	44,9	45,4	40,6	41,7	38,0	36,3
Капитальные расходы	19,5	17,6	15,2	14,1	12,2	13,4	18,3	15,9	16,4	14,5	10,1	11,2	9,8	7,5
Текущие расходы	28,9	27,0	26,9	25,4	25,6	27,5	25,5	26,4	28,5	30,9	30,5	30,6	28,2	28,8
Доходы, % ВВП	37,4	35,6	34,0	33,4	27,3	31,9	29,4	28,8	29,8	34,1	32,9	35,6	37,6	36,2
В т.ч. гранты	18,0	14,2	12,1	11,0	5,6	9,5	6,4	5,6	6,6	10,8	6,0	7,6	3,8	5,1
Дефицит бюджета	-11,0	-9,1	-8,0	-6,0	-10,5	-9,0	-14,4	-13,4	-15,1	-11,3	-7,7	-6,1	-0,4	-0,1
Дефицит без грантов	-28,9	-23,3	-20,1	-17,1	-16,0	-18,5	-20,8	-19,0	-21,7	-22,1	-13,6	-13,7	-4,2	-5,2
Госрасходы, % ВВП	36,4	35,9	36,4	38,0	37,2	35,3	36,5	36,4	35,3	38,9	39,3	39,5	37,2	41,0
Капитальные расходы	8,6	8,2	8,4	8,3	7,9	6,9	5,6	6,3	7,3	8,9	9,9	7,0	7,5	9,0
Текущие расходы	27,8	27,8	28,1	29,7	29,3	28,4	30,9	30,1	28,0	29,9	29,4	32,5	29,6	31,9
Доходы, % ВВП	35,3	34,4	35,6	31,5	30,9	31,4	33,1	32,9	31,4	36,1	36,6	34,2	33,0	33,9
В т.ч. гранты	5,5	4,6	6,5	4,7	4,6	5,5	6,5	6,8	7,2	13,0	10,0	5,6	2,9	2,9
Дефицит бюджета	-1,2	-1,6	-0,8	-6,4	-6,3	-3,9	-3,4	-3,5	-3,8	-2,7	-2,7	-5,3	-4,2	-7,1
Дефицит без грантов	-6,7	-6,1	-7,3	-11,2	-10,9	-9,4	-9,9	-10,3	-11,1	-15,7	-12,8	-10,9	-7,1	-10,0

Примечание. Данные по центральному правительству Иордании.
Составлено по Central Bank of Jordan Early Statistical Series.

Таблица 8.

Счет текущих операций в Египте, Иордании и Тунисе, % ВВП

	1990/91	1991/92	1992/93	1993/94	1994/95	1995/96	1996/97	1997/98	1998/99
Египет									
Импорт	26,5	27,2	25,6	22,9	24,7	23,4	23,0	21,5	20,0
Экспорт	9,9	10,5	8,9	7,2	9,6	7,7	7,9	6,5	5,2
Баланс услуг в т.ч. нефть	5,4	5,1	5,0	3,8	4,2	3,7	3,8	2,2	1,2
Баланс услуг	9,1	13,0	9,9	8,1	7,5	8,7	7,7	4,4	5,9
Торговый баланс	-7,5	-3,7	-6,9	-7,5	-7,6	-7,1	-7,4	-10,6	-9,0
Сальдо факторных доходов	-0,8	-0,9	-1,4	-0,3	0,3	0,9	1,4	1,5	1,2
Текущие трансферты	17,2	11,8	13,7	8,7	8,1	5,9	6,1	5,9	5,7
Сальдо счета текущих операций	8,9	7,2	5,5	0,9	0,7	-0,3	0,2	-3,2	-2,0
Тунис									
1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999
Импорт	50,6	45,3	46,5	48,0	47,9	48,8	45,6	46,2	46,4
Экспорт	43,6	40,4	39,5	40,4	44,9	44,9	42,1	43,8	43,0
Торговый баланс	-7,0	-4,9	-6,9	-7,5	-2,9	-3,9	-1,5	-2,5	-3,3
Сальдо факторных доходов	-3,3	-4,3	-4,7	-6,3	-5,7	-4,8	-5,3	-4,8	-4,2
Текущие трансферты	5,5	4,3	3,8	4,4	4,3	4,1	4,2	4,0	4,2
Сальдо счета текущих операций	-4,9	-4,9	-7,9	-9,4	-4,4	-4,6	-2,6	-3,2	-2,2

...окончание таблицы 8.

Тунис	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Импорт	48,2	52,3	49,5	47,5	49,3	50,2	53,0	57,9	63,0
Экспорт	44,5	47,7	45,2	43,7	46,7	49,7	50,8	55,7	60,3
Торговый баланс	-3,6	-4,6	-4,3	-3,9	-2,6	-0,5	-2,2	-2,2	-2,7
Сальдо факторных доходов	-4,7	-4,6	-4,4	-4,1	-4,3	-5,5	-4,9	-5,5	-5,5
Текущие трансферты	4,1	4,8	5,2	5,0	5,0	5,0	5,1	5,1	5,2
Сальдо счета текущих операций	-4,3	-4,3	-3,5	-2,9	-1,9	-1,0	-2,0	-2,6	-3,0

Иордания	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999
Импорт товаров	62,1	59,2	63,5	63,1	54,1	54,9	61,9	56,6	48,4	45,4
Экспорт товаров	25,6	26,1	23,0	22,3	22,8	26,3	26,2	25,3	22,8	22,5
Сальдо торговли услугами	11,2	11,9	9,3	11,0	8,7	7,4	10,4	9,0	6,1	5,0
Торговый баланс	-25,4	-21,2	-31,2	-29,8	-22,6	-21,1	-25,3	-22,3	-19,5	-17,9
Сальдо факторных доходов	-9,7	-8,3	-6,6	-5,5	-5,1	-4,1	-4,3	-2,9	-1,7	-1,9
Текущие трансферты	20,5	13,2	21,5	23,9	21,3	21,5	26,4	25,6	21,5	24,7
Сальдо счета текущих операций	-9,9	-9,7	-16,3	-11,5	-6,4	-3,8	-3,2	0,4	0,3	5,0

Иордания	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Импорт товаров	48,1	47,9	47,0	49,8	63,7	74,0	70,1	71,6	71,2
Экспорт товаров	22,4	25,6	28,9	30,2	34,1	34,2	35,6	33,7	37,4
Сальдо торговли услугами	-1,0	-2,7	-1,1	-1,4	-0,6	-1,7	-0,4	-0,4	1,7
Торговый баланс	-26,7	-25,0	-19,2	-21,0	-30,3	-41,5	-35,0	-38,3	-32,1
Сальдо факторных доходов	1,6	2,1	1,2	1,7	2,8	3,2	4,0	4,7	4,5
Текущие трансферты	25,8	22,9	23,6	31,4	28,2	20,8	20,1	16,3	16,6
Сальдо счета текущих операций	0,7	0,1	5,7	12,2	0,8	-17,5	-10,9	-17,3	-11,0

Рассчитано и составлено по: Central Bank of Egypt Time Series, Tunisia National Institute of Statistics Economic Data, Central Bank of Jordan Yearly Statistical Series, World Bank World Development Indicators On-line Dataset (данные в текущих ценах).

Таблица 9.

Счет движения капитала в Египте и Иордании, % ВВП

Египет	1990/91	1991/92	1992/93	1993/94	1994/95	1995/96	1996/97	1997/98	1998/99
Сальдо счета текущих операций	8,9	7,2	5,5	0,9	0,7	-0,3	0,2	-3,2	-2,0
Сальдо баланса движения капитала	-1,1	0,0	4,4	5,4	0,8	1,7	3,0	4,3	1,1
в т.ч. чистый приток ПИИ									
портфельных инвестиций	2,6	3,1	2,7	2,8	1,5	1,0	1,1	1,4	0,8
прочих инвестиций	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,4	2,2	-0,3	-0,2
Пропуски и ошибки	-3,6	-2,8	1,9	2,6	-0,6	0,2	-0,2	3,5	0,6
Изменение резерзов	1,1	3,6	0,5	-1,7	-0,1	-0,4	-0,4	-1,3	-1,5
	8,9	10,8	10,3	4,5	1,5	0,9	2,8	-0,2	-2,5
Египет	1999/00	2000/01	2001/02	2002/03	2003/04	2004/05	2005/06	2006/07	2007/08
Сальдо счета текущих операций	-1,3	0,0	0,6	2,2	4,1	3,7	2,0	2,1	0,7
Сальдо баланса движения капитала	-1,3	-0,5	-1,0	-3,1	-6,0	4,3	3,9	0,8	5,9
в т.ч. чистый приток ПИИ									
портфельных инвестиций	1,8	0,5	0,4	0,8	0,5	4,9	6,8	10,3	10,3
прочих инвестиций	0,5	0,3	1,0	-0,5	-0,3	1,1	3,1	-0,9	1,1
Пропуски и ошибки	-3,6	-1,3	-2,4	-3,4	-6,2	-2,4	-5,0	-7,6	-2,1
Изменение резерзов	-0,7	-0,3	-0,1	1,5	1,7	-2,3	-2,2	2,0	-2,4
	-3,3	-0,9	-0,5	0,6	-0,2	5,7	3,6	4,9	-2,1
Иордания	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Сальдо счета текущих операций	0,7	0,1	5,7	12,2	0,8	-17,5	-10,9	-17,3	-11,0
Сальдо баланса движения капитала	4,0	-2,0	4,4	-2,1	-1,7	12,5	20,6	14,4	10,2
в т.ч. чистый приток ПИИ									
портфельных инвестиций	9,5	1,7	1,1	4,4	7,0	12,8	23,3	11,2	9,2
прочих инвестиций	-2,1	-3,2	-4,3	-4,6	-2,5	2,5	-0,3	4,9	2,6
Пропуски и ошибки	-4,2	-0,8	6,8	-2,8	-6,2	-2,9	-2,9	-1,8	-3,0
Изменение резерзов	3,4	-1,0	-0,6	1,4	1,7	6,5	-0,4	7,6	6,1
	8,1	-3,0	9,5	11,5	0,7	1,5	9,2	4,8	5,4

Рассчитано и составлено по: Central Bank of Egypt Time Series (данные в текущих долларах), Central Bank of Jordan Yearly Statistical Series (данные в текущих динарах).

Таблица 10.

Внешний долг, % ВВП

	1970	1971	1972	1973	1974	1975	1976	1977	1978	1979	1980	1981	1982
Египет	23,5	24,8	22,3	20,7	24,5	42,3	47,6	80,2	86,6	82,1	83,5	94,3	106,8
Иордания	18,6	22,6	22,9	22,8	22,6	25,2	26,2	38,8	43,6	43,4	47,1	49,2	54,9
Тунис	41,6	39,9	33,5	32,1	28,2	25,6	28,4	43,7	49,3	47,3	40,3	42,8	46,4
	1983	1984	1985	1986	1987	1988	1989	1990	1991	1992	1993	1994	1995
Египет	107,4	105,0	104,1	111,1	108,9	131,6	115,2	76,5	88,2	74,5	65,8	62,6	55,6
Иордания	60,0	63,8	77,0	78,2	96,0	97,8	177,2	207,3	231,3	150,0	136,4	121,1	113,9
Тунис	48,6	49,6	58,1	65,9	70,3	67,3	69,0	62,6	63,1	55,1	59,5	61,5	60,0
	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Египет	46,6	38,2	38,1	34,0	29,1	28,6	32,4	35,2	39,5	33,1	27,3	25,2	20,0
Иордания	106,6	100,9	95,5	99,2	86,9	83,9	84,6	81,8	70,7	60,9	54,3	49,2	31,0
Тунис	58,1	59,4	54,7	57,0	58,2	64,4	73,4	73,4	69,3	61,7	60,2	57,4	50,9

Примечание. Данные по объему совокупного (частного и государственного) внешнего долга.

Составлено по The World Bank WDI On-line Dataset.

Таблица 11.

Структура государственного и внешнего долга, % ВВП

Египет	2002/03	2003/04	2004/05	2005/06	2006/07	2007/08
Госдолг (брутто)	110,9	112,9	112,8	98,8	87,1	76,5
Госдолг (нетто)	85,9	82,4	80,5	79,8	71,4	62,3
в т.ч. внешний	39,8	35,6	29,1	26,1	21,8	19,2
в т.ч. внутр.	71,1	77,3	83,7	72,7	65,3	57,3
	46,1	46,8	51,4	53,7	49,6	43,1
Внешний долг	36,1	37,9	32,2	28,8	23,0	20,9
		29,9	28,9	30,9	30	33,9
в т.ч. частный	1,4	1,4	---	---	---	---

Иордания	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Госдолг (брутто)	99,8	99,6	91,8	84,1	77,5	76,3	66,5
в т.ч. внешний	75,4	74,5	66,1	56,5	49,3	44,8	25,8
в т.ч. внутр.	24,4	25,1	25,7	27,6	28,2	31,5	40,7
Внешний долг	75,4	74,5	66,1	56,5	49,3	44,8	25,8
в т.ч. частный	0	0	0	0	0	0	0

...окончание таблицы 11.

Тунис	2002	2003	2004	2005	2006	2007
Госдолг (брутто)	61,5	60,5	59,4	58,3	53,9	50,9
в т.ч. внешний	39,1	38,9	37,5	37,2	32,2	29,7
в т.ч. внутр.	22,4	21,6	21,9	21,1	21,7	21,2
Внешний долг	67,5	66,8	66,5	65,4	58,3	54,9
в т.ч. частный	28,4	27,9	29	28,2	26,1	25,2

Примечания. 1. Для максимальной сопоставимости данных мы использовали только оценки МВФ в рамках консультаций по 4 статье соглашения о стандартах статистической отчетности. 2. Нетто-значение госдолга отличается от брутто-значения на величину государственных депозитов в банковской системе. Из рассматриваемых стран эта величина является значительной только в Египте (в тексте работы мы отмечали, что Египет продолжает в наибольшей степени контролировать банки), поэтому для этой страны мы привели как нетто-, так и брутто-значение совокупного и внутреннего госдолга (нетто-величины обозначены курсивом). 3. Официальные данные по внешнему долгу в Египте не учитывают приобретенные иностранцами валютные казначейские облигации, объем которых на конец июня 2007 года достигал 8,1 млрд. дол. Поэтому мы привели и альтернативную оценку внешнего госдолга Египта с их учетом (курсив). К сожалению, данные по доле частного сектора во внешнем долге Египта имеются лишь за 2002/03 – 2003/04 гг., но эта величина настолько мала (всего 1-2% ВВП), что, по всей видимости, не могла значительно увеличиться и впоследствии. Это кажется неудивительным, если учесть, что египетские власти не спешат полностью снимать ограничения на капитальные операции с заграницей. Аналогичная ситуация и в Иордании – там весь внешний долг является государственным. И только в Тунисе частный сектор может сравнительно свободно привлекать заемные средства из-за рубежа – частный внешний долг сопоставим по величине с государственным.

Рассчитано и составлено по: IMF Country Report, Arab Republic of Egypt: 2005, 2007, 2008 Article IV Consultation. IMF Country Report. Jordan: 2008, 2009 Article IV Consultation. IMF Country Report, Tunisia: 2007, 2008 Article IV Consultation.

Таблица 12.

Чистый приток прямых иностранных инвестиций, % ВВП

	1970	1971	1972	1973	1974	1975	1976	1977	1978	1979	1980	1981	1982
Египет										0,7	2,1	6,7	2,4
Иордания										0,5	2,2	0,8	0,9
Тунис										2,4	1,8	1,5	0,7

	1983	1984	1985	1986	1987	1988	1989	1990	1991	1992	1993	1994	1995
Египет	1,7	2,4	3,4	3,4	2,3	3,4	3,2	1,7	0,7	1,1	1,1	2,4	1,0
Иордания	0,7	1,5	0,5	0,4	0,6	0,4	0,0	0,9	-0,3	0,8	-0,6	0,0	0,2
Тунис	2,2	1,4	1,3	0,7	0,9	0,6	0,8	0,6	1,0	3,4	3,8	2,8	1,5

	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Египет	0,9	1,1	1,3	1,2	1,2	0,5	0,7	0,3	1,6	6,0	9,3	8,9	5,8
Иордания	0,2	5,0	3,9	1,9	10,8	3,0	2,5	5,4	8,2	15,7	23,9	15,4	13,3
Тунис	1,2	1,8	3,3	1,7	3,9	2,4	3,9	2,4	2,3	2,5	10,6	4,3	6,5

Составлено по The World Bank WDI On-line Dataset.

Таблица 13.

Внешние ресурсы в Египте, Иордании и Тунисе, % ВВП

Египет	1980	1981	1982	1983	1984	1985	1986	1987	1988	1989
Нефть, % ВВП (1)	8,3	7,8	6,6	5,1	4,3	6,1	3,1	2,7	3,7	3,1
Текущие трансферты (2)	12,2	9,5	9,7	16,0	16,3	12,6	9,7	11,3	12,7	10,5
Сальдо факторных доходов (3)	-1,4	-2,1	-2,7	-2,3	-1,9	-2,3	-2,0	-1,2	-0,6	-1,7
Туризм (4)	2,6	1,8	1,4	1,0	1,1	1,2	0,8	1,6	2,5	2,4
ПИИ (5)	2,4	3,2	1,1	1,7	2,3	3,4	3,4	2,3	3,4	3,1
1 + 2 + 3	19,1	15,2	13,6	18,8	18,8	16,4	10,8	12,9	15,8	11,9
1 + 2 + 3 + 4	21,7	17,0	15,0	19,8	19,9	17,6	11,5	14,5	18,3	14,4
1 + 2 + 3 + 4 + 5	24,1	20,2	16,1	21,5	22,2	20,9	14,9	16,8	21,7	17,5
Египет	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999
Нефть, % ВВП (1)	1,6	4,9	2,9	3,0	2,3	1,9	2,2	1,9	0,2	0,4
Текущие трансферты (2)	17,5	18,7	18,0	15,6	8,4	6,7	5,4	5,6	5,9	5,0
Сальдо факторных доходов (3)	-2,4	-3,5	-4,5	-1,8	-1,5	-0,7	0,5	1,2	1,1	0,8
Туризм (4)	2,6	3,7	5,2	4,1	3,9	4,5	4,7	4,8	3,0	4,3
ПИИ (5)	1,7	0,5	1,1	1,1	2,3	0,8	0,9	1,0	1,2	1,1
1 + 2 + 3	16,7	20,1	16,4	16,7	9,2	7,9	8,1	8,6	7,2	6,2
1 + 2 + 3 + 4	19,3	23,8	21,6	20,9	13,1	12,4	12,9	13,4	10,3	10,5
1 + 2 + 3 + 4 + 5	21,0	24,3	22,7	21,9	15,4	13,2	13,8	14,4	11,5	11,6
Египет	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	
Нефть, % ВВП (1)	1,1	1,3	1,5	3,1	3,6	4,0	4,6	3,5	3,8	
Текущие трансферты (2)	4,2	4,1	4,5	4,3	5,8	6,4	5,4	6,4	6,0	
Сальдо факторных доходов (3)	0,9	0,6	-0,3	-0,3	-0,3	0,0	0,7	1,1	0,8	
Туризм (4)	4,4	3,9	4,3	5,5	7,8	7,6	7,1	7,1	6,7	
ПИИ (5)	1,2	0,5	0,7	0,3	1,4	5,9	9,2	8,4	4,7	
1 + 2 + 3	6,2	6,0	5,7	7,1	9,1	10,4	10,7	11,0	10,6	
1 + 2 + 3 + 4	10,5	9,9	10,0	12,7	16,9	18,0	17,7	18,1	17,3	
1 + 2 + 3 + 4 + 5	11,7	10,4	10,7	12,9	18,2	23,9	26,9	26,5	22,0	

...продолжение таблицы 13.

Иордания	1980	1981	1982	1983	1984	1985	1986	1987	1988	1989
Нефть, % ВВП (1)	-10,3	-12,4	-14,2	-11,7	-11,2	-11,7	-5,6	-7,2	-7,1	-9,6
Текущие трансферты (2)	50,0	49,1	40,7	34,1	33,3	31,0	26,2	20,6	22,3	28,5
Сальдо факторных доходов (3)	1,2	2,0	1,9	0,9	-1,2	-1,7	-2,3	-3,4	-5,2	-4,8
Туризм (4)	13,1	12,3	10,8	10,0	8,7	10,1	8,6	8,9	10,3	13,2
ПИИ (5)	0,8	3,3	1,2	0,6	1,5	0,5	0,3	0,6	0,4	-0,4
1 + 2 + 3	40,8	38,7	28,4	23,4	20,9	17,6	18,3	10,0	10,1	14,2
1 + 2 + 3 + 4	54,0	51,0	39,2	33,4	29,7	27,7	26,9	18,9	20,4	27,4
1 + 2 + 3 + 4 + 5	54,8	54,3	40,4	34,0	31,1	28,2	27,2	19,5	20,8	27,0

Иордания	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999
Нефть, % ВВП (1)	-11,8	-8,7	-8,4	-8,1	-6,9	-7,2	0,0	-8,1	-4,5	-5,6
Текущие трансферты (2)	26,0	21,1	22,0	24,1	21,3	21,5	26,4	25,5	21,6	23,0
Сальдо факторных доходов (3)	-5,3	-8,0	-6,5	-5,5	-5,0	-4,1	-4,3	-2,9	-1,7	-0,1
Туризм (4)	12,7	7,5	8,7	10,0	9,3	9,8	10,7	10,7	10,8	9,8
ПИИ (5)	1,7	-0,6	0,8	0,3	0,4	0,6	0,8	5,0	3,9	1,9
1 + 2 + 3	8,9	4,5	7,0	10,5	9,4	10,2	22,1	14,6	15,4	17,2
1 + 2 + 3 + 4	21,6	12,0	15,7	20,5	18,7	20,0	32,8	25,2	26,1	27,0
1 + 2 + 3 + 4 + 5	23,3	11,4	16,6	20,9	19,1	20,6	33,7	30,2	30,1	28,9

Иордания	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	
Нефть, % ВВП (1)	-2,6	-7,8	-8,1	-9,3	-13,7	-19,2	-18,2	-17,4	-17,6	
Текущие трансферты (2)	25,8	22,9	23,6	31,4	28,2	20,7	19,8	16,8	18,6	
Сальдо факторных доходов (3)	1,2	1,8	0,8	1,3	2,4	2,7	3,1	4,0	3,3	
Туризм (4)	8,5	7,8	10,9	10,4	11,7	11,4	13,9	13,6	13,9	
ПИИ (5)	10,7	2,7	2,3	5,4	8,1	14,4	24,8	15,1	13,3	
1 + 2 + 3	24,4	16,9	16,3	23,4	16,9	4,2	4,7	3,5	4,3	
1 + 2 + 3 + 4	32,9	24,7	27,3	33,8	28,5	15,6	18,5	17,1	18,1	
1 + 2 + 3 + 4 + 5	43,6	27,4	29,6	39,2	36,6	30,0	43,4	32,2	31,4	

...окончание таблицы 13.

Тунис	1980	1981	1982	1983	1984	1985	1986	1987	1988	1989
Нефть, % ВВП (1)	4,8	6,8	5,8	5,7	5,3	4,1	2,6	1,8	1,2	1,8
Текущие трансферты (2)	4,7	4,7	5,0	4,7	4,3	3,7	4,5	5,4	6,6	7,0
Сальдо факторных доходов (3)	-3,0	-3,6	-3,6	-3,2	-3,1	-4,3	-4,0	-4,4	-4,6	-4,4
Туризм (4)	7,8	7,5	7,7	7,3	6,1	6,6	6,1	7,8	13,2	8,6
ПИИ (5)	2,7	3,5	4,2	2,2	1,4	1,4	0,7	0,9	0,6	0,7
1 + 2 + 3	6,5	7,9	7,2	7,2	6,5	3,5	3,0	2,8	3,2	4,4
1 + 2 + 3 + 4	14,3	15,4	14,9	14,5	12,6	10,1	9,1	10,6	16,5	13,0
1 + 2 + 3 + 4 + 5	17,0	18,9	19,0	16,7	14,0	11,5	9,8	11,6	17,1	13,8
Тунис	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999
Нефть, % ВВП (1)	0,9	0,8	0,8	-0,4	-0,4	-0,6	-0,4	-0,7	-0,3	-0,7
Текущие трансферты (2)	6,7	5,5	4,3	4,2	5,1	4,3	4,4	4,2	4,2	4,3
Сальдо факторных доходов (3)	-3,7	-4,2	-3,5	-3,8	-4,3	-4,0	-4,9	-4,6	-4,3	-4,3
Туризм (4)	8,3	5,8	7,6	8,4	9,1	8,5	8,1	8,2	8,4	8,8
ПИИ (5)	0,6	0,9	3,4	3,8	2,7	1,5	1,2	1,8	3,3	1,7
1 + 2 + 3	3,9	2,0	1,6	0,0	0,4	-0,3	-0,9	-1,1	-0,5	-0,7
1 + 2 + 3 + 4	12,2	7,9	9,1	8,4	9,5	8,2	7,2	7,1	7,9	8,1
1 + 2 + 3 + 4 + 5	12,9	8,8	12,5	12,3	12,2	9,7	8,4	8,9	11,2	9,8
Тунис	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	
Нефть, % ВВП (1)	-1,0	-1,5	-1,2	-1,5	-1,4	-1,6	-2,3	0,0	-2,0	
Текущие трансферты (2)	4,2	4,5	4,9	4,7	4,9	4,5	4,7	4,5	4,7	
Сальдо факторных доходов (3)	-4,8	-4,3	-4,2	-3,8	-4,1	-5,1	-4,5	-5,0	-5,6	
Туризм (4)	8,7	8,8	7,2	6,3	7,0	7,4	7,3	7,2	7,2	
ПИИ (5)	3,9	2,3	3,8	2,2	2,1	2,5	10,5	4,3	6,4	
1 + 2 + 3	-1,6	-1,3	-0,5	-0,7	-0,6	-2,1	-2,1	-0,4	-2,8	
1 + 2 + 3 + 4	7,0	7,4	6,7	5,7	6,4	5,3	5,2	6,8	4,4	
1 + 2 + 3 + 4 + 5	10,9	9,7	10,5	7,8	8,5	7,7	15,7	11,1	10,8	

Примечания. В таблице приведены данные по нетто-притоку ПИИ (приток минус отток) и нетто-экспорту нефти (экспорт минус импорт).

Составлено по: World Bank WDI On-line Dataset.

КНИГИ, ИЗДАННЫЕ ИНСТИТУТОМ ИЗУЧЕНИЯ
ИЗРАИЛЯ И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА^{*}

1995 г.

1. **А.З.Егорин:** "Война за мир на Ближнем Востоке".
2. **А.В.Федорченко:** "Сельское хозяйство Израиля".
3. "Арабские страны: проблемы социально-экономического и общественно-политического развития" (совместно с ИВ РАН).
4. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 1.

1996 г.

5. **Абу Мазен (Махмуд Аббас):** "Путь в Осло".
6. **С.М.Гасратян:** "Религиозные партии Государства Израиль".
7. **А.З.Егорин:** "Современная Ливия".
8. **Л.Н.Руденко:** "Регулирование внешнеэкономической деятельности в странах Персидского Залива".
9. **А.В.Федорченко:** "Израиль накануне XXI века".
10. **А.О.Филоник, В.А.Исаев, А.В.Федорченко:**
"Финансовые структуры Ближнего Востока".
11. **А.О.Филоник, Н.Г.Рогожина:** "Юго-Западная и Юго-Восточная Азия: проблемы водных ресурсов".
12. "Арабский мир в конце ХХ века". Сборник статей
(совместно с ИВ РАН).
13. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 2.

1997 г.

14. **А.З.Егорин, В.А.Исаев:** "Объединенные Арабские Эмираты".

* Примечание: Институт переименован в 2005 г.

15. "Арабские страны Западной Азии и Северной Африки". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
16. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 3.
17. **Н.М.Мамедова:** "Иран в XX веке. Роль государства в экономическом развитии".
18. "Турция: современные проблемы экономики и политики". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
19. Коллектив авторов "Сирийская Арабская Республика".
20. **А.О.Филоник, В.М.Ахмедов, Л.Н.Руденко, З.А.Соловьева, Н.Ю.Ульченко:** "Рынки Ближнего Востока".
21. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 4.

1998 г.

22. **А.Г.Ковтунов:** "Проблемы интеграции стран Магриба".
23. "Страны Ближнего Востока" Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
24. **А.В.Федорченко:** "Экономика переселенческого общества (совместно с ИВ РАН)".
25. **С.Б.Багдасаров и А.Н.Чавушьян:** "Военный и военно-экономический потенциал стран Ближнего и Среднего Востока" (информационно-аналитический справочник, совместно с ИВ РАН).
26. **Л.И.Данилов:** "Кто есть кто в Иорданском Хашимитском Королевстве".
27. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 5.
28. "Актуальные проблемы Ближнего Востока". Сборник.
29. **К.А.Капитонов:** "Ближний Восток в лицах".
30. "Современная Саудовская Аравия". Справочник.
31. **К.З.Хамзин:** "Водные ресурсы бассейна реки Иордан и арабо-израильский конфликт".
32. "Афганистан: Война и проблемы мира". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

33. **М.Г.Закария, А.И.Яковлев:** "Нефтяные монархии Аравии на пороге XXI в."
34. "Иран: Эволюция исламского правления". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

1999 г.

35. "Арабские страны Западной Азии и Северной Африки". Сборник статей вып. 3 (совместно с ИВ РАН).
36. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 6.
37. **Г.И.Гучетль:** "Демократизация в Арабском мире: опыт Туниса и Сирии" (совместно с ИВ РАН).
38. **В.А.Исаев, А.О.Филоник:** "Государство Катар: проблемы развития".
39. "Национализм и фундаментализм на Ближнем Востоке". Материалы конференции. Москва, 04.02.99 г.
40. "Окружающая среда и развитие в Арабском мире ". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
41. **В.А.Ушаков:** "Иран и Мусульманский мир".
42. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 7.
43. **Е.Я.Сатановский:** "Экономика Израиля в 90-е годы".
44. "Эволюция политических систем на Востоке" (Совместно с ИВ РАН).
45. **Е.С.Мелкумян:** "ССАГПЗ в глобальных и региональных процессах".
46. **В.В.Кунаков:** "Турция и ЕС: проблемы экономической интеграции".
47. **А.И.Яковлев:** "Саудовская Аравия: пути эволюции" (совместно с ИВ РАН).
48. **М.А.Сапронова:** "Политика и конституционный процесс в Алжире (1989–1999)" (совместно с ИВ РАН).
49. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 8.
50. "Востоковедный сборник".

2000 г.

51. "Турецкая Республика". Справочник (совместно с ИВ РАН).
52. **М.Р.Арунова:** "Афганская политика США в 1945–1999 гг." (совместно с ИВ РАН).
53. "Политическая элита Ближнего Востока". Сборник.
54. "Ближний Восток: проблемы региональной безопасности". Сборник статей (совместно с РАН).
55. **С.Э.Бабкин:** "Движения политического ислама в Северной Африке" (совместно с ИВ РАН).
56. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 9.
57. "Арабский Восток: ислам и реформы". Сборник статей (Совместно с Институтом Африки РАН).
58. "Афганистан: проблемы войны и мира". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
59. **Аль-Харири Мухаммад:** "Налоговые системы Сирии и Египта".
60. **В.В.Азатян, А.А.Ткаченко:** "Интеграционные процессы в экономике стран Северной Африки" (совместно с Институтом Африки РАН).
61. **К.И.Поляков:** "Исламский фундаментализм в Судане".
62. "Миграционные процессы и их влияние на израильское общество". Сборник статей (Совместно с Иерусалимским университетом и Открытым университетом Израиля).

2001 г.

63. "Турция между Европой и Азией". Итоги европеизации на исходе XX века. Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
64. "Ислам и политика". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
65. **Е.Я.Сатановский:** "Израиль в современной мировой политике".
66. **В.А.Исаев, А.О.Филоник:** "Султанат Оман" (совместно с ИВ РАН).
67. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 10.

68. **А.Г.Вирабов**: "Алжир: кризис власти" (Кризис общественного строя Алжира и перспективы его либерализации) (составлено с ИВ РАН).
69. "Исламизм и экстремизм на Ближнем Востоке". Сборник статей (составлено с Академией геополитики и безопасности).
70. **К.И.Поляков, А.Ж.Хасянов**: "Палестинская национальная автономия: опыт государственного строительства".
71. **К.И.Поляков**: "Арабские страны и ислам в России (90-е годы XX века)".
72. **Зеэв Гейзель**: "Политические структуры Государства Израиль"
73. "Востоковедный сборник". Выпуск второй.
74. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 11.
75. "Россия на Ближнем Востоке". Материалы конференции.
76. **С.Э.Бабкин**: "Религиозный экстремизм в Алжире".
77. "Мусульманские страны у границ СНГ". Сборник статей, (составлено с ИВ РАН).
78. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 12.

2002 г.

79. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 13.
80. **Н.Ю.Ульченко**: "Экономика Турции в условиях либерализации (80–90-е годы)" (составлено с ИВ РАН).
81. "Мусульмане на Западе". Сборник статей (Составлено с РАН).
82. "Востоковедный сборник". Выпуск третий.
83. "Афганистан на переходном этапе (сентябрь 2001 – июнь 2002 г.)". Сборник статей (Составлено с ИВ РАН).
84. **М.Ф.Видясова, М.Ш.Умеров**: "Египет в последней трети XX века (Опыт либерализации экономики и политической системы)" (составлено с ИСАА, МГУ).
85. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 14.

86. **Р.Р.Сикоев:** "Талибы (религиозно-политический портрет)" (совместно с ИВ РАН).
87. "Востоковедный сборник". Выпуск четвертый.
88. "Армия и власть на Ближнем Востоке". Сборник статей.
89. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 15.
90. **М.П.Гучанин:** "Турция и США: основные этапы торгово-экономического сотрудничества".
91. **С.М.Задонский:** "Ядерная программа Ирана и российско-американские отношения".
92. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 16.

2003 г.

93. **С.В.Бондаренко, А.А.Ткаченко:** "Нефть и газ Египта и Алжира на рубеже XX–XXI вв."
94. **Д.Полисар:** "Выбирай диктатуру. (Ясир Арафат и формирование органов власти палестинской администрации)". Перевод А.Д.Эпштейна.
95. "Российско-турецкие отношения: история, современное состояние и перспективы". Сборник статей (совместно с ИВ РАН, ИСАА).
96. **Алек Д.Эпштейн:** "Бесконечное противостояние. (Израиль и арабский мир: войны и дипломатия, история и современность)".
97. **В.А.Исаев, А.О.Филоник:** "Кувейт: Контуры экономических перемен" (совместно с ИВ РАН).
98. **О.В.Плешов:** "Ислам, исламизм и номинальная демократия в Пакистане" (совместно с ИВ РАН).
99. "Ирак: первые итоги, выводы, уроки". Сборник.
100. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 17.
101. **М.З.Ражбадинов:** "Радикальный исламизм в Египте" (совместно с ИВ РАН).

102. "Иракский кризис. Международный и региональный контекст". Материалы "круглого стола" ИСАА. Апрель 2003 г.
103. "Иран и СНГ". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
104. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 18.
105. "Саудовская Аравия: эволюция режима и пределы возможного в политическом развитии" Сборник статей.
106. **Г.Г.Косач, Е.С.Мелкумян:** "Внешняя политика Саудовской Аравии". Приоритеты, направления, процесс принятия решения".
107. "Афганистан и сопредельные страны". Сборник статей (совместно с РАН).
108. **В.М. Ахмедов:** "Сирия на рубеже столетий. Власть и политика" (совместно с ИВ РАН).
109. **В.П.Юрченко:** "Египет: проблемы национальной безопасности".
110. "Востоковедный сборник". Выпуск пятый.
111. "Российско-саудовские отношения: проблемы и перспективы" (по материалам круглого стола).
112. "Ирак под американским управлением: демократизация или вьетнамизация" (по материалам круглого стола).
113. "Арабо-израильский конфликт: старые проблемы и новые планы". Сборник статей.
- 114 **Е.И.Уразова:** "Экономическое сотрудничество Турции и тюркских государств СНГ" (совместно с ИВ РАН).
115. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 19.
116. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 20.
117. **М.С.Сергеев:** "Берберы Северной Африки: прошлое и настоящее"
118. **А.Р.Аганин, З.А.Соловьева:** "Современная Иордания".
- 2004 г.
119. **Владимир (Зеэв) Ханин:** "«Русские» и власть в современном Израиле".

120. "Программы урегулирования палестино-израильского конфликта: три года после переговоров в Кемп-Дэвиде и Табе". Сборник статей и документов под редакцией **Алека Д.Эпштейна**.
121. **А.О.Филоник, А.И.Вавилов:** "Саудовская Аравия: поиски внутренней гармонии" (совместно с ИВ РАН).
122. **Е.И.Миронова:** "Алжир: смена приоритетов развития" (совместно с Институтом Африки).
123. "Иракский кризис". Аналитические записки.
124. "Тerrorизм". Сборник статей.
125. "Ислам на современном Востоке. Регион стран Ближнего и Среднего Востока, Южной и Центральной Азии". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
126. **И.А. Новиков:** "Оружие массового поражения на Ближнем Востоке" (совместно с информационно-аналитическим центром "Акцент").
127. "Иран и Россия". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
128. "Офицерский корпус ближневосточных государств". Сборник.
- 129 "Россия и США на Ближнем Востоке". Аналитические записки.
130. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 21.
131. "Армия, ВТС, ОМП на Ближнем Востоке". Аналитические записки.
132. "Проблемы Ближнего Востока. Аналитические записки".
133. "Курдский вопрос на рубеже тысячелетий" (круглый стол 19.02.2004).
134. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 22.
135. "Турция в новых геополитических условиях". Материалы круглого стола, март 2004 г. (совместно с ИВ РАН).
136. "Израиль и арабо-израильский конфликт. Аналитические записки".
137. "Иран. Аналитические записки".

138. **А.В.Федорченко, О.А.Зайцева, Д.А.Марьясис:** "Израиль в начале XXI века".
139. **И.А.Матвеев:** "Национальная и общеарабская слагаемые политики Сирии на Ближнем Востоке".
140. "Современный Исламский Восток и страны Запада". Сборник статей.
- 141 **А.В.Гасратян:** "Проблемы социально-экономического развития Ливана (1970–2000 гг.)".
142. **В.П.Юрченко:** "Сирия: проблемы национальной безопасности. (Военная политика и военное строительство в период правления ПАСВ 1963–2004 гг.)"
143. "Палестино-израильский конфликт в зеркале общественного мнения и международной дипломатии". (Сборник статей и документов) под редакцией **Алека Д. Эпштейна**.
144. «Афghanistan в начале XXI века». Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
145. **М.З.Ражбадинов:** "Египетское движение «Братьев-мусульман»" (совместно с ИВ РАН).
146. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 23.
147. «Сирия. Проблемы внутриполитической стабильности и внешней безопасности» (материалы круглого стола, 21 сентября 2004 г.).
148. «Ирак: 100 дней переходного правительства».
149. "Востоковедный сборник". Выпуск шестой.
150. "Иран после парламентских выборов" (Круглый стол 27.04.2004 г.). Сборник статей.
151. **Б.В.Долгов:** "Исламистский вызов и алжирское общество" (совместно с ИВ РАН).
152. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 24.

КНИГИ, ИЗДАННЫЕ ИНСТИТУТОМ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА^{*}

2005 г.

153. **М.К.Занбуа, А.О.Филоник:** "Формирование производственной инфраструктуры в Сирии (1946–2004)"
154. **Р.Г.Ланда:** "Политический ислам: предварительные итоги".
155. **Алек Д. Эпштейн:** "Израиль и проблема палестинских беженцев: история и политика".
156. **О.В.Плешов:** "Ислам и политическая культура в Пакистане" (Совместно с ИВ РАН).
157. "Ислам и общественное развитие в начале XXI века" (Совместно с ИВ РАН).
158. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 25.
159. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 26.
160. **А.В.Рясов:** "«Левые» на Арабском Востоке: ливийский опыт".
161. **И.М.Мохова:** "Западное Средиземноморье: проблемы интеграции".
162. **Н.З.Мосаки:** "Курдистан: ресурсы и политика". Часть 1, Часть 2 (Совместно с ИВ РАН).

2006 г.

163. **Алек Д. Эпштейн:** "Израиль в эпоху «пост-сионизма»: наука, идеология и политика".
164. **Владимир (Зеэв) Ханин:** "Вокруг размежевания: общество и политика Израиля в 2005 году".
165. "Афганистан, Иран, Пакистан: время выборов и перемен". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
166. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 27.
167. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 28.

* Примечание: Институт переименован в 2005 г.

168. **Л.Н.Руденко:** "Проблемы привлечения иностранных инвестиций в арабские страны в условиях глобализации" (Совместно с ИВ РАН).
169. **В.А.Исаев, А.О.Филоник:** "Королевство Бахрейн" (Совместно с ИВ РАН).
170. "Востоковедный сборник". Выпуск седьмой.
171. **А.Г.Бакланов:** "Ближний Восток: «Дорожная карта» региональной безопасности".
172. **Алек Д. Эпштейн:** "Почему провалилась «Дорожная карта»?".
173. **Д.А.Нечитайло:** "Международный исламизм на Северном Кавказе".
174. **М.А.Сапронова:** "Иракская конституция в прошлом и настоящем" (Из истории конституционального развития Ирака).
175. **Алек Д. Эпштейн:** "Израильская война против «Хезболлы» и формирование новых контуров ближневосточной политики".
176. "Курдский вопрос в Западной Азии в начале XXI века". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
177. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 29.
178. "Современная Турция: проблемы и решения". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
179. **С.Ю.Серёгичев:** "Судан: исламо-традиционализм и армия".

2007 г.

180. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 30.
181. "Государство Израиль: политика, экономика общества". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
182. **К.В.Вертяев:** "Курдский вопрос в политике Турции (конец XX – начало XXI века)" (Совместно с ИВ РАН).
183. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 31.
184. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 32.
185. **М.Н.Гусев:** "Исламский фактор в Юго-Восточной Азии. Роль внешних сил".

186. "Востоковедный сборник". Выпуск восьмой.
187. **Г.Г.Косач**: "Саудовская Аравия: внутриполитические процессы «этапа реформ» (конец 1990–2006 гг.).
188. **Д.А.Марьясис**: "Израиль в системе международных экономических отношений (1985–2005 гг.)" (Совместно с ИВ РАН).
189. **Л.Н.Руденко, З.А.Соловьева**: "Лига арабских государств и интеграционные процессы в арабском мире" (Совместно с ИВ РАН).
190. **Алек Д. Эпштейн**: "ХАМАС в региональной политике".
191. **С.Н.Саруханян**: "Ядерный фактор в российско-иранских отношениях".
192. **В.П.Юрченко**: "Военная политика и военное строительство в странах Арабского Востока (конец XX – начало XXI века)". Справочно-аналитическое издание. Часть 1 и часть 2.
193. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 33.

2008 г.

194. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 34 (Совместно с ИВ РАН).
195. **Г.А.Меламедов, Алек Д. Эпштейн**: "Дипломатическая битва за Иерусалим. Закулисная история" (Совместно с МГУ, ИСАА, Ассоциацией «Гишрей Тарбут»).
196. **В.В.Кудлев**: "«Аль-Каида»: структуры, союзники и покровители".
197. **Г.Г.Косач**: "Саудовский дипломатический корпус: этапы эволюции и источники формирования".
198. **М.А.Сапронова**: "Правительство и парламент в арабских странах (правовой статус и политическая практика)".
199. **Е.С.Мелкумян**: "Регион залива: конфликты, компромиссы, сотрудничество" (Совместно с ИВ РАН).
200. **Е.А.Кудров**: "Конфликт в Дарфуре: основные причины и тенденции".

201. **Алек Д. Эпштейн:** "Израиль и (не)контролируемые территории: уйти нельзя остаться" (Совместно с Ассоциацией «Гишрей Тарбут»).
202. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 35 (Совместно с ИВ РАН).
203. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 36 (Совместно с ИВ РАН).
204. "Турция накануне и после парламентских и президентских выборов 2007 г." Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
205. **И.А.Свистунова:** "Иракский фактор во внешней политике турецкой республики (1990–2007 г.).
206. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 37 (Совместно с ИВ РАН).

2009 г.

207. **Алек Д. Эпштейн:** "Антитеррористический террор".
208. **В.В.Евсеев, В.И.Сажин:** "Иран, уран и ракеты".
209. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 38 (Совместно с ИВ РАН).
210. **А.Б.Подцероб:** "Ислам во внутренней и внешней политике стран Магриба".
211. **В.В.Куделев:** "Аль-Каида" и война в Ираке".
212. "Ближний Восток: вызовы XXI века". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
213. **Алек Д. Эпштейн:** "Израильяне и палестинцы: от конфронтации – к переговорам и обратно" (Совместно с ассоциацией «Гишрей Тарбут»).
214. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 39 (Совместно с ИВ РАН).
215. **В.И.Месамед:** "Иран-Израиль: от партнерства к конфликту".
216. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 40 (Совместно с ИВ РАН).

2010 г.

217. **Ю.С.Кудряшова:** "Турция и Европейский Союз: история, проблемы и перспективы взаимодействия".
218. **И.И.Стародубцев:** "Топливно-энергетический комплекс Турции и энергетический фактор в российско-турецких отношениях". (Совместно с МГИМО)
219. "Турция в условиях новых внутренних реалий". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
220. **Ю.В.Зинькина:** "Коптская община современного Египта: Проблемы и перспективы".
221. **В.Чернин:** "Ближневосточный фронтier. Израильское поселенчество: история и современность". (Совместно с ассоциацией «Гишрей Тарбут»).
222. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 41 (Совместно с ИВ РАН).
223. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 42 (Совместно с ИВ РАН).
224. **В.И.Месамед:** "Иран в Центральной Азии: два десятилетия диалога"

2011 г.

225. "ШОС и страны Ближнего и Среднего Востока (К 10-летию образования ШОС)". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
226. **Алек Д. Эпштейн:** "Россия и Израиль: трудный путь навстречу" (Совместно с Центром содействия гуманитарному образованию общества «Право Мира»).
227. **Алек Д. Эпштейн:** "Генезис и закат "левого" Израиля".
228. **Д.О.Бирюков:** "Правовое регулирование рынка ценных бумаг государств Ближнего Востока".
229. **Н.А.Кожанов:** "Экономические санкции против Ирана: цели, масштабы, возможные последствия введения".

230. Турция после референдума 2010 года (Межвузовская студенческая конференция. Москва, 17 февраля 2011 г.) (Совместно с МГИМО).
231. **С.Ю.Серёгичев**: "Современный Судан: от единства к раздому" (Совместно с РГГУ).
232. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 43 (Совместно с ИВ РАН).
233. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 44 (Совместно с ИВ РАН).

Адрес в Интернете: www.iimes.ru

PUBLICATIONS OF THE INSTITUTE OF ISRAELI
AND MIDDLE EASTERN STUDIES

1995

1. "War for peace in the Middle East" by **A.Egorin**
2. "Agriculture in Israel" by **A.Fedorchenko**
3. "The socio-economic and political development in the Arab World".
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian
Academy of Sciences
4. "The Contemporary Middle East" (collection of essays)

1996

5. "The road to Oslo" by **Abu Mazen (Mahmud Abbas)**
6. "Religious parties in the State of Israel" by **S.Gasratian**
7. "Contemporary Libya" by **A.Egorin**
8. "Regulation of external economic activity in the Persian Gulf
countries" by **L.Rudenko**
9. "Israel on the eve of the XXI-th century" by **A.Fedorchenko**
10. "Financial Institutions in the Middle East" by **A.Filonik, V.Isaev and
A.Fedorchenko**
11. "Water resources in the South West and South East Asia" by
A.Filonik and N.Rogozhina
12. "The Arab World in the end of the XX-th century" (collection
of essays). In association with the Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences
13. "The Contemporary Middle East" № 2 (collection of essays)

1997

14. "United Arab Emirates" by **A.Egorin and V.Isaev**
15. "Arab countries of Western Asia and Northern Africa" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
16. "The Contemporary Middle East" № 3 (collection of essays)
17. "Iran in the XX-th Century. The Role of State in Economic Development" by **N.Mamedova**
18. "Turkey: Problems of modern Economy and Policy" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
19. The Syrian Arab Republic"
20. "Markets in the Middle East" by **A.Filonik, V.Ahmedov, L.Rudenko, Z.Solovieva, N.Ultschenko**
21. "The Contemporary Middle East" № 4 (collection of essays)

1998

22. "Problems of integration among the Arab Magrib countries" by **A.Kovtunov**
23. "Countries of the Middle East" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
24. "Settler Society Economy: Israeli Model" by **A.Fedorchenko**
25. "Military and military – economic Potential of the Middle Eastern Countries" by **S.Bagdasarov and A.Chavushian** In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
26. "Who is Who in the Hashemite Kingdom of Jordan" by **L.Danilov**
27. "The Contemporary Middle East" № 5 (collection of essays)
28. "Actual Problems of the Middle East"

29. "Political Portraits of the Middle East" by **K.Kapitonov**
30. "The contemporary Saudi Arabia"
31. "Water Resources of the Jordan River Basin and the Arab–Israeli Conflict" by **K.Khamzin**
32. "Afghanistan: War and Problems of Peace" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
33. "Oil Monarchies of Arabian peninsula on the edge of XXI century" by **M.Zakaria and A.Yakovlev**
34. "Iran: Evolution of Islamic Rule" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

1999

35. "Arab countries of Western Asia and Northern Africa" № 3, (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
36. "The Contemporary Middle East" № 6 (collection of essays)
37. "Democratization in the Arab World: the case of Tunisia and Syria" by **G.Guchetl**
38. "The State of Qatar: problems of development" by **A.Filonik and V.Isaev**
39. "Nationalism and Fundamentalism in the Middle East". In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
40. "The Environment and Development in the Arab World" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
41. "Iran and the Muslim World" by **V.Ushakov**
42. "The Contemporary Middle East" № 7 (collection of essays)
43. "Israeli Economy in the 90's" by **Eu.Satanovsky**

44. "Evolution of political Systems in the East". In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
45. "GCC in global and regional processes" by **E.Melkumian**
46. "Turkey: Problems of economic integration" by **V.Kunakov**
47. "Saudi Arabia in Evolution" by **A.Yakovlev**
48. "Policy and constitutional Process in Algeria (1989-1999)" by **M.Sapronova**
49. "The Contemporary Middle East" № 8 (collection of essays)
50. "Oriental Records" (collection of essays)

2000

51. "Republic of Turkey"
52. "U.S. Policy in Afghanistan in 1945-1999" by **M.Arunova**
53. "Political Elite in the Middle East"
54. "The Middle East: Problems of regional Security" (collection of essays).
In association with the Russian Academy of Natural Sciences
55. "The Movements of Political Islam in Northern Africa" by **S.Babkin**
56. "The Contemporary Middle East" № 9 (collection of essays)
57. "The Arab World: Islam and Reforms" (collection of essays)
58. "The Afghanistan: Problems of War and Piece" (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
59. "Tax Systems in Syria and Egypt" by **Al-Hariri Muhammad**
60. "Processes of Integration in the Economy of Northern Africa States"
by **V.Azatian and A.Tkachenko**
61. "Islamic Fundamentalism in the Sudan" by **K.Polyakov**
62. "Mass Migration and its Impact on the Israeli Society" (collection of essays)

2001

63. "Turkey between Europe and Asia" In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
64. "Islam and Policy" (collection of essays)
65. "Israel in the Contemporary World Policy" by **Eu.Satanovsky**
66. "The Sultanate of Oman" by **A.Filonik and V.Isaev**
67. "The Contemporary Middle East" № 10 (collection of essays)
68. "Algeria: crisis of power" by **A.Virabov**
69. "Islamism and Extremism in the Middle East" (collection of essays)
In association with the Academy of Geopolitics and Security
70. "The Palestinian National Autonomy: the Experience of the State Creation" by K.Polyakov and A.Hasyanov
71. "Arab Countries and Islam in Russia" by **K.Polyakov**
72. "Political Structures in the State of Israel" by **Ze'ev Geyzel**
73. "Oriental Records" № 2 (collection of essays)
74. "The Contemporary Middle East" № 11 (collection of essays)
75. "Russia in the Middle East" (conference papers)
76. "Religious Extremism in Algeria" by **S.Babkin**
77. "Muslim Countries at the Borders of the CIS" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
78. "The Contemporary Middle East" № 12 (collection of essays)

2002

79. "The Contemporary Middle East" № 13 (collection of essays)
80. "Turkish Economy under liberalization" by **N.Ultchenko**

81. "Muslims in the West" (collection of essays). In association with the Russian Academy of Natural Sciences
82. "Oriental Records" № 3 (collection of essays)
83. "Afghanistan in a Transition" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
84. "Egypt in the last third of the 20th Century" by **M.Vidiassova and M.Umerov**
85. "The Contemporary Middle East" № 14 (collection of essays)
86. "Taliban (the Religious and Political Profile)" by **R.Sikoev**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
87. "Oriental Records" № 4 (collection of essays)
88. "Army and Power in the Middle East" (collection of essays)
89. "The Contemporary Middle East" № 15 (collection of essays)
90. "Turkey and USA: main Stages in Trade and Economic Cooperation" by **M.Guchanin**
91. "The Nuclear Program of Iran and Russian-American Relations" by **M.Zadonsky**
92. "The Contemporary Middle East" № 16 (collection of essays)

2003

93. "Oil and Gas in Egypt and Algeria on the Verge of Two Centuries." by **S.Bondarenko and A.Tkachenko**
94. "Electing Dictatorship: Why Palestinian Democratization Failed" by **D.Polisar**
95. "Russia-Turkey Relations: History, present State and Perspectives" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences and the Institute of Asia and Africa

96. "An Everlasting Confrontation. Israel and the Arab World: Wars and Diplomacy" by **A.D.Epstein**
97. "Kuwait: Contours of Economic Changes" by **A.Filonik and V.Isaev**
98. "Islam, Islamism and nominal Democracy in Pakistan" by **O.Pleshov.**
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences and the Institute of Asia and Africa
99. "Iraq: First Results, Conclusions, Lessons" (collection of essays).
100. "The Contemporary Middle East" № 17 (collection of essays)
101. "Radical Islamism in Egypt" by **M.Rajbadinov**
102. "Crisis in Iraq. International and Regional Context"
103. "Iran and CIS" (collection of essays)
104. "The Contemporary Middle East" № 18 (collection of essays)
105. "Saudi Arabia: Evolution of Regime and Possible Limits in Political Development" (collection of essays)
106. "Saudi Arabia External Policy" by **G.Kosach and E.Melkumyan**
107. "Syria at the Turn of the Centuries. Power and Politics" by
V.Ahmedov
108. "Afghanistan and Neighboring Countries" (collection of essays)
109. "Egypt: Problems of National Security (1952–2002.)" by
V.Yurchenko
110. "Oriental Records" № 5 (collection of essays)
111. "Russian-Saudi Relations: Problems and Perspectives" (collection of essays)
112. "Iraq under the American Administration: democratization or «vietnamization»"
113. "Arab-Israeli Conflict: Old Problems and New Plans" (collection of essays)

114. "The Economic Co-operation between Turkey and the Turkic States of the CIS" by **E.Urazova**
115. "The Contemporary Middle East" № 19 (collection of essays)
116. "The Contemporary Middle East" № 20 (collection of essays)
117. "Berbers of North Africa: Past and Present" by **M. Sergeev**
118. "Contemporary Jordan" by **A.Aganin and Z.Solovieva**

2004

119. "The «Russians» and Power in the State of Israel" by **Vladimir (Ze'ev) Khanin**
120. "Peaceful Settlement of the Palestine–Israeli Conflict: Three Years after Camp David and Taba Talks"(essays and documents) Edited by **Alek D. Epstein**
121. " Saudi Arabia: Search for Inner Harmony" by **A.Filonik and A.Vavilov**
122. "Algeria: Change of Priorities in Development" by **E.Mironova**
123. Analytical records. "Iraqi Crisis"
124. Analytical records. "Terrorism"
125. "Islam in Contemporary Orient. Region of Middle and Near East, South and Central Asia". (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
126. "Weapon of Mass destruction in the Middle East" by **I.Novikov**
127. "Iran and Russia" (collections of essays)
128. "Officer Corps in the Middle Eastern States" (collections of essays)
- 129 Analytical records. "Russia and USA in the Middle East"
130. "The Contemporary Middle East" № 21 (collection of essays)

131. Analytical records. "Army, Weapon of Mass Destruction, Military and Technical Cooperation in the Middle East"
132. Analytical records. "Problems of the Middle East"
133. "Kurdish Question at the turn of the Millennia"
134. "The Contemporary Middle East" № 22 (collection of essays)
135. "Turkey in the New Geopolitical Conditions (documents of the Round Table, March 2004)
136. Analytical records. "Israel and Arab-Israeli Conflict"
137. Analytical records. "Iran"
138. "Israel in the beginning of the XXI-th Century" by **A.Fedorchenko, O.Zaitzeva, D.Mariyasis**
139. "Contemporary Islamic East and European Countries" (collection of essays)
140. "National and Pan-Arab Components of the Syrian Policy in the Middle East (1946–2003)" by **I.Matveev**
141. "Problems of Social-economic Development of Lebanon (1970–2000)" by **A.Gasratian**
142. "Syria: problems of national security" by **V.Yurchenko**
143. "Palestine-Israeli conflict in the mirror of public opinion and international diplomacy" (collection of essays) Edited by **Alek D. Epstein**
144. "Afghanistan in the beginning of XXI-th Century" (collection of essays)
145. "Egyptian movement of «Muslim brothers»" by **M.Rajbadinov**
146. "The Contemporary Middle East" № 23 (collection of essays)
147. "Syria. Problems of Internal Political Stability and External Security" (documents of the Round Table, 21 September 2004)
148. "Iraq: 100 days of transition"

149. "Oriental Records" № 6 (collection of essays)
150. "Iran after Elections" (documents of the Round Table, April 2004)
151. "Islamic challenge and the Algerian society" by **B.Dolgov**.
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
152. "The Contemporary Middle East" № 24 (collection of essays)

PUBLICATIONS OF THE INSTITUTE OF MIDDLE EASTERN STUDIES

2005

153. "Creating of productional infrastructure in Syria" by **M.Zanbua and A.Filonik**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
154. "Political Islam: preliminary results" by **R.Landa**
155. "Israel and the problem of Palestinian refugees: history and policy" by **Alek D. Epstein**
156. "Islam and political culture in Pakistan" by **O.Pleshov**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
157. "Islam and social development in the beginning of XXI-th Century". In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
158. "The Contemporary Middle East" № 25 (collection of essays)
159. "The Contemporary Middle East" № 26 (collection of essays)
160. "«Leftists» in the Middle East: Libyan experience" by **A.Rjasov**
161. "Western Mediterranean: problems of integration" by **I.Mokhova**
162. "Kurdistan: resources and policy" Part 1, Part 2 by **N.Mosaki**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

2006

163. "Israel in the era of post-zionism: science, ideology and policy" by **Alek D. Epstein**
164. "On the situation with delimitation: society and policy in Israel in 2005" by **Vladimir (Ze'ev) Khanin**
165. "Afghanistan, Iran, Pakistan: time of elections and changes" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

166. "The Contemporary Middle East" № 27 (collection of essays)
167. "The Contemporary Middle East" № 28 (collection of essays)
168. "Globalization and capital investments process in the Arab World" by **L.Rudenko**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
169. "Kingdom of Bahrain" by **V.Isaev, A.Filonik**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
170. "Oriental Records" № 7 (collection of essays)
171. "The Middle East: «The Road Map» and regional security" by **A.Baklanov**
172. "Why did «The Road Map» fail?" by **Alek D. Epstein**
173. "International Islamism in the Northern Caucasus" by **D.Nechitailo**
174. "The Iraqi Constitution in the past and in the present" by **M.Sapronova**
175. "The War of Israel against «Hesbollah» and creation of new contour of the Middle Eastern policy" by **Alek D. Epstein**
176. "The Kurdish problem in the Western Asia in the beginning of XXI-th Century" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
177. "The Contemporary Middle East" № 29 (collection of essays)
178. "The Modern Turkey: problems and solutions" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
179. "The Sudan: the Islamic traditionalism and army" by **S.Seregichev**

2007

180. "The Contemporary Middle East" № 30 (collection of essays)
181. "The state of Israel: policy, economy, society" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

182. "The Kurdish problem in Turkish policy (the end of XX – the beginning of XXI centuries)" by **K.Vertiaev**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
183. "The Contemporary Middle East" № 31 (collection of essays)
184. "The Contemporary Middle East" № 32 (collection of essays)
187. "The Islamic factor in South-East Asia. The role of external forces" by **M.Gusev**
186. "Oriental Records" № 8 (collection of essays)
187. "Saudi Arabia: political processes and "Stages of Reform" (the end 1990–2006)" by **G.Kosach**
188. "Israel inside the world economic relations" by **D.Mariyasis**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
- 189 "The League of the Arab states and international process in the Arab world" by **L.Rudenko, Z.Solovieva**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
190. "HAMAS in the regional policy" by **Alek D. Epstein**
191. "The nuclear factor in Russian-Iranian relations" by **S.Sarukhanjan**
192. "The military policy and force development in the Middle East (the end of XX – the beginning of XXI centuries)" by **V.Yurchenko**
193. "The Contemporary Middle East" № 33 (collection of essays)

2008

194. "The Contemporary Middle East" № 34 (collection of essays)
195. "The diplomatic battle for Jerusalem. Behind-the-scene story" by **G.Melamed and Alek D. Epstein**. In association with the Institute of Asian and African Studies, Moscow State University and Gishrey Tarbut Association
196. "Al-Qaeda: the structure, the allians and the sponsors" by **V.Kudelev**

197. "Saudi Arabian diplomatic corps: stages of evolution and sources of formation" by **G.Kosach**
198. "Government and parliament in the arab countries (legal status and political practice)" by **M.Sapronova**
199. "The Persian Region: conflicts, compromises, cooperation" by **E.Melkumyan**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
200. "The conflict in the Darfur Province: main reasons and tendencies" by **E.Kudrov**
201. "Israel and (un)controlled territories: to leave or stay" by **Alek D. Epstein**.
In association with the Gishrey Tarbut Association
202. "The Contemporary Middle East" № 35 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
203. "The Contemporary Middle East" № 36 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
204. "Turkey before and after 2007 parliamentary and presidential elections" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
205. "The Iraqi Factor in the foreign policy of the Republic of Turkey (1990–2007)" by **I.Svistunova**
206. "The Contemporary Middle East" № 37 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

2009

207. "Antiterroristic terror" by **Alek D. Epstein**
208. "Iran, uranium and rockets" by **V.Evseev, V.Sazhin**

209. "The Contemporary Middle East" № 38 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
210. "Islam in internal and external policy of Magrib" by **A.Podcerob.**
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
211. "Al-Qaeda and the war in Iraq" by **V.Kudelev**
212. "The Middle East: challenges of the XXI-st century" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
213. "Israelites and Palestinians: from confrontation to negotiations and back to the point" by **Alek D. Epstein**. In association with the Gishrey Tarbut Association
214. "The Contemporary Middle East" № 39 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
215. "Iran-Israel. From partnership to conflict" by **V.Mesamed**
216. "The Contemporary Middle East" № 40 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

2010

217. "Turkey and EU: history, problems and prospects for cooperation"
by **U.Kudrjashova**
218. "Turkey's fuel and energy complex and oil and gas industries in
Russian-Turkish relations" by **I.Starodubtcev**
219. "Turkey in the context of new internal circumstances" (collection of
essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian
Academy of Sciences
220. "Coptic community in contemporary Egypt: problems and prospects"
by **U.Zinkina**
221. "Middle Eastern frontier. Israeli settlement: history and modernity"
by **V.Chernin**

222. "The Contemporary Middle East" № 41 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
223. "The Contemporary Middle East" № 42 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
224. "Iran in Central Asia: two decades of dialogue" by **V.Mesamed**

2011 г.

225. "SCO and The Middle Eastern Countries (ten years of activity)" In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
226. "Russia and Israel: the hard road to each other" by **Alek D. Epstein**. In association with "The Law For Peace" Society
227. "The genesis and fall of «leftist» Israel" by **Alek D. Epstein**
228. "The legal regulation of the equity market in The Middle Eastern Countries" by **D.Birjukov**
229. "Economic sanctions against Iran: goals, scales, possible consequences of implication" by **N.Kozhanov**
230. "Turkey after the 2010 referendum" (Interacademic student conference. Moscow, February 17 2011) In association with the the Moscow State Institute of Foreign Relations
231. "The Conteporary Sudan: from unity to division" by **S.Seregichev**.
In association with the Russian State University for the Humanities
232. "The Contemporary Middle East" № 43 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
233. "The Contemporary Middle East" № 44 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

Internet: www.iimes.ru

Научное издание

А.В. САЛИЙЧУК

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЛИБЕРАЛИЗАЦИЯ
И МАКРОЭКОНОМИЧЕСКАЯ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬ
ЕГИПТА, ИОРДАНИИ И ТУНИСА**

Подписано в печать 17.04.2012 г.

Формат 60x90/16.

Печать офсетная

Бумага офсетная №1

Объем 15 уч. изд. л.

Тираж 200 экз. Тип. Зак. № 75

Типография «Вишневый пирог»
115114, Москва, 2-й Кожевнический пер., 12